

Марианна Сильвер.

Я умею
ждать

Annotation

Мне тридцать восемь и я давно поставила крест на своем женском счастье. Единственный мужчина, которого я любила, исчез из моей жизни много лет назад. Вместе с ним исчезли все краски мира.

Все, о чем я просила Судьбу — еще одна встреча с Ним.

И судьба подарила мне эту встречу... в ночном поезде "Москва-Санкт-Петербург".

Я умела ждать
Марианна Сильвер

Глава 1

До поезда оставалось чуть меньше сорока минут, а я все еще сидела в холле небольшого трехзвездочного отеля и нервно поглядывала на часы. Такси, которое должно было отвезти меня на вокзал, опаздывало. Вот чувствовала же, что будет именно так, но не перестраховалась. Могла бы вызвать машину пораньше, чтобы не сидеть как на иголках. Ведь в прошлый я раз заскочила в поезд за три минуты до отправления. Видимо, жизнь меня ничему не научила.

Я устало посмотрела на огромный чемодан и представила, как бегу с ним по Ленинградскому вокзалу и прохожу пункты досмотра. От этой мысли внутри стал разрастаться нервный шар, готовый взорваться в любой момент.

Я прикрыла глаза и представила, что я уже дома, рядом с детьми, по которым ужасно соскучилась. Сегодня был настолько загруженный день, что у меня даже не было возможности с ними нормально поговорить. Только один короткий звонок и несколько сообщений. И все. А я так привыкла, что вечером мы разговариваем, делимся событиями, произошедшими за день.

Наконец, телефон просигнализировал о входящем сообщении и вывел меня из раздумий. «Машина подъехала», — проинформировало приложение. Я поднялась из мягкого кресла и направилась к выходу. Холл отеля мгновенно наполнился шумом колесиков моего чемодана, скользивших по мраморному полу. Попрошавшись с девушкой-администратором на ресепшн, я вышла на улицу. Холодный ветер и дождь с силой ударили в лицо — начало октября в этом году ставило рекорды по количеству ненастных дней. Я еще раз заглянула в приложение, чтобы проверить номер автомобиля и направилась к белому седану, ожидающему меня на парковке.

— Добрый вечер, — из машины вышел водитель, мужчина лет пятидесяти, и протянул руку к моему чемодану.

— Добрый, — поздоровалась я и мысленно извинилась перед ним за то, что чемодан такой тяжелый.

Водитель убрал его в багажник и вернулся за руль.

— Во сколько у вас поезд? — уточнил у меня мужчина, настраивая маршрут в навигаторе.

— В двадцать один пятьдесят пять, — я с надеждой посмотрела на него.

— Успеем, — уверил он, пристегиваясь.

На всякий случай я мельком взглянула на навигатор. Время прибытия на вокзал, которое он показывал, оставляло надежду, что мы, действительно, успеем. Я облегченно выдохнула и немного расслабилась.

С тихой улочки, на которой располагался отель мы медленно выехали на широкий проспект и встроились в плотный поток автомобилей.

Я смотрела в окно и чувствовала упадок сил. Первый раз так устала в командировке. Встречи, семинары, выставки — все в очень интенсивном формате. Как будто руководство решило за пять дней выполнить годовой план.

Вообще в последнее время я стала превращаться в домоседа — избегала компаний, не посещала корпоративы и всеми способами открещивалась от командировок. Мне хотелось как можно больше времени проводить дома, с детьми. Моя жизнь превратилась в одну

большую бесцветную полосу. Только дети вносили в нее краски и дарили эмоции. Все остальное мне было безразлично. Я перестала любить праздники, меня раздражали обезличенные открытки, которые пачками сыпались в мессенджер на Восьмое Марта или Новый Год. Во всех социальных сетях я скрыла дату своего рождения — не хотела, чтобы меня поздравляли по напоминанию робота. А близкая подруга и мама поздравляли меня и так.

После смерти мужа я решила для себя, что все попытки устроить личную жизнь завершены. И я буду встречать старость в одиночестве или, в лучшем случае, в компании котов. Необычно для женщины в тридцать восемь лет? Да, но не для меня. Мои душа и сердце превратились в одну глубокую незаживающую рану. Поэтому, их хватало только на переживания за детей и маму. Все остальное не имело значения. И нынешняя командировка, которая, наконец-то завершилась, была мне не в радость.

«Дома. Завтра буду дома. Осталось только пережить ночь в купе с незнакомыми людьми», — уговаривала я себя, глядя в окно автомобиля. По стеклам бежали косые капли дождя. Вечерняя Москва провожала меня яркими огнями витрин и рекламных вывесок. Мы ехали в плотном потоке машин. Встречные автомобили слепили яркими фарами, впередиидущие — моргали красными стоп-сигналами. Дворники ритмично смахивали капли дождя с лобового стекла, на мгновение делая картину вечернего города четкой. На тротуарах, несмотря на непогоду, было многолюдно. Люди спешили по своим делам, прячась за зонтами и капюшонами. И глядя в окно такси, забрызганное каплями дождя, я с еще большей силой ощутила, как хочу домой. В Питер. Туда, где не нужно спешить. Туда, где даже дождь другой — свой, родной.

— Ну вот, вроде успели, — сказал водитель, когда мы подъехали к площади Трех Вокзалов. — Сейчас развернемся и я вас высажу.

— Спасибо, — я тут же взялась за ремень безопасности, готовясь отстегнуть его. Для меня была важна каждая сэкономленная секунда.

Нам потребовалось еще несколько минут на то, чтобы развернуться и припарковаться напротив входа на вокзал. Как только автомобиль остановился, я мгновенно отстегнулась и вышла из машины. Водитель также энергично открыл багажник, вручил мне мой чемодан и пожелал хорошей дороги.

Я направилась ко входу на вокзал, ускоряя шаг. По-хорошему, нужно было пробежаться, но с чемоданом это сделать нереально. Я тащила его за металлическую ручку и ругала себя за то, что нагроутила его под завязку рекламными и учебными материалами, которые тщательно собирала на выставках и семинарах.

«Нет! Пожалуйста!» — я чуть не заплакала в голос, когда увидела толпу на входе в здание вокзала. Судя по всему, кроме меня никто не спешил. Пришлось приложить усилия, чтобы быстрее протиснуться в двери и затащить чемодан по ступенькам.

На пункте досмотра стояла очередь, которую я обошла и нагло вклинилась перед мужчиной, собиравшимся поставить свои вещи на ленту.

— Извините, я очень опаздываю, — посмотрела я на него. В моем голосе и глазах была мольба.

Мужчина молча отошел, а вот женщина, стоявшая за ним начала громко возмущаться. Но мне было все равно. В другое время я бы никогда так не поступила. Но сейчас выбора у меня не было. Я взгромоздила чемодан на ленту, скинула сумочку и быстрым шагом прошла через ворота металло-детектора.

Финишная прямая. Я лавировала между людьми, волоча за собой тяжеленный чемодан. Параллельно искала на информационном табло номер платформы, где должен стоять мой поезд. Силы были на исходе, дыхание сбилось. Бег на короткие дистанции — не мой конёк.

Я быстрым шагом семенила по платформе к десятому вагону. Оставляя позади четырнадцатый..., тринадцатый..., двенадцатый..., одиннадцатый....

— Добрый вечер, — поприветствовала меня молодая девушка-проводник, когда я, наконец-то, добежала до вагона с цифрой «десять».

Я судорожно протянула ей паспорт. Отыскав меня в списке пассажиров, она мило улыбаясь сказала:

— Пятое купе, девятнадцатое место.

— Спасибо, — выдохнула я, и приложив последние усилия, закинула уже сильно ненавистный чемодан в поезд.

Коридор сразу же окутал меня теплом и запахом креозота. Мой мозг подал сигнал о том, что мы успели и пора бы уже успокоиться. Что я и сделала — медленно, без суеты дошла до своего купе, уступая дорогу идущим навстречу пассажирам, и на ходу разматывая шарф.

В моем купе еще никого не было. Воспользовавшись этим, я достала пакет с вещами, которые приготовила для поезда, затолкала чемодан под нижнюю полку и обессиленная плюхнулась на сидение. Дыхание наконец-то начало выравниваться, а сердце перестало бешено колотиться. Я посмотрела на часы — до отхода поезда еще целых семь минут. Зря волновалась. Ну и ладно.

Я сидела с прикрытыми глазами и прислушивалась к звукам в вагоне. В коридоре и в соседних купе слышались негромкие разговоры, открывались и закрывались двери, поднимались и опускались полки, шуршали катящиеся по ковру чемоданы, сновали пассажиры. А я сидела и приходила в себя, мечтая о том, как было бы хорошо закрыть дверь купе и отгородиться от всего мира.

По радио провожающих попросили покинуть вагоны, а мои соседи так и не появились. «Вот бы ехать одной до самого Питера», — продолжала мечтать я. Но впереди была еще ни одна остановка, так что рассчитывать на одиночную поездку — глупо.

— Добрый вечер, — раздался мягкий мужской голос, заставивший меня открыть глаза.

На пороге купе стояли двое мужчин, лет сорока на вид.

— Не помещаем? — вопросительно посмотрел на меня один из них и улыбнулся.

— Нет, конечно, — улыбнулась я в ответ.

Улыбнулась не потому, что была так рада предстоящей ночной поездке с двумя незнакомыми мужчинами. Просто его взгляд и улыбка моментально расположили к себе. Мне показалось, что в купе стало светлее — настолько открытым был этот мужчина.

— Замечательно, — он зашел в купе и немного отодвинулся в сторону, давая возможность войти приятелю.

Я пересела к окну, чтобы мужчины могли спокойно раздеться и убрать вещи. При этом, исподволь наблюдала за ними. Оба — высокие, в хорошей физической форме, насколько это можно понять через одежду. Без особого труда они закинули свои сумки на верхнюю багажную полку. А еще у кого-то из них был невероятно вкусный цитрусовый парфюм. Я даже сделала глубокий вдох, чтобы ощутить его получше.

Когда мужчины разделись и присели напротив меня, я все-таки почувствовала неловкость. И про себя молилась о том, чтобы четвертой нашей попутчицей оказалась женщина.

— Евгений, — представился один из моих спутников. Тот самый, который очаровал меня своей улыбкой.

— Юлия, — ответила я.

— Вячеслав, — представился второй мужчина.

— Так, что у нас там со временем? — спросил Евгений у Вячеслава.

У мужчин завязался диалог, в который я не вникала. Я снова прикрыла глаза и прислонилась головой к боковой стенке вагона, пытаясь расслабиться. Однако мой мозг не дал мне покоя. Сначала он начал рисовать картинку того, как я буду ехать ночью с этими мужчинами в купе. Обычная история, но мне было не по себе. Потом, переключившись с мужчин на бытовые моменты, мой мозг стал строить планы на неделю. Я ненавидела себя за эту черту характера — мне всегда и все нужно было держать под контролем. Все должно быть так, как я запланировала. Если что-то шло не плану, это выбивало меня из колеи. Поэтому, мне редко удавалось отключить голову и ни о чем не думать. Я все время боялась упустить что-то важное. Вот и в тот раз в голове кружилась карусель из того, что «нужно сделать и не забыть».

Легкий толчок заставил меня открыть глаза и прервать мозговой шторм. Поезд начал медленно набирать скорость.

— Ну что, поехали, — глядя в окно констатировал Евгений.

Я тоже повернула голову к окну — мимо нас поплыли огни вокзала, вскоре сменившиеся огнями ночной столицы во главе с Останкинской Башней. Поезд ускорился, стук колес становился быстрее. Какое-то время мы ехали молча.

Когда мы выехали из Москвы и пейзаж за окном сменился темнотой, Евгений расслабленно откинулся на сидении и обратился ко мне:

— Юлия, а вы из Питера или из Москвы?

— Из Питера.

— Значит, домой?

— Домой. А вы?

— В командировку.

— Надолго? — спросила я, удивляясь самой себе, ведь обычно чувствовала себя скованно в компании малознакомых людей. Но в Евгении было что-то такое, что располагало к себе.

— Пока на неделю, а там посмотрим.

Я кивнула, а у моего собеседника завибрировал телефон, лежавший на столе.

— Извините, — сказал он и открыл сообщение, прочитав которое обратился к Вячеславу, и мужчины начали что-то негромко обсуждать.

А я воспользовалась моментом и снова стала исподволь рассматривать их.

Вячеслава можно было назвать красавчиком — блондин с короткой стрижкой и небольшой щетиной. Его светлые глаза были обрамлены густыми ресницами, которым могла позавидовать любая женщина. Тонкий бежевый джемпер оттенял цвет смуглой кожи.

Евгений — шатен с чуть вьющимися волосами, аккуратно выбрит, под нижней губой — небольшой шрам. Клетчатая рубашка, которая была на нем надета, натолкнула меня на мысль о том, что мужчины или аййтишники, или инженеры. Да, вот таким стереотипным мышлением я обладала. Ну что поделать?

К нам в купе заглянула проводник и вывела меня из размышлений. Она еще раз проверила билеты и сообщила об услугах, которые входят в стоимость или которые можно приобрести за отдельную плату.

— Спасибо, — хором поблагодарили мы девушку, когда она закончила свою заученную речь.

— Молодая, неопытная, — улыбнулся Вячеслав, провожая её взглядом.

Я вопросительно посмотрела на него — фраза показалась мне грубой.

— Юль, вы не пугайтесь. Это он не со зла, — вступился за приятеля Евгений. — Просто мы много времени проводим в командировках и видим разных проводников. И от того, насколько формально или неформально они относятся к своей работе, зачастую зависит их заработок. Есть пассажиры, которые не скупятся на чаевые. Чем душевнее проводник, тем больше он заработает. Но это понимание приходит с опытом.

Я кивнула, отчасти согласившись с тем, что только что услышала. Однако, полностью принять мнение мужчин я не смогла. Ведь грань между вежливостью и выслуживанием очень тонкая.

У Вячеслава зазвонил телефон, он ответил на вызов и вышел из купе, прикрыв за собой дверь. Мы остались с Евгением вдвоем. Он сидел напротив и смотрел мне прямо в глаза. Удивительно, но несмотря на такую немного интимную обстановку, мне было комфортно. Поэтому, я тоже смотрела на него, и не думала отводить взгляд.

Не знаю что, но что-то тянуло меня к нему. Вообще, мне хотелось знать о нем больше. И в моей голове сам собой возник диалог, который мог бы произойти между нами. Жаль, что в жизни я не настолько смелая, как в своих фантазиях:

— Женя, чем вы занимаетесь? — без согласия я перешла с «Евгения» на «Женю».

— Угадайте, — он чуть прищурился и хитро улыбнулся.

— Не могу, — покачала я головой, ничуть не смутившись.

— Это легко, — он облокотился на столик, который разделял нас.

— Для вас — да, для меня — нет...

Я не успела дофантазировать, чем бы мог завершиться наш диалог, так как дверь нашего купе резко распахнулась, прервав его.

Я повернула голову в сторону дверного проема, ожидая, что вернулся Вячеслав. Но, увидев стоящего в проходе мужчину, мой внутренний голос забил тревогу: «Нет! Нет! Нет!». Я еще надеялась, что это обман зрения или плод моего воспаленного воображения.

— Я думал, что без тебя поедем, — Евгений поднялся со своего места и протянул мужчине руку.

— Я с Андреем завис, — пожал вошедший протянутую ему руку.

— Юля, познакомьтесь, — обратился ко мне Женя, — Павел, наш коллега.

— Очень приятно, — еле слышно прошептала я, не в силах отвести взгляд.

— Паша, это наша спутница, Юлия, — представил меня Евгений.

Мужчина молча кивнул, закинул небольшую спортивную сумку на верхнюю полку, снял куртку и присел рядом со мной. Дверь нашего купе снова распахнулась — в этот раз на пороге стоял Вячеслав — и Павел переключился на него:

— Что Трофимов? Звонил?

«Этот голос. Его голос. Я не ошиблась. Это Пашка. Мой Пашка!» — я вцепилась в край дивана с такой силой, что пальцы побелели.

— Да, звонил. Результаты экспертизы еще не готовы. Но я ему сказал, что завтра они должны лежать у тебя на столе, — эхом в голове звучал голос Вячеслава.

Мужчины продолжали беседу, но я не понимала ни слова. Звуки доносились будто из-за стены. Мне перестало хватать воздуха, было ощущение, что я вот-вот упаду в обморок. Внутри меня нарастала паника. Я поднялась со своего места, тихо извинилась и на ватных ногах вышла в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Перед глазами все расплывалось, пришлось даже взяться за поручень, чтобы не грохнуться в обморок. Неимоверными усилиями я заставила себя не разрыдаться. «Он меня не узнал? Или сделал вид, что не узнал?» — спрашивала я себя, глядя в окно, за которым была непроглядная темнота. Только крупные капли дождя быстро бежали по стеклу, словно вторили тому, что творилось в моей душе.

Когда-то я очень ждала нашу встречу. Я мечтала о ней долгие годы, просила Судьбу дать мне еще хоть на мгновение увидеть Пашу. И вот мы встретились, а я умираю. Ни радости, ни облегчения, ничего, на что я так надеялась. Паника, страх, боль обиды — вот то, что в одно мгновение разом навалилось на меня.

В голове закружилась карусель из воспоминаний. И с каждой картинкой из прошлого становилось тяжелее и больнее.

Мы познакомились с Пашей почти тридцать лет назад в небольшом поселке в Тверской области. Я приезжала к своей бабушке на каникулы из Ленинграда, он к своей — из Москвы. Паша был старше меня на год. Он рос в семье потомственных военных. Его дедушка — военный пенсионер, который после выхода на пенсию перебрался жить в свой родной поселок, где родился и где были могилы его предков. Папа Паши занимал высокую должность в Москве, а до этого много лет мотался по гарнизонам по всей стране.

Мы жили в одном подъезде, наши квартиры были расположены напротив на одной лестничной клетке. Мы долго не замечали друг друга. Нет, не так. Мы долго игнорировали друг друга, как это бывает, в определенном возрасте, когда мальчики и девочки избегают

друг друга. Когда все мальчишки — дураки, а все девчонки — зазнайки. Когда назвать мальчика по имени — значит показать, что он тебе не безразличен и получить в спину «Тили-тесто, жених и невеста». То ли дело крикнуть: «Иванов! Петров! Васечкин!» — ничего личного, все очень официально. Когда не дергать девочек за косички или хвостики — значит «влюбиться».

С Пашей мы даже не здоровались, когда рядом не было родственников или соседей. Просто пробегали мимо с опущенным взглядом. Я знала, что напротив живет мальчик Паша, с бабушкой, дедушкой и младшим братом. Думаю, что его знания обо мне ограничивались примерно тем же.

Так продолжалось ни один год. Все изменилось летом, когда мне исполнилось шестнадцать. Моя внешность перешла из стадии «гадкого утенка» в стадию «какое милое личико и утонченная фигура». Мой взгляд стал более уверенным, я начала замечать внимание противоположного пола. Я стала более внимательно относиться к своему гардеробу и училась пользоваться косметикой. Время, которое я проводила перед зеркалом уже не ограничивалось одной минутой. Я любила покружиться и полюбоваться собой. Меня нельзя было назвать красавицей, но и некрасивой тоже.

Тем летом, в начале августа, к бабушке приехала моя двоюродная сестра Оля из Калининграда. Обычно она проводила большую часть каникул на Балтийском море у других своих родственников. И если приезжала на каникулы к бабушке и дедушке, то не больше, чем на две недели. Я всегда с нетерпением ждала её приезда.

Будучи девушкой энергичной, Оля таскала меня на все окрестные водоемы, в лес, в соседние поселки. Я хоть и бубнила, но была рада сменить обстановку, ведь с бабушкой и дедушкой много не нагуляешься. А все подружки у меня были деревенские, поэтому часто занимались огородами, сбором ягод или присмотром за братьями и сестрами, пока родители на работе. А у некоторых из них уже были серьезные отношения с парнями и им было не до меня. Так что, до приезда Оли, я много времени проводила за чтением книг или одиночным катанием на велосипеде.

Однажды моя энергичная сестра потащила меня на дискотеку в наш сельский клуб. Я бывала там и раньше, но не часто — бабушка не охотно отпускала меня. В тот раз бабуля тоже была категорически против, но Оля не была бы собой, если бы не настояла на своем.

Я долго выбирала наряд для дискотеки. Перебрав весь шкаф и комод, я решила надеть короткую джинсовую юбку прямого кроя и любимый топик с рукавами-фонариками. На ноги — белые босоножки на невысоком каблучке. Волосы собрала в хвост, а челку высоко начесала, как тогда было модно.

Дискотека начиналась в семь часов. На улице перед клубом было многолюдно — ведь к нам на дискотеку приезжали и из соседних деревень и поселков. Девчонки уже были на месте, за исключением вечно — опаздывающей Маши. Я помахала подругам, и мы с Олей направились к ним. Они делились свежими новостями, а я с интересом слушала их. Оля пританцовывала под музыку, которая доносилась из клуба из-за закрытых дверей и окон. Когда пришла Маша, мы, наконец, пошли внутрь.

В тот вечер мы много танцевали под громкую музыку, в свете самой простенькой цветомузыки. Нам было весело, несмотря на то, что в клубе было тесно, и мы стояли почти у самой колонки. Разговаривать друг с другом даже не пытались, так как перекричать музыку было невозможно. Но мы прекрасно общались жестами. Подпевали, если наш крик вообще можно было назвать пением, хитам «Гости из будущего», «Руки Вверх», «На-на» и других

групп. Наш деревенский ди-джей был человеком разносторонних вкусов, поэтому, на дискотеке можно было услышать песни совершенно разных лет.

Ну и, конечно же, какая дискотека без «медляков»? Многие из них я знала наизусть, но обычно танцевала в стороне одна или с кем-нибудь из девчонок, так как ребята меня не приглашали.

Вообще, тот вечер ничем не отличался от других, которые я проводила на дискотеке. Кроме одного танца, который могу воссоздать до мелочей. «Дым сигарет с ментолом» — песня, с которой началась новая Я. Песня, которая стала пророческой для нас с Пашей.

Когда ди-джей включил незабвенный хит группы «Нэнси», светомузыку немного приглушили и разноцветные лучи медленнее заскользили по танцполу. Моих подружек и Олю местные ребята пригласили танцевать, а я, оставшись одна, отошла к своей «любимой» стене и наблюдала оттуда за танцующими парами. Мой взгляд скользил по залу, я медленно двигалась в такт мелодии.

— Потанцуем? — рядом раздался голос, который я с трудом расслышала из-за стоящего рядом динамика.

Я повернулась и увидела ЕГО. Тогда я, правда, увидела просто его — моего соседа Пашу. Это уже потом он стал для меня целым миром.

Кивком головы я согласилась на танец, в конце которого поняла, что пропала. Паша взял меня за руку и повел за собой в центр зала, сквозь танцующие пары.

Мы двигались под музыку, Паша обнимал меня за талию, мои руки лежали на его плечах. Мы смотрели друг на друга и ничего не говорили. Наш диалог взглядами был красноречивее сотни слов. Для меня больше не существовало никого, кроме Паши. Мы, словно герои фильма «Золушка», унеслись в другой мир, где были только я и он. Я чувствовала тепло его рук на своем теле, ощущала его дыхание, не могла оторвать взгляд от его серых глаз. Вот так всего за несколько минут я потеряла голову.

Когда музыка закончилась, Паша поблагодарил меня за танец, отвел обратно к стене, попрощался и ушел. Он вышел на улицу и больше не возвращался. Я искала его среди танцующих весь оставшийся вечер, но он так и не появился.

Утром следующего дня мы столкнулись на лестнице.

— Привет, — поздоровался со мной Паша, он как раз выходил из квартиры.

— Привет, — я, наоборот, возвращалась из магазина и приготовила ключ, чтобы открыть дверь.

— Как дела?

— Все хорошо.

— Погуляем вечером?

— Погуляем, — согласилась я, не раздумывая. А ведь ещё каких-то пару дней назад я прошмыгнула бы мимо него, не поднимая взгляд.

Тот вечер мы провели вместе — обошли близлежащие окрестности и много разговаривали. И все оставшиеся дни до его отъезда мы тоже проводили вместе.

Оля сгорала от любопытства и засыпала меня расспросами, бабушка только укоризненно качала головой и вздыхала, когда я возвращалась ближе к полуночи. Но мне было все равно. Я засыпала и просыпалась с мыслями о Паше.

В последний день, перед отъездом Паши в Москву, мы гуляли до самого рассвета. Разговаривали, целовались, бродили, держась за руки, встречали восходящее солнце. Бедная моя бабушка — мне до сих пор стыдно за свое поведение — не сомкнула глаз. Но я ничего

не могла с собой поделаться. Я не могла отпустить Пашу, не попрощавшись.

Он уехал, а я почти неделю не выходила из дома, пока папа не увез меня домой в Ленинград. Целый год мы писали друг другу письма, очень редко созванивались. Я жила ожиданием лета и новой встречи с Пашей. Я не смотрела ни на кого. Мне были не интересны другие мальчишки. Ведь у меня был Паша. Я наизусть выучила его письма, но все равно перечитывала их перед сном.

Мы снова встретились следующим летом. Паша приехал всего на три недели в перерыве между выпускными экзаменами в школе и вступительными в военное училище. И это были самые счастливые недели в моей жизни. Мы проводили вместе каждую свободную минуту, забывали обо всех, дышали друг другом. Тем летом Паша стал моим первым мужчиной.

Наши три недели закончились, принеся новое расставание. Пашка поступил в военное училище, где была строгая дисциплина. Никаких звонков, редкая переписка. Я уговаривала себя, что и эту разлуку мы преодолеем. Этим и жила, зачеркивая дни в календаре.

Совершенно неожиданно Паша приехал ко мне на Новый Год. Вместо поездки к родителям, которых перевели служить во Владивосток. Спасибо моим папе и маме, которые приняли наши отношения с первого дня и разрешили Паше остаться у нас. И снова в моей жизни — счастье до одури, до слез. Я не могла на него насмотреться, не могла наслушаться. Я так соскучилась по нему.

В день отъезда Паша не разрешил мне проводить его на вокзал. Прощаясь, мы долго целовались в коридоре и не могли оторваться друг от друга. Я закрыла за ним дверь и рухнула на кровать, захлебываясь слезами. Это был последний раз, когда я его видела. Он больше не писал и не звонил.

Я пыталась выяснить хоть что-то, но безуспешно. Единственной ниточкой были его бабушка и дедушка. Но они в том же январе уехали на постоянное жительство к детям во Владивосток.

Я жила надеждой на встречу с Пашей, надеялась, что он вернется и у нас снова все будет по-прежнему. Для меня все потеряло смысл. Никакие ухищрения родителей не могли вывести меня из депрессии. Я закрылась от друзей, и все свободное время проводила дома.

А через три года, когда я уже училась в Университете, я совершенно случайно узнала, что Паша жив, здоров и совсем недавно женился. Сказать, что мой мир рухнул — не сказать ничего. Меня словно живой закопали в землю — настолько мучительным было осознание предательства.

Благодаря любви и терпению родителей я смогла выдержать этот удар и вернуться к жизни. Хотя поначалу желание наложить на себя руки было непреодолимым.

Я запретила себе вспоминать о том, что когда-то сильно любила. Я вычеркнула из памяти целый период своей жизни — от шестнадцати до двадцати лет. И мне удавалось это делать на протяжении многих лет. Удавалось ровно до того дня, когда я оказалась в том ночном поезде «Москва-Санкт-Петербург».

— Юля, — выдернул меня из воспоминаний мягкий голос Евгения.

— Да? — очнулась я и посмотрела на него.

— Там у вас телефон настойчиво звонит. Я подумал, что может это важно, раз вас ищут.

Я судорожно стала ощупывать себя в поисках телефона — не сразу поняла, что он остался в купе и именно об этом говорил Евгений.

— Спасибо. Я сейчас вернусь. Извините, если он вас беспокоит.

— У вас все в порядке? — он внимательно смотрел на меня. — Может вы нас испугались? Так вы не переживайте по этому поводу. Мы вполне приличные и не обидим, — на его лице появилось подобие улыбки. — Слово офицера.

Я не обратила внимание на его последнюю фразу, так как все еще не могла до конца отвязаться от воспоминаний.

— Женя, извините меня, пожалуйста. Сегодня был тяжелый день, и я просто немного устала. А про вас и ваших друзей я ничего плохого не думала, — сказала я совершенно искренне.

— Ну вот и отлично, — теперь он уже улыбался открыто. — Чай будете?

Я кивнула. Евгений направился в сторону купе проводников, а я так и осталась стоять у окна.

«Что делать? — спрашивала я у себя. — Может попросить проводницу переселить меня в другое купе? Сошлюсь на то, что мне будет не комфортно ночью ехать одной с тремя незнакомыми мужчинами».

Я подождала, пока Евгений возьмет чай, помогла ему открыть дверь в купе и сославшись на то, что мне нужно освежиться, направилась к проводнице. В моей душе поселилась надежда. Я радовалась, что нашла такой простой и логичный выход из сложившейся ситуации — просто перейду в другое купе и никакого Паши в моей жизни опять не будет.

Но моим надеждам не суждено было сбыться. Ни в нашем вагоне, ни в соседних, свободных мест не было. Единственное, что можно было сделать — дожждаться остановки в Твери — вдруг кто-то опоздает или не придет.

Я поблагодарила девушку-проводницу и зацепилась за слово «Тверь». Я не надеялась, что появятся свободные места, я просто решила там выйти. Мне было все равно, что за окном ночь и скорее всего придется сидеть на вокзале. Пусть. Хуже, чем сейчас мне уже не будет, по крайней мере морально. А на остальное — плевать.

Я подошла к расписанию, запомнила время прибытия в Тверь, сделала глубокий вдох и пошла на свое место. Дверь нашего купе была открыта, из него доносились тихие мужские голоса. Я постаралась придать своему лицу беззаботное выражение и вошла.

За время моего отсутствия Вячеслав с Пашей поменялись местами и теперь Паша сидел напротив меня.

— Юля, ваш чай, — Евгений показал на стакан в резном металлическом подстаканнике.

— Спасибо, — тихо поблагодарила я.

Прежде чем приступить к чаю, я взяла телефон, чтобы проверить, кто же так настойчиво искал меня. Все звонки были от мамы. Я совсем забыла, ей сказать, что благополучно села в поезд. Я быстро написала сообщение, что со мной все хорошо и что

перезвонить не могу, так как все уже спят. Пожелала спокойной ночи и отложила телефон.

Мы с Евгением пили чай, Вячеслав с Пашей листали ленту в своих телефонах. Обстановка в купе была странная. Вроде ничего не произошло, но в воздухе чувствовалось напряжение. Судя по всему, его ощущала не только я. Евгений, хоть и делал вид, что все в порядке, но вел себя не так, как вначале. От его открытости не осталось и следа. Паша не произнес ни слова после того, как я вернулась. Только Вячеслав был спокоен и расслаблен. Он смотрел файлы в телефоне и периодически комментировал их.

Если сначала я решила, что мужчины — инженеры или айтишники, то теперь, по обрывочным фразам, брошенным Вячеславом, я сделала вывод, что скорее всего они военные или полицейские. Мои предположения подтвердились самым неожиданным образом — дверь нашего купе распахнулась, а на пороге, широко улыбаясь, стоял молодой парень.

— Евгений Александрович, товарищ полковник, — обратился он к Жене. — Ну мы же вас ждем, — в его глазах бегал озорной огонек,

— Андрей, тебя стучаться не учили? — совершенно невозмутимо спросил Евгений.

— Ну Евгений Александрович, — ничуть не смутившись и все еще продолжая улыбаться, ответил парень. — Мы там с Леной вдвоем уже полчаса сидим. Боюсь, что она это не правильно поймет, — сказал, он чуть понизив голос. — А я жениться пока не собираюсь.

Вячеслав посмотрел на Андрея и рассмеялся в голос. Евгений и Паша улыбнулись. И обстановка в купе мгновенно разрядилась.

— Эх, Андрюша, нам ли жить в печали? — вздохнул Евгений и покачал головой. — Иди, мы тебя догоним.

Парень отдал честь и неслышно закрыл дверь.

— Он не отвяжется. Придется идти, — Евгений посмотрел на мужчин.

Вячеслав пожал плечами, Паша кивнул.

— Юля, не считите наглостью, — Евгений повернулся ко мне, — но приглашаю вас составить нам компанию. Пойдемте, немного посидим в ресторане? Да, и не забывайте, что я говорил вам в коридоре, — тут же предвосхитил сомнения, которые наверняка отразились на моем лице.

Я не спешила отвечать, а только растерянно переводила взгляд с Жени на Вячеслава, избегая смотреть на Пашу.

— Юля, если Женя вам что-то пообещал, то так оно и будет. Не сомневайтесь, — неожиданно к разговору подключился Вячеслав. — Тем более там будет наша коллега, Елена. И ей, и вам будет комфортно. А нам будет приятно провести время в вашей компании.

Я почувствовала, что начинаю краснеть от того, что сразу двое мужчин приглашали меня в ресторан. А я вела себя, как малолетка. Я ощущала на себе взгляд Паши, но сама смотреть на него все еще не решалась.

Вместо этого я посмотрела на Евгения.

— Ну если ненадолго, — я неуверенно пожала плечами.

— Вот и замечательно, — Женя хлопнул себя ладонями по коленям и поднялся, приглашая всех на выход.

Хоть внутри меня все еще одолевали сомнения, на душе стало немного легче. Согласившись на предложение Евгения, я словно переступила грань, за которой мне уже было не так страшно находиться рядом с Пашей. На подсознательном уровне я понимала,

что он не сможет причинить мне боль, пока с нами его коллеги. Я постепенно привыкала к мысли о том, что он снова появился в моей жизни. Но только на один вечер, который скоро закончится.

Мы вышли из купе и направились в вагон-ресторан. Паша шел первым, за ним — Вячеслав, потом — я. Евгений замыкал нашу вереницу. Мы проходили по коридорам, покачиваясь в такт поезда. В вагонах было пусто, свет уже был приглушен. Мерный стук колес сопровождал нас.

Я непроизвольно взглянула на часы на руке — начало двенадцатого. «Помнится, кто-то умирал от усталости всего час назад», — подколола я себя.

Через какое-то время поезд начал сбавлять ход. За окном медленно поплыли огни города — мы подъезжали к Твери. Я вспомнила, что хотела здесь выйти и усмехнулась своему желанию, которое теперь было неактуально.

В вагон-ресторан мы вошли как раз в тот момент, когда поезд полностью остановился. Андрей и Елена сидели за столиком в середине вагона. Кроме них здесь было еще три посетителя.

Молодой человек радостно замахал рукой, когда увидел нашу компанию.

— Коллеги, мы вам место греем, — весело прокричал он и показал на соседний столик.

— Добрый вечер, — к нам повернулась Елена.

Она показалась мне совсем юной. И я засомневалась в том, что она действительно коллега мужчин. По виду она могла легко сойти за чью-нибудь дочку.

Женя представил нас друг другу и взглядом распорядился кто и где будет сидеть. Я оказалась за одним столом с Андреем и Еленой. Евгений присел сюда же. Вячеслав и Паша разместились за столом напротив.

Официантка принесла меню, которое Женя сразу же протянул мне. Я чувствовала себя несколько скованно, поэтому долго не могла сделать выбор, хоть он был и не богат. Пока я соображала, мужчины заказали нам с Еленой шампанское, себе — коньяк.

— Юля? — Евгений посмотрел на меня вопросительно, когда к нашему столику снова подошла официантка.

— Цезарь, пожалуйста, — выпалила я и закрыла меню.

Пока девушка записывала остальные заказы и про меня на время забыли, я нашла взглядом Пашу — он сидел за соседним столом, наискосок от меня. Немного успокоившееся сердце снова ускорило бег. Я стала вспоминать, каким он был и попыталась сравнить с тем, какой он сейчас. Он точно стал мужественнее, на лице появились морщинки, на висках — седина. Да, за эти годы он изменился, как и все мы. Однако в нем сохранились те черты, которые невозможно спутать или забыть.

— Павел Алексеевич, — позвала Пашу Елена, когда официантка, приняв заказы, ушла в сторону кухни.

— Да?

— Мне Андрей сказал, что вы довольны моим отчетом. Это так? — её глаза светились.

Паша перевал взгляд с Елены и пристально посмотрел на молодого человека, а тот в ответ развел руками и пожал плечами.

— Андрей, Андрей, — покачал головой Евгений. — Все-то тебя учить нужно. Ты слышал выражение, что «болтун — находка для шпиона»?

— Слышал и ни один раз. Но что такого я сделал? — насунился парень.

Паша вытянул руку, давая Андрею знак помолчать.

— Лена, извини, но я бы не хотел в поезде обсуждать служебные дела. В отличие от моего юного коллеги, — он выразительно посмотрел на Андрея, — предпочитаю заниматься этим в другой обстановке. А сейчас предлагаю выпить.

Мы подняли бокалы.

— За знакомство и за Питер, — поддержал его Евгений и посмотрел на меня.

Я кивнула в ответ и протянула свой бокал.

— Да, за Питер, — Андрей снова оживился, когда понял, что публичная порка завершена. — Я так люблю этот город. Я тебе покажу все свои любимые места, — эта фраза была адресована Елене. — Можем на кораблике покататься. Кораблики еще ходят? —

спросил уже у меня.

— Если честно, то не знаю, — я пожала плечами и стала вспоминать, когда в последний раз каталась по Неве или каналам. Оказалось, что давно. Наверное, лет семь назад, когда еще был жив Алексей. Мы решили показать детям родной город в период Белых ночей. Удивительно, что прожив всю жизнь в Питере, летний ночной город мы видели реже, чем туристы. Дети были в восторге от прогулки, да и мы с мужем тоже. У нас даже было что-то типа романтического вечера. Алексей заказал шампанское, фрукты, и мы танцевали на открытой палубе.

— Андрей, ты смотри, не забывай, что ты говорил нам в купе! — рассмеялся Евгений и отвлек меня от новой порции грустных воспоминаний.

— Точно-точно, — расхохотался Вячеслав.

— А что ты им говорил? — спросила Елена, с удивлением глядя на Андрея.

— Ерунда, — отмахнулся молодой человек. — Знаешь же, что им только повод дай. Будут потом всю жизнь подкалывать.

— А что нам еще остается? — Евгений развел руками. — Нужно же где-то позитивные эмоции брать при нашей-то работе.

— А по-другому их не получить? Только над коллегами стебаться? — не унимался Андрей.

— Почему же не получить? Очень даже получить. Можно спортом заняться, на рыбалку съездить, анекдоты читать. А еще..., — Евгений замолчал.

Все ждали, что он скажет.

— А еще их можно получать, когда рядом с тобой любимая женщина.

Андрей ухмыльнулся и откинулся на спинку дивана. А я повернулась в сторону Паши и наши взгляды встретились. Понять, о чем он думал в тот момент, я не смогла — выражение его лица было абсолютно невозмутимым. Я же, напротив, почувствовала, что мои щеки начали заливаться краской. Любимая женщина — как сладко и как горько. Я была любимой женщиной мужчины, который совершенно спокойно сидит за соседним столиком и ведет непринуждённую беседу со своими коллегами, делая вид, что мы не знакомы. Мужчины, который растоптал мою любовь, заставив страдать долгие годы.

— Вот вы Юля, — Женя обратился ко мне, чем заставил отвести взгляд от Паши.

— Что я?

— Ваш муж...

Я внутренне напряглась. Любое воспоминание об Алексее давалось мне нелегко.

— Он, наверняка, счастлив рядом с вами. Ведь так? — Евгений пристально смотрел на меня.

Этот вопрос выбил почву у меня из-под ног. К чему все эти расспросы? Мы не настолько близко знакомы, чтобы откровенничать друг с другом. Или это такой способ подката к женщине?

Я мяла в руках салфетку и не спешила отвечать. Ну вот что мне делать? Говорить о том, что мой муж умер два года назад — значит дать повод для дальнейших расспросов или, что еще хуже, для сочувствия или ухаживаний. Мне не нужно ни то, ни другое. Просто сказать «да»? Но я не умею врать. Ведь ни я, ни Алексей не были счастливы в браке. Нам не было плохо друг с другом и у нас не было ссор или взаимных претензий. Но и счастья тоже не было. Иногда проглядывали проблески радости, но длились они не долго. Счастьем для меня были дети, но точно не мой муж. Просто сказать, что я не замужем? Не хочу.

— Знаете, Женя, — ответила я наконец. — Понятие счастья очень растяжимо. Для кого-то оно значит одно, для кого-то — совсем другое. И я не готова отвечать за того, кого здесь нет. Поэтому, ваш вопрос останется без ответа, — я смотрела на него и радовалась тому, как мне удалось так удачно уйти от ответа.

— Юля, вы совершенно правы. Извините, я задал свой вопрос, не подумав, — он на мгновение задумался. — А ты Андрей, будь начеку, — Евгений взял свою стопку и залпом выпил, не дожидаясь, что кто-то присоединится к нему.

Возникла пауза — никто из нас не решился продолжить разговор. Я сидела, потупив взгляд, рассматривая бежевую скатерть, которой был накрыт наш стол.

Наконец, официантка принесла еду, к которой мы с радостью приступили. Постепенно разговор снова оживился. Правда, темы личной жизни больше не касались. Мы с Леной, по большей части молчали и слушали. Мужчины обсуждали погоду, фильмы, рыбалку и спорт. А еще — разницу между москвичами и петербуржцами. Оказалось, что на эту тему есть немало анекдотов, которыми с нами охотно делился Вячеслав.

В какой-то момент я в очередной раз обвела взглядом нашу компанию и поймала себя на мысли, что мне комфортно и спокойно рядом с этими такими разными мужчинами и Еленой. Даже удивительно — мы знакомы всего несколько часов, а мне казалось, что я их знаю давным-давно. Рассматривая сидящих со мной за одним столом, я на время выпала из реальности, погрузившись в раздумья. Поэтому не заметила, что обстановка немного поменялась.

Андрей, облокотившись о стол, о чем-то очень эмоционально спорил с Евгением. Женя же, напротив, расслабленно сидел, откинувшись на спинку дивана и внимательно слушал своего коллегу. Он был настолько спокоен, что можно было подумать, что они ведут обыденный разговор, а не спорят.

Так как я упустила момент, когда завязался их спор, я не очень понимала, о чем речь. Но вот все остальные внимательно следили за ними. Андрей распалялся не на шутку, а Женя был все так же спокоен.

И я вдруг поняла, что Евгений — связующее звено между всеми нами. Именно благодаря ему и мне так спокойно и хорошо здесь и сейчас. Он очень проницательный и, вероятно, это помогает ему находить правильный подход к людям и соблюдать равновесие в отношениях с окружающими.

Пока он отвлекся на разговор с Андреем, я снова стала изучать его — симпатичный, подтянутый, без единого намека на лишний вес, уверенный в себе, умный — он притягивал внимание. А небольшой шрам придавал ему какую-то особую мужскую привлекательность. Он, конечно, не был таким красавчиком, как Вячеслав. Но я даже не сомневалась, что многие женщины были увлечены им. С ним было легко с первого мгновения. Я никогда не встречала таких мужчин.

«Интересно, он женат?» — возник в моей голове неожиданный вопрос. Я посмотрела на его правую руку — обручального кольца нет. Да, все-таки женщины такие непредсказуемые — ведь совсем недавно я была не довольна вниманием Евгения к своей персоне. А теперь и сама заинтересовалась им.

По телу пробежало приятное тепло. Чтобы немного успокоиться, я скользнула взглядом по рукам других мужчин. Все без колец. «Но это еще ничего не значит», — вздохнула я. Леша тоже носил обручальное кольцо только в первый год после свадьбы, а потом ходил без него. И надевал только при свекрови. В остальное время оно лежало на трюмо в спальне.

Поначалу я обижалась, а потом смирилась. От наличия или отсутствия обручального кольца на пальце моего мужа в наших отношениях ничего не менялось.

Поезд мчал нас навстречу Питеру, мерно постукивая колесами. В ресторане кроме нас уже никого не было. Под действием шампанского я расслабилась и перестала следить за временем. Поэтому, я искренне удивилась, когда Вячеслав сказал:

— Коллеги, пора бы и честь знать. Уже Бологое проехали. Нам вставать скоро, а мы еще не ложились.

Я посмотрела на часы — почти три часа ночи. Надо же, я даже не заметила, как пролетело время.

— Да, думаю, что пора, — Евгений поднялся и вышел в проход.

Я посмотрела на него и хотела спросить по поводу счета, но он покачал головой и сказал, что сегодня платят мужчины. Вот точно, он умеет мысли читать. Я опустила глаза и протиснулась мимо него в проход.

— Лена, пойдем, я вас с Юллей провожу, — Паша поднялся со своего места. — Жень, рассчитайся?

Евгений кивнул, а я замерла. Совершенно не хотелось, чтобы Паша меня провожал. Но найти предлог, чтобы сбежать первой, я не смогла. Может остаться и подождать Евгения и Вячеслава? А Паша пусть Лену провожает. Но как я это обосную? Что делать?

— Ну Павел Алексеевич, я еще хотела немного..., - на лице Лены отразилась вселенская печаль.

— Никаких немного. Подъем, — спокойно, но твердо сказал Паша.

Лена вздохнула, но послушаться шефа не решилась.

— Может я провожу? — не очень уверенно спросил Андрей, привставая со своего места.

Паша ничего не сказал, а просто посмотрел на парня. Видимо, его взгляд был настолько красноречив, что Андрей молча сел обратно.

— Вы, товарищ гусар, останетесь с нами, — широко улыбаясь сказал ему Женья. — Думаю, что дамы, особенно, Леночка, — подчеркнул он интонацией, — будут в большей безопасности под присмотром нашего старшего товарища.

— Спасибо за доверие, товарищ полковник, — Паша протянул Жене руку, — мы пошли. Девушки, прошу за мной, — обратился он к нам и мы направились на выход.

Паша шел первым — он открывал и придерживал нам двери между вагонами. За ним следовала Лена, а я была замыкающей. Мы шли в абсолютном молчании, покачиваясь вместе с поездом.

Чем дальше мы удалялись от вагона-ресторана, тем сильнее становилось моё волнение, которое, как я думала еще несколько минут назад, я смогла преодолеть. Оказалось, что не смогла и даже не представляла теперь, как с ним справиться. Я шла и терзала себя непониманием того, почему же мое душевное равновесие полетело в бездну, стоило мне выйти из ресторана и остаться с Пашей почти наедине.

Внезапно меня осенило, что Евгений весь вечер был «буфером» между мной и Пашей. Он не давал нам возможности на прямой «контакт». Женья своими разговорами, шуткам и поведением словно отгородил нас друг от друга. Уж не знаю, специально или нет, но факт остается фактом — мне было спокойно рядом с ним и присутствие Паши меня не пугало и не тревожило так, как сейчас, когда мы шли по коридорам поезда, а Женья остался там, позади.

У меня снова мелькнула мысль вернуться назад и подождать Вячеслава и Евгения. Но пока я раздумывала о плане побега, не заметила, как оказалась между Леной и Пашей. И путь назад был отрезан. Я шла и молилась про себя, чтобы вагон, в котором ехала Лена, был после нашего. Тогда у меня появится шанс лечь на своё место и притвориться спящей, пока Паша провожает свою коллегу.

На моё счастье так и случилось. Паша открыл дверь купе, пропустил меня внутрь и пошел за Леной в следующий вагон. Я быстро расстелила постель и уже собралась лечь, когда раздался стук в дверь. Я затаила дыхание и после небольшой паузы открыла дверь. Облегченный выдох вырвался из моей груди непроизвольно — в коридоре стояли Евгений и Вячеслав.

— А вот и мы, — улыбнулся Женя.

Я сделала шаг назад и присела на свою полку, чтобы мужчины смогли зайти в купе.

— Паша с Леной ушел? — спросил Вячеслав.

— Да, — ответила я.

Снова повисла пауза. Я опустила взгляд и внимательно рассматривала свои руки, лежавшие на коленках. Как будто могла увидеть там что-то новое. Женя сидел на своем месте, а Вячеслав стоял в проходе, облокотившись на верхнюю полку.

— Не буду вам мешать, — поднялась я, когда тишина стала невыносимой, — пойду умоюсь. А вы спокойно ко сну готовьтесь.

Взяв полотенце, я прошмыгнула мимо Вячеслава и отправилась в туалет. Помимо неловкого молчания в купе, меня стала беспокоила мысль, что мне придется спать в замкнутом пространстве с тремя мужчинами, двоих из которых я знаю первый день. Хотя мы и провели все вместе прекрасный вечер в ресторане, меня внезапно одолело чувство скованности, которое помогло на время забыть о Паше.

Оказавшись в туалете, я закрылась и прислонилась к двери. Моральная усталость навалилась на меня с новой силой. Жутко хотелось оказаться дома в своей кровати, чтобы все, что произошло в этом поезде, оказалось простым сном. И я проснусь, приготовлю завтрак детям и заживу своей привычной жизнью. Жизнью, в которой нет места мужчинам.

Я взглянула на свое отражение в зеркале. На меня смотрела уставшая женщина с потухшим взглядом. Ещё пятнадцать минут назад я не думала ни о чем и наслаждалась ненавязчивым вниманием Жени. Моя внутренняя женщина даже немного приосанилась, начала расправлять помятые крылья, которые были спрятаны под толстым слоем жизненных неурядиц и переживаний.

Но все это было обманом и иллюзией. Стоило мне выйти из ресторана, я мгновенно погрузилась в холод и страх. С меня будто сорвали теплое и мягкое покрывало, в которое я была укутана. И теперь, стоя в закрытом туалете поезда, я остро ощутила всю глупость своего поведения.

«Вернись в реальность, Юля, — говорила я себе. — Ты давно уже не девочка и менять жизнь в твоём возрасте нельзя. Ты должна думать о детях, которым ты так нужна. Вспомни о мужчинах, которые были в твоей жизни? Разве они сделали тебя счастливой? Нет. Все, что они дали тебе — слезы и уныние. Так неужели ты думаешь, что в тридцать восемь лет можно стать желанной и любимой?».

Завершив свой монолог, я чуть не разревелась от осознания того, насколько я одинока, как женщина. И что моё одиночество будет со мной до конца жизни. Я счастлива как мама, но глубоко несчастна, как женщина, которую можно любить и которая умеет любить. Что же я делала неправильно, что заслужила все это? Заслужила флирт в поезде с мужчиной, которого я никогда больше не увижу. Заслужила встречу с мужчиной, который разорвал моё сердце на мелкие части и сделал меня бесчувственной на долгие годы.

Холодная вода помогла мне успокоиться и я, наконец, вышла. Прежде чем отправиться на своё место, я выглянула в коридор. Дверь нашего купе была закрыта неплотно, и я услышала голос Паши, который что-то тихо говорил. Значит он вернулся, пока я была в туалете? Желание идти в купе у меня пропало напрочь. Я решила подождать немного, в надежде, что мужчины уснут, и тогда я тихонько проберусь на свое место.

Сначала, я решила подождать в коридоре, но передумала. Кто-нибудь из моих попутчиков мог в любой момент выйти из купе и увидеть меня. Тогда я выглядела бы глупо. Помедлив немного, я развернулась и вышла в тамбур, где на меня сразу же обрушились холодный воздух и шум колес, стучащих по рельсам.

«Да, долго я здесь не выдержу. Дурацкая идея», — подумала я, обхватив себя за плечи, в надежде согреться. Однако, теплее не становилось. Я устало подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу, снова почувствовав сильную усталость. Мне нестерпимо захотелось, чтобы поезд, наконец, приехал на Московский вокзал, а я быстрее оказалась дома. «Ненавижу поезда», — прошептала я, прикрывая глаза.

Мерный стук колес, холод и полумрак тамбура начинали раздражать. На душе было мерзко. Евгений разбередил моё прошлое и я снова перенеслась мыслями к Алексею и нашей с ним жизни. Мы прожили в браке пятнадцать лет. Кто-то скажет, что это приличный срок, кто-то скажет — ерунда. А для нас с Лешей эти пятнадцать лет были очень непростыми, сложными и непонятными. Мы с ним практически не ссорились, помогали и оберегали друг друга, вместе отдыхали, ходили в гости, приглашали к себе друзей, воспитывали детей и регулярно занимались сексом. Но между нами никогда не было не то что любви, но даже влюбленности. Мы были хорошими приятелями или друзьями, но не больше. При этом, каждый из нас, готов был постоять за другого и в любой момент прийти на помощь. Как настоящие верные друзья... Я глубоко вздохнула и убрала голову от стекла.

— Здравствуй, Юля, — за спиной раздался тихий голос Паши, от которого я едва не подпрыгнула на месте.

Ноги подкосились, и я судорожно схватилась за ручку двери, чтобы не упасть.

— Юль, — на мою руку опустилась крупная мужская ладонь. Сам Паша все так же стоял за моей спиной.

Меня словно током прошибло от этого прикосновения. Я замерла и стояла как истукан, не смея пошевелиться. «Мне нужно срочно убегать!» — кричала внутри меня паника. Но тело словно зацементировали, я не могла сдвинуться с места. Я могла только дышать.

Паша аккуратно расцепил мои пальцы и убрал мою руку от двери, потом взял за плечи и развернул к себе. Я не смотрела на него, боясь умереть. Внутри меня, толкая друг друга, злость сменялась радостью, боль — счастьем, холод потери — теплом встречи. Моя душа и сердце разрывались на части.

Паша осторожно взял меня за подбородок и приподнял голову, заставив посмотреть на него. Наши взгляды встретились. Его глаза, когда-то такие родные и любимые, словно машина времени, разбередили во мне воспоминания, заставив вернуться на много лет назад,

где мы были счастливы. Больше сдерживать себя я не могла — разревелась и прижалась к его теплому телу. Паша обнял меня и притянул к себе. Мы стояли в полутемном тамбуре в объятиях друг друга и не произносили ни слова. Нам нужно было осознать, что это не сон, и мы реальные. Я опьянела от счастья — слушала его сердце, вдыхала его запах, согревалась в крепких объятиях.

Мне снова было шестнадцать, вокруг сияло солнце и цвели полевые цветы, пели птицы и порхали бабочки. Мы с разбега, держась за руки прыгнули с обрыва в озеро и поплыли на середину. По воде разбегались волны, в которых отражалось яркое солнце, ослепляя нас. И нет холода и темноты тамбура, нет длинных, пустых и горьких лет. Есть только мы и наша любовь.

— Думал, что рехнусь, когда тебя в купе увидел, — Паша первым нарушил молчание.

— Я тоже. Я думала, что ты меня не узнал, — я крепче обняла его. — Где ты пропадал так долго?

Паша молчал, не спешил отвечать. А я не торопила. Нельзя было спешить, нельзя было спугнуть судьбу, которая подарила нам эту мимолетную встречу. Пусть он молчал, пусть ничего не говорил — главное, что он был здесь, со мной.

Слезы снова побежали по моим щекам, впитываясь в рубашку Паши. Он гладил меня по волосам, а я задыхалась от волны чувств, которые огромной волной нахлынули на меня.

— Это длинная история, Юль. И она точно не для тамбура. Тем более, что ты совсем замёрзла, — он чуть ослабил объятия и снова попытался заглянуть в мои глаза.

«Нет! Нет! Я не замерзла! Только не уходи! Не отпускай меня!» — молила я про себя, еще крепче прижимаясь к Паше. Я готова была превратиться в лед, замерзнуть и умереть, лишь бы там, в холодном и темном тамбуре поезда «Москва-Санкт-Петербург» быть рядом с Пашей и слышать стук его сердца.

Дверь резко распахнулась, заставив меня вздрогнуть.

— Извините, — в тамбур вошел молодой парень и встал у противоположной двери. — Курить очень хочется. Вы не против? — он вставил сигарету в рот.

Я молчала, а Паша, пожав плечами спокойно сказал:

— Тут вроде нельзя? Оштрафуют.

— Да, ну, — парень махнул рукой. — Так вы-то не против?

— Кури, — все тем же ровным тоном сказал Паша. — Мы все равно уходим, — он открыл дверь и пропустил меня в вагон.

Я не сопротивлялась и даже с удовольствием вошла в вагон, который снова встретил меня теплом.

— Тебе нужно поспать, идем, — Паша взял меня за руку, когда увидел моё состояние. Меня колотила мелкая дрожь — холод и эмоциональное напряжение сделали своё дело.

Я замотала головой — пойти в купе значит расстаться.

— Юль, — он сделал шаг ко мне. — Я знаю, что ты хочешь все выяснить здесь и сейчас. Но я не хочу, чтобы это произошло вот так, на ходу. Поэтому, ты сейчас ляжешь спать. А утром оставишь мне свой номер, мы встретимся в Питере и поговорим. Я там буду несколько дней. Договорились?

— Да, — прошептала я.

— Молодец, — Паша снова притянул меня к себе и закутал в теплые объятия.

Внезапно дверь нашего купе распахнулась — на пороге стоял Женя. Он удивился, заметив нас, обнимающихся в коридоре.

— Я что-то пропустил? — жестким тоном спросил он.

— Юль, иди спать, — сказал Паша.

Я протиснулась мимо Евгения, не глядя ему в глаза.

— Женя, вот сейчас не нужно вопросов, — смогла услышать я, прежде чем закрыла дверь купе.

Я сразу же залезла под одеяло и накрылась с головой. Мне захотелось исчезнуть — слишком много эмоций за один вечер.

Мужчины долго не возвращались, и я уже начала волноваться. Наконец, дверь открылась, осветив купе полоской света из коридора и тут же закрылась, снова погрузив нас во мрак. Кто-то из мужчин встал на мою полку — видимо, чтобы забраться наверх.

— Ты будильник завел? — услышала я стальной голос Евгения.

— Проводник на что? — так же жестко ответил Паша.

Наступила тишина, которую нарушало только ровное дыхание Вячеслава, периодически прерываемое храпом. Я лежала лицом к стене и не могла видеть мужчин. Но чувствовала, что ни Паша, ни Женя не спят. Я боялась пошевелиться. Тело уже начало затекать, но я, закусив губу, терпела. Мне нужно было, чтобы про меня не вспоминали.

Я уснула под утро, наверное, за час до прибытия поезда на Московский вокзал. Сквозь сон услышала, что дверь резко открылась, и проводница бодрым голосом сообщила, что через двадцать минут мы приедем. Я нехотя присела и опустила ноги на пол в поисках обуви. Вячеслав спал, Паша сидел напротив меня:

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — я подняла глаза в поисках Евгения.

— Женя ушел за кофе, — словно прочитав мои мысли, сказал Паша.

Я кивнула, поднялась и подошла к зеркалу, чтобы привести волосы в порядок. Щеки покраснелись, когда я увидела свое отражение — бессонная ночь не прошла даром. Выглядела я ужасно — лицо помятое, тушь размазана, глаза чуть припухли от слез.

Я не смотрела на Пашу, но чувствовала его взгляд на себе.

— Сейчас вернусь, — я схватила полотенце, косметичку и вышла из купе.

На моё счастье туалет был свободен. Я с наслаждением умылась прохладной водой, освежила «ночной» макияж, собрала волосы в хвост и улыбнувшись своему отражению, вернулась обратно в купе, по которому разносился запах кофе. Я с наслаждением сделала глубокий вдох.

— Доброе утро, — поздоровалась я со Славой и Женей.

— Доброе, — ответили они хором.

— Юль, кофе — Паша кивнул на чашку, стоящую на столе.

Я с удовольствием сделала глоток горячего напитка и жизнь снова стала мне казаться не такой ужасной. Мужчины разговаривали о планах на день. Я их не слушала, а смотрела в окно на огни просыпающегося города. «Наконец-то, дома», — подумала я.

— Так, пойду-ка и я освежусь, — Слава поднялся и вышел из купе.

Женя допил свой кофе, поставил чашку на стол и, подвинувшись к окну, задумчиво

сказал:

— Погодка питерская. Все, как ты любишь, — посмотрел на Пашу с улыбкой.

Тот в ответ пожал плечами и тоже улыбнулся. Я немного расслабилась — от вчерашнего напряжения между мужчинами не осталось и следа.

— Спасибо за кофе. Я почти проснулась, — сказала я, ставя пустую чашку на стол.

Женя как-то хитро ухмыльнулся и пристально посмотрел на меня:

— Юль, номером телефона не поделитесь?

Боковым зрением я уловила, что ладонь Паши сжалась в кулак. Видимо, вопросы у мужчин друг к другу все-таки остались.

— Ты где работаешь, Жень? — спросил он. — Найдешь сам, с твоими-то способностями.

— Найду, ты прав. Но, может я хотел, чтобы Юля мне сама номер свой оставила.

— Для чего? — Паша чуть наклонился вперед.

Женя не успел ответить — в купе вернулся Слава. Я была рада его возвращению, так как при его появлении и Паша, и Женя, снова приняли беззаботный вид и расслабленные позы. «Детский сад», — промелькнуло у меня в голове.

— Так, проверь — тебе номер машины прислали, — обратился Вячеслав к Жене, заставив того проверить сообщения.

— Да, — Евгений повернул к нему экран телефона.

— Супер. Мы, по-моему, подъезжаем? Там уже толпа с чемоданами на низком старте. — Слава вышел в коридор и остался там стоять у окна.

А мы снова были втроем.

— Юль, ты на такси? — спросил Паша.

— Нет, я на метро.

— Понятно.

Разговор не клеился. В воздухе чувствовалось напряжение, которое меня заставляло волноваться. Я взяла сумку и стала сосредоточенно «искать» проездной. Хотя прекрасно знала, где он лежит — могла достать его с закрытыми глазами одним движением руки. Но мне нужно было чем-то заполнить тишину. Я не могла понять, почему Женя такой загруженный. Вряд ли он хотел со мной закрутить роман. Хоть накануне он и оказывал мне внимание, но я не думала, что он это делал всерьез. Тогда почему он так смотрит на Пашу?

Наконец, поезд остановился. В вагоне началась суеда, по коридору сновали люди с багажом. Слава вернулся в купе, чтобы его не затоптали спешащие пассажиры. Женя поднялся и начал доставать вещи. Я же продолжала сидеть на своем месте и не спешила — ждала, когда мужчины уйдут.

— Юля, вам чемодан помочь вынести? — спросил Слава.

— Спасибо, справлюсь, — ответила я и «мило» улыбнулась, надеясь, что своим отказом ускорю их уход.

В коридоре стало тихо, Вячеслав взял свою сумку, попрощался и первым вышел из купе. За ним — Женя. Паша ждал меня, а я копалась, в надежде, что он уйдет следом за своими коллегами. Но он все не уходил.

— Юля, скажи свой номер, я запишу, — он достал телефон.

Я продиктовала.

— Записал. Я тебя на улице жду, — он взял мой чемодан и пошел к выходу. Я не успела что-либо сказать, поэтому, пришлось одеваться на бегу и догонять его.

— До свидания, — попрощалась я с проводницей. Девушка одарила меня улыбкой, которая в тот момент мне была очень необходима.

Мужчины стояли напротив вагона. Когда я спустилась на платформу, к ним как раз подходили Лена и Андрей. Я поздоровалась с ними и протянула руку к чемодану.

— До метро довезу я, — тоном, не требующим возражений, сказал Паша. — Все здесь? Можем идти? — он посмотрел на коллег и быстрым шагом направился в сторону здания вокзала.

Женя усмехнулся, поднял воротник своей куртки и, обогнав Пашу, присоединился к Славе, который ушел вперед. А мне оставалось только покорно следовать за ними. Я на ходу застегнула куртку и обмотала шею кашемировым шарфом — мой родной город встретил меня осенней сыростью и утренним морозцем.

Платформа была уже практически пустая — основная масса пассажиров, в отличие от нас, покинула вагоны сразу, как только поезд остановился. Нас обогнал молодой парень в косухе и ботинках-ковбойках, с гитарой за спиной. Параллельно со мной по противоположному краю платформы шла пара — женщина и мужчина. На поводке рядом с ними сменил французский бульдог. Двери некоторых вагонов уже были закрыты, а у каких-то на платформе еще стояли проводники, кутаясь в куртки — видимо, ждали куда не спешащих последних пассажиров.

Несмотря на то, что шли мы достаточно быстро, меня снова стала бить мелкая дрожь. Я засунула руки в карманы, чтобы хоть как-то согреться — не хватало еще заболеть. А ведь моё ночное «стояние» в холодном тамбуре легко могло отразиться на здоровье. Нет, болеть мне совсем нельзя! На работе завал, да и с мальчишками дел много. «Зайду в метро и согреюсь», — успокаивала я себя.

Слава шел первым и задавал энергичный темп нашей ходьбе. Мужчины с легкостью подстроились под него. Даже Паша, кативший мой огромный чемодан, не выглядел напряженно. А вот мы с Леной перешли практически на бег.

Стеклянные двери зала ожидания открылись перед нами, и я почувствовала долгожданное тепло. Утренний вокзал был тих и спокоен. Я семенила за мужчинами, стараясь не отставать. В голове отдавался звук моих каблучков, стучащих по мраморному полу. Я не выпускала из виду спину Паши, при этом успевала еще и по сторонам смотреть. Пассажиров на вокзале было мало, по сравнению с дневным временем. Кто-то дремал на лавочках, кто-то неспешно прогуливался вдоль витрин магазинчиков с едой, сувенирами и разными дорожными безделушками. У многих из них впереди была дальняя дорога, а я радовалась тому, что приехала домой. У перехода в метро мы остановились. Я поблагодарила всех за компанию и попрощалась. Паша остался со мной, а остальные направились к выходу.

— Помочь чемодан вниз спустить? — спросил Паша.

— Нет, справлюсь сама, — отказалась я. — Иди уже. Пока.

Он кивнул и пошел догонять своих коллег. Компания московских командировочных удалялась, а я, наконец-то, почувствовала облегчение. Неужели моё дорожное приключение закончилось?

Спустя сорок минут я была дома. В квартире было тихо — дети еще спали. Я разделась, вымыла руки и отправилась на кухню готовить горячий чай. Пока чайник грелся, нарезала колбасу и сыр для бутербродов.

— Мам, привет, — за спиной раздался заспанный голос Матвея.

Я обернулась и улыбнулась — вид у сына спросонья был очень забавный.

— Привет, ты что не спишь? Еще пол часа есть.

— Услышал, что ты вернулась. Соскучился.

— Я тоже, — я подошла и обняла его. Мальчишки были на голову выше меня и каждый раз, когда обнимала их, я испытывала странные чувства. Вроде бы они мои дети, а словно их дочка — настолько маленькой я казалась себе рядом с ними. — Завтракать будешь?

— Буду, — Матвей зевнул и присел за стол. — Как командировка?

— Как обычно, — пожалала я плечами и отвернулась, чтобы сын не заметил, что мои щеки покраснели. Я почему-то почувствовала угрызения совести, вспомнив, как провела эту ночь. Будто я предала память Алексея, своего мужа и отца Матвея. — А вы как тут без меня? — все еще не оборачиваясь, спросила я.

— Мы тоже нормально. Математичка, правда, рассердилась, что мы на соревнование ездили и два дня учебы пропустили.

— Сильно рассердилась? — я достала яйца, чтобы приготовить яичницу.

— Не очень, но завтра нужно будет на допы после уроков идти. Тима злится — он Ланцову в кино пригласил как раз в это время.

— Ну ничего, учеба важнее. А Кристина поймет, если Тима ей симпатичен. Кинс никуда не денется, — я поставила на стол тарелки и попросила Матвея разбудить брата, чтобы он тоже позавтракал с нами.

Когда мальчишки ушли в школу, я приняла душ, забралась в кровать под теплое одеяло и провалилась в глубокий сон. Около двенадцати дня мой зазвонил телефон. Я не сразу поняла, что происходит — настолько крепко уснула после бессонной ночи. Пока соображала, куда мне бежать, телефон замолк. Но тут же зазвонил снова.

— Блин, — вырвалось непроизвольно, когда я поняла, что звонит руководитель.

— Юля, добрый день! С возвращением, — услышала я в трубке.

— Спасибо.

— Юля, я понимаю, что ты только что приехала, но у нас срочный заказ. Поэтому, нужно подключиться к работе.

Я чуть не расплакалась. Каждый раз по возвращению из командировки происходило одно и то же — звонил начальник и загружал заданиями. И неважно, во сколько ты вернулся и сколько дней до этого ты не отдыхал. В его голове командировка почему-то ассоциировалась с поощрением, а не с работой. Никакие аргументы о том, что в таких поездках режим работы переходит в очень интенсивный формат и времени на отдых практически нет, на него не действовали. Поэтому, мы с коллегами, старались всеми силами отнекиваться от командировок. Но удавалось это не всегда.

— Да, Владимир Леонидович, конечно. Мне в офис приехать или вы на почту пришлете? — спросила я, стараясь унять злость, которая начинала колотить меня изнутри.

— Уже отправил. Ты еще не проверяла?

— Нет, не успела, — я закатила глаза. Хотелось ему нахамить, но я сдержала себя.

— Понятно, — он тяжело вздохнул. — В общем, я тебе все вводные на почту отправил. Жду обратную связь. Не затягивай и соберись уже, Юля.

— Хорошо.

Владимир Леонидович повесил трубку, а я швырнула телефон на кровать, подальше от себя и обессиленно упала на подушки. Вот совсем я не была настроена на работу.

День пролетел незаметно. Я металась между заданием от начальника, детьми и домашними делами, накопившимися за неделю моего отсутствия. Наконец, я отправила последнее письмо заказчику, закрыла ноутбук и взглянула на часы. Двадцать два часа тридцать две минуты. Я устало растерла глаза, которые начали слезиться от напряженной работы в ноутбуке. «Пора заказывать очки», — усмехнулась про себя.

— Вы не спите еще? — заглянула к мальчишкам.

— Не, еще рано, — ответил Тима, не поднимая головы от телефона.

— Понятно, — вздохнула я и пошла в душ.

Тело и мозг стали расслабляться под теплыми струями воды. Я с наслаждением подставляла им свое лицо. Хотелось смыть с себя напряжение сегодняшнего дня и минувшей ночи. Я вспомнила о Паше и удивилась тому, что весь день не думала о нем. Он тоже не позвонил и не написал. Ну и хорошо, все к лучшему — наша встреча была случайной, пусть она останется с моей памяти как мимолетное приключение.

Душ помог мне расслабиться. Я высушила волосы, закуталась в теплый халат и направилась в спальню, мечтая о том, чтобы побыстрее лечь на подушку и уснуть.

Экран телефона, лежавшего на прикроватной тумбочке светился. «Сообщение или звонок?» — мне стало любопытно. Я присела на кровать. Так и есть — два пропущенных вызова и одно сообщение в мессенджере с неизвестного номера. Я хотела проигнорировать их, но потом вдруг подумала, что они могут быть от Паши — ведь он мне свой номер не оставил.

Я открыла сообщение, которое, действительно было от Паши. «Юля, извини, если разбудил. Звонил — ты не ответила. Можем завтра увидеться вечером. Если готова, напиши время. Паша».

Рука с телефоном медленно опустилась на колени, а сердце начало бешено колотиться. Что делать? Как поступить? Согласиться или отказаться? В глубине души я ждала, что он позвонит и предложит увидеться. Но что может дать эта встреча? Мы будем сидеть и ностальгировать о прошлом. Я расскажу о детях, о работе. Он — о своей семье. Ведь, наверняка семья у него есть. Потом мы попросимся, пожмем друг другу руки, как хорошие приятели. Возможно, даже одарим друг друга поцелуем в щеки. И разойдемся, чтобы больше никогда не встретиться.

Я сидела и думала о том, как поступить. Мне хотелось увидеть Пашу снова. Я вспомнила то, как хорошо мне было в его объятиях в тамбуре поезда. Но это был лишь мимолетный порыв и не более. Ничего нельзя вернуть назад — слишком много времени прошло и слишком сильно мы изменились.

Я убрала телефон, откинулась на подушки и прикрыла глаза. Сердце все так же бешено колотилось. Устав от размышлений, я решила, что раз «утро вечера мудренее», то и ответ я дам утром. Мне стало легче от такого решения, я забралась под одеяло и мгновенно уснула.

Утром, я поняла, что хочу встретиться с Пашей. Даже если наша встреча будет без продолжения. Эта встреча нужна была мне не для того, чтобы что-то изменить. Мне просто

хотелось узнать, наконец, причину его исчезновения и многолетнего молчания. А ещё... мне казалось, что эта встреча сможет еще раз, на короткое время вернуть меня в прошлое, где я была по-настоящему счастлива.

Я отправила сообщение с согласием. Мы договорились встретиться в центре в семь вечера. Как раз я успевала заехать после работы домой, накормить детей и привести себя в порядок.

На кровати в спальне громоздилась куча из серии «нечего надеть». Я с отчаянием смотрела на неё — я так давно не была на свидании, поэтому не могла решить в чем идти. Конечно, наша запланированная встреча с Пашей не была свиданием в его привычном виде. Скорее — встреча старых друзей. Но мне все равно хотелось быть красивой и женственной. Для себя и для него. Пусть всего лишь на вечер, но я дам волю своим мечтам и стану его женщиной.

Из всего, что я перемерила, мне больше всего понравилось платье изумрудного цвета средней длины прямого покроя с широким поясом на талии. Я очень любила его, но надевала редко. Длинный рукав и воротник стойка придавали ему строгий вид, но за счет цвета и плиссированной юбки, оно вполне могла сойти за коктейльное или даже вечернее.

Я распустила волосы, сделав на кончиках легкие локоны. Из шкатулки достала комплект украшений с коричневым топазом — сережки, кольцо и тонкая цепочка с кулоном. Кашемировое черное пальто и черные замшевые ботильоны завершили мой образ. Я покрутилась перед зеркалом и осталась довольна тем, что увидела в нем.

— Мальчишки, я ушла, — крикнула я сыновьям. — Буду поздно. Ведите себя прилично.

— Пока, мам, — ответили они хором.

Я взяла сумочку и спустилась вниз, где меня ждало такси. Немного волновалась в предвкушении новой встречи с Пашей.

К месту встречи я приехала первой. Чтобы не замерзнуть, я прогуливалась вдоль набережной и думала о том, что за последние двое суток моя жизнь сделала резкий поворот. Я не знала, что будет там, за поворотом. Но мне было не страшно. Волнительно, интересно — да. Но не страшно. И все равно, что завтра я вернусь на прежний путь. Главное, что я набралась смелости с него свернуть, хоть ненадолго.

В кармане зазвонил телефон.

— Да, — ответила я.

— Юль, ты на месте? — спросил Паша.

— На месте. Гуляю.

— Понял, через минуту буду.

— Жду.

Я остановилась и облокотилась на ограду набережной. В Фонтанке отражались огни ночного города, чуть размазанные рябью воды. Мимо проплывал практически пустой речной кораблик. На открытой палубе никого не было, а внутри сидела молодая пара. «Да, осень окончательно прогоняет любые воспоминания о лете. Еще немного и выпадет снег, а потом мороз покроет реки льдом», — подумала я.

— Привет, — на ограду рядом с моей опустилась мужская рука.

Я подняла глаза на стоящего рядом Пашу и чуть отстранилась о ограды.

— Здравствуй.

За спиной раздался автомобильный гудок. Мы синхронно обернулись на стоящий за нами черный седан. Пассажирское стекло было опущено, за рулем сидел Женя. Увидев меня, он махнул рукой, а я кивнула в ответ.

— Хорошего вечера, — крикнул он, закрыл окно и автомобиль уехал.

Я посмотрела на Пашу.

— Что ты ему сказал? — спросила я. Судя по тому, что Паша был спокоен и по поведению Жени, между ними все недоразумения были решены. Но мне хотелось знать, каким образом?

— Правду.

— Какую правду?

— Правду о том, что он опоздал и у него нет шансов.

— Даже так? — я искренне удивилась.

— Именно так. Или я не прав и нужно пригласить его провести этот вечер с нами? —

Паша смотрел на меня с хитрым прищуром.

— Ни в коем случае, — я взяла его под руку. — Куда мы идем?

— Здесь есть неплохое местечко, мы туда ходим иногда, когда в командировки приезжаем. Тебе понравится.

Паша привел меня в небольшой ресторанчик, где в это время было достаточно многолюдно. Официант проводил нас за столик в середине зала, оставил меню и ушел.

— Что же с тобой все-таки случилось? Расскажешь, почему пропал так внезапно и так надолго? — начала я разговор первой.

— Даже не знаю, — пожал Паша плечами, — стоит ли ворошить прошлое?

— Стоит.

— Ты уверена?

— Знаешь, Паш, — я сделала паузу, пытаюсь подобрать слова, которыми можно было правильно объяснить, почему мне необходимо это знать. — Я долгие годы жила в смятении. После твоего исчезновения моя жизнь висела на волоске. Чего я только не передумала: и что ты девушку другую встретил, и что ты умер...

Паша с удивлением посмотрел на меня.

— Да-да, я думала, что ты умер, — я снова озвучила свои догадки. — И я тоже умерла. Мне было сложно начать жить без тебя, не имея представления где ты и что с тобой.

— Прости, я не знал. Но почему я умер? — в его глазах все еще читалось недоумение.

— Потому что ты никак не дал о себе знать. Мне казалось, что ты не мог вот так, не попрощавшись, прекратить наше общение.

Когда я сказала «общение», Паша ухмыльнулся. Конечно, то, что было между нами не было простым общением. Но я сознательно произнесла «общение», и не хотела говорить «любовь». Ведь я не знала, что ждет от нашей встречи Паша и чем она может закончиться. Пока мы вели себя как старые знакомые, которые не виделись много лет и которым нужно закрыть один нерешенный вопрос.

— Понимаю, — Паша кивнул и продолжил свой монолог. — После того, как я вернулся в училище от тебя зимой, я узнал, что моя поездка не прошла для меня без последствий. Отец приехал в Москву и прямиком пошел к начальнику училища. Потом они вызвали меня к себе. Был сложный разговор, в котором они вдвоем пытались убедить меня прекратить все отношения с тобой. Я, конечно, сопротивлялся. Видя моё упрямство, они сделали то, что и меня на долгое время вывело из себя.

Паша перестал говорить. А я терпеливо ждала.

— Понимая, что я был настроен решительно и ни какие уговоры на меня не действуют, они отправили меня в дисбат...

Я была настолько шокирована услышанным, что даже поежилась от осознания жестокости Пашиных родителей. Как нужно было не любить своего ребенка, чтобы пойти на

такой шаг!? В моей голове это все не укладывалось.

— Паш, почему я так не нравилась твоим родителям, — я искренне не понимала причины, по которой меня не возлюбили в семье Паши, — что они тебя даже в дисбат готовы были отправить?

— Юль, ты же знаешь, что они люди специфические. Понять, что ими двигало, даже мне сложно.

— Но все-таки. Они ведь что-то говорили, когда просили тебя не общаться со мной?

— Что-то говорили.

— Что?

— Юль..

— Паш, — не унималась я.

— Потому что ты не генеральская дочь, — он сказал то, о чем со временем я и сама стала догадываться.

Паша замолчал, и я тоже не могла говорить. Нам принесли горячее, к которому никто из нас и не думал притронуться. Каждый из нас погрузился в свои мысли.

— Почему же ты мне просто не написал? — спросила я, когда шок от услышанного немного прошел. — Почему не объяснил все? Я бы поняла.

— Уверена, что поняла бы? — Паша смотрел на меня вызывающе.

Я задумалась и не спешила отвечать. Ведь действительно, кто знает — смогла бы я тогда понять и простить? Когда тебе нет и двадцати, ты все видишь только в белом и черном. Мыслишь категорично, компромиссов для тебя не существует. Наверное, Паша был где-то прав, и вероятность того, что я его не поняла бы и не простила, была велика. Но это не отменяет того, что он должен был дать мне шанс.

— И как? Ты женился на дочери генерала?

Мой вопрос заставил Пашу улыбнуться. Но не весело, а горько.

— Женился. Сразу как вернулся в училище. Папочка-генерал помог замять то, что его будущий зять в дисбате был. Моё личное дело хорошо так подчистили. И на втором курсе, после Нового года мы поженились.

— Ясно, — кивнула я и принялась резать рыбу. Мне необходимо было время, чтобы унять волнение, бушевавшее внутри меня.

Паша, глядя на меня, тоже приступил к еде. Я усердно резала рыбу и цепляла вилкой овощи, не отрывая взгляд от тарелки. В голове крутилась мысль о том, что я НИКОГДА не буду отбирать у своих детей любовь. Я буду терпеть, приспособливаться, но не буду калечить их души и сердца. Так, как это сделали со своими детьми моя свекровь и родители Паши.

— Я между прочим искал тебя потом, — Паша снова заговорил.

— И что же? Не нашел?

— Нашел, — он налил вина и протянул мне бокал.

— Спасибо, — я сделала пару глотков.

— Я нашел тебя, когда устроился на службу в следственный комитет и у меня появились кое-какие возможности.

— Неужели для того, чтобы найти меня тебе нужно было устроиться в следственный комитет? — как ни старалась, но удержаться от того, чтобы не съязвить, я не могла. — Ты же писал мне письма и, наверняка, знал мой адрес наизусть.

— Юлька, не будь таким ёжиком, — Паша улыбнулся той самой улыбкой, которую я хранила в памяти все эти годы.

И моё глупое сердце начало таять. Мне надоело играть в Снежную Королеву и изображать из себя этакую равнодушную особу.

— Не буду, — улыбнулась я в ответ.

— Я боялся приехать к тебе без предупреждения. Не знал, как ты это воспримешь. Боялся, что сделаю тебе больно.

«Мне? — усмехнулась я про себя. — Значит, тебе не было больно?»

— Я искал тебя, но когда нашел, понял, что слишком поздно, — продолжал рассказ Паша.

— Поздно?

— Да, ты была замужем и у тебя уже были дети.

Я сделала еще глоток вина.

— И тебя это остановило?

— Да.

— А твоя жена и твои дети? Они тебя не остановили?

— Моя жена меня никогда не останавливала, — Паша изменился в лице, — она прекрасно знала, за кого выходит замуж по воле своего папочки. А дети... у нас их не было.

— Извини, я не знала, — извинилась я за свой вопрос про детей.

А вот фраза про жену мне резанула слух. Резанула не потому, что я была такая вся правильная. Мне не понравился тон, с которым Паша это сказал. Грубый и пренебрежительный. И в этом был новый Паша, которого я не знала.

Вообще я давно перестала категорично осуждать семейных людей, которые заводили связи на стороне. Это случилось после того, как наш с Лешей брак зашел в полнейший тупик, и он завел себе любовницу. Я, конечно, соврала бы, сказав, что была счастлива, узнав о любовнице мужа. Нет, я не была счастлива. Внутри меня все кипело от возмущения и негодования, когда я совершенно случайно наткнулась на их переписку в мессенджере. Я не имела привычки копаться в личных вещах других людей. Просто Алексей оставил телефон на кровати с открытой перепиской, а я решила его переложить на комод. Взяла в руки телефон и невзначай взглянула на экран. И зависла на несколько минут, и не могла оторваться. Оказывается, мой муж был романтиком и, судя по тому, что он писал этой женщине, он испытывал к ней сильные чувства.

Перечитав несколько сообщений, я почувствовала себя неловко — будто заглянула в замочную скважину чужой спальни. Только спальня была совсем не чужая, а самая что ни на есть моя. Я положила телефон обратно на кровать — лишь бы Алексей не узнал, что я читала его сообщения — так как выяснять отношения я была не готова. Узнавать подробности любовной связи на стороне я тоже не хотела. Просто решила сделать вид, что ничего не произошло.

Но давалось мне это с трудом — несколько дней я была сама не своя. Порывалась поговорить с мужем, но так и не решилась. Злилась, придумывала план мести, а потом как-то успокоилась и отпустила ситуацию. Я поняла, что никогда не смогу дать Алексею то, что он получал от этой женщины. Если за столько лет мы не смогли стать родными людьми, то пытаться менять что-то после того, как я узнала о его измене — глупо.

И вот именно тогда я стала совершенно по-иному смотреть на измены. Я поняла, что они могут быть вынужденными. Конечно, есть люди, для которых изменить — это как в магазин сходить. Но в такой ситуации, в которой жили мы с Алексеем, рано или поздно кто-то должен был найти человека на стороне. И человек этот был нужен точно не для секса, ведь секс у нас был и временами даже неплохой. Из того, что я успела прочитать в телефоне Алексея, я поняла, что эта женщина была для него отдушиной, с которой он мог разговаривать, смеяться, грустить. Он получил то, чего не было между нами.

Я перебаривала сказанные Пашей слова про жену. Сам он сидел, откинувшись на спинку стула и пристально смотрел на меня.

— Ты его любила? — задал он неожиданный вопрос.

— Алексея? — уточнила я после паузы.

Паша кивнул, продолжая так же пристально смотреть на меня. Вместо ответа я пожала плечами. Мне почему-то вдруг стало жалко Лешку и совершенно не хотелось говорить правду о том, что между нами не было чувств.

— Это все в далеком прошлом, — ушла я от прямого ответа. — Как твои родители, кстати? — решила перевести тему.

— Нормально. Живы-здоровы. Во Владивостоке так и живут. Батя рыбалкой увлекся, мама огородничает. Обычные пенсионеры, в общем.

Мы еще долго сидели в ресторане и разговаривали. Неудобных вопросов больше не задавали, темы личной жизни не касались. Только раз Паша обмолвился, что разошелся с женой два года назад, вопреки всем уговорам родителей. Я приняла эту информацию к

сведению, но она не вызвала во мне каких-либо эмоций — ни радости, ни сочувствия. Даже удивительно. Видимо, я действительно, не ждала от нашей встречи ничего, кроме того, что мне нужно было узнать правду о далеком прошлом.

— А давай в Павловск съездим? — предложил Паша, когда наш разговор перешел к воспоминаниям.

— В Павловск? — переспросила я.

— Ну да, в Павловск. Погода отличная. Погуляем, поболтаем, молодость вспомним.

— Молодость? — снова переспросила я.

— Помнишь, как мы с тобой там зимой гуляли? Замерзли до костей, — сказал Паша задумчиво.

— Конечно помню. У меня были ужасно колючие, но очень теплые шерстяные варежки. Бабушка связала. С узором в виде ромбиков. Но и они мне не помогли. Сколько тогда градусов было? — я оживилась, вернувшись воспоминаниями в те дни, где была безумно счастлива.

— Думаю, что очень холодно. Ведь в парке кроме нас с тобой больше сумасшедших любителей морозов не было.

В памяти всплыл тот холодный январский день. Во всем мире нет более счастливых людей, чем мы с Пашей. Нам было не важно, что делать — главное вместе. Тот самый январь, когда Паша, вопреки воле родителей, приехал ко мне в Ленинград.

— Махнем в Павловск? — предложил тогда Паша.

— Махнем, — согласилась я, не раздумывая.

И, невзирая на сильный мороз, мы поехали гулять. Бродили по заснеженному белому парку, держась за руки. Паша катал меня на взятых напрокат финских санях. Мы играли в снежки, валялись в снегу и кормили семечками синичек. А потом ели горячие пирожки около вокзала. А когда, наконец, пришла долгожданная электричка. Места в вагоне не было и нам пришлось остаться в тамбуре, где тоже было много народу. Рядом с нами ехала компания ребят с лыжам. Раскрасневшиеся от мороза, они что-то весело обсуждали и звонко смеялись.

Мы стояли у самой двери, Паша обнимал меня, чтобы я хоть немного согрелась. А потом он снял мои варежки и согревал покрасневшие от холода руки своим дыханием. Я захлебывалась от его нежности и заботы, моё сердце бешено колотилось от любви.

Домой мы возвращались, когда на улице уже было темно. Под ногами скрипел снег, сверкая в отблесках фонарей. Мама встретила нас, укоризненно качая головой и сетуя на то, что мы легко могли подхватить простуду. А на кухне нас ждал горячий ужин, чай и пироги с яблоком.

— Можно съездить, погода располагает к прогулкам, — согласилась я.

Павловский парк прекрасен в любое время года. Я любила приезжать сюда со школьных времен. Зимой мы с одноклассниками катались здесь на финских санках и с горок в замерзший пруд. Летом с детьми приезжали покормить уток и белочек, весной — полюбоваться цветущей разными оттенками сиренью. Но самое любимое время для меня всегда была осень — период между яркой жизнью и увяданием.

Телефон Паши, лежавший на столе, завибрировал.

— Извини, я сейчас, — он взял телефон и вышел из-за стола.

А у меня появилась возможность немного прийти в себя. Ведь я так и не разобралась в том, какие чувства я испытываю к этому мужчине. Он явно не был мне безразличен. Но первые эмоции, захлестнувшие меня в поезде, утикли. Моё сердце, безусловно, не было равнодушно и отзывалось на голос, взгляд и близость Паши. Но что за всем этим стояло, я не понимала. Я столько лет жила воспоминаниями, что в какой-то момент потеряла ощущение реальности. Поэтому сейчас, когда тот, кого я ждала столько лет, оказался совсем рядом, я не понимала, что он теперь значит для меня. Совсем не понимала.

Когда Паша закончил разговор и вернулся, он сел не на свое место, а присел на стул рядом со мной.

— Давай выпьем, Юль, — он разлил вино по бокалам и положил руку мне на плечо.

Я сделала глоток и посмотрела на Пашу. И в тот момент моё сознание снова начало покидать меня. Теплая мужская рука, глаза, в которых я тонула столько раз, вино — и я снова закружилась в вихре эмоций, которые, как мне казалось, я уже усмирила.

— Юлька, — прошептал Паша мне на ухо, обжигая своим дыханием, — как я скучал по тебе эти годы. Ты даже не представляешь.

— Представляю, Паш, — шепотом ответила я.

— Я знаю, что ты меня никогда не простишь, — он чуть отстранился от меня, и я снова увидела его глаза.

— Я тебя уже простила, правда, — я положила руку поверх его руки, лежащей на столе.

Я сидела словно в тумане. В голове начали носиться мысли, от которых стало жарко. Несмотря на то, что в зале был полумрак, я могла видеть в глазах Паши желание, которое меня пугало и влекло одновременно. Я перестала контролировать себя

Паша смотрел на меня, прищурившись, а потом резко отвернулся и подозвал официанта. По моему телу пробежала волна желаний, а сердце застучало быстрее. Чтобы немного успокоиться, я сделала пару глотков вина, но эффект оказался обратным — в голове зашумело. Хоть Паша ничего не сказал, но я уже знала наверняка, чем закончится наш вечер. «Юля, остановись, — пыталась я вразумить себя, — не совершай ошибку». Но в тот момент ни одна сила в мире не способна была остановить меня. Пусть на короткое время, но я буду с ним. И я точно знала, что это именно то, чего я хотела.

Однако, я знала ещё и другое — то, что наш сегодняшний вечер не подарит вторую жизнь нашим прежним отношениям. Он просто поставит ту самую точку, которую мы не поставили много лет назад. И пусть наша близость, в которой я уже не сомневалась, окрасит эту точку. Я так давно не была с мужчиной, и так давно не была с Пашей. Мне нужен был он — мужчина, который когда-то поднимал меня до небес своими словами и прикосновениями.

Мы вышли из ресторана, Паша поймал такси и назвал адрес, который мне ни о чем не говорил. Мы ехали около десяти минут в полной тишине. Паша держал меня за руку, а я смотрела в окно и не задавала вопросы. К чему они, если и так все понятно.

Наконец, такси остановилось у небольшого отеля. Паша помог мне выйти из машины, приобнял за талию и повел ко входу.

— Проходи, — он открыл передо мной дверь и пропустил вперед.

Молодая девушка на ресепшн встретила нас улыбкой, Паша оплатил двухместный номер на сутки и повел меня к лифту, все так же держа за талию. Пока мы шли к лифту, я чувствовала на себе взгляд девушки-администратора. «Да и пусть, смотрит и завидует», — ухмыльнулась я про себя.

Лифт привез нас на пятый этаж. Мы шли по гостиничному коридору, оформленному в серо-зеленых тонах. Мягкий ковролин, лежавший на полу, приглушал шаги. Со стен на нас смотрели акварельные пейзажи Санкт-Петербурга, подсвеченные элегантными бра. В конце коридора на небольшом столике стояла ваза с бело-розовыми цветами. Обстановка была настолько уютной, даже домашней, что на мгновение мне стало стыдно за то, чем мы

планируем заняться в номере.

Но чувство стыда улетучилось так же быстро, как и появилось, когда мы остановились у двери с цифрами «526». Прежде чем приложить электронный ключ к замку, Паша посмотрел на меня. Вероятно, это была попытка с его стороны дать мне возможность уйти. Но я улыбнулась, чем отмела все сомнения. Тогда он уверенно открыл дверь и пропустил меня в номер.

Как только дверь за нами закрылась, мы оказались словно в другом измерении. Паша одним движением руки отрегулировал свет в номере — оставив мягкое вечернее освещение. Потом подошел ко мне, глядя в глаза, сорвав все стоп-краны, существовавшие между нами. Мы, как безумные, начали освобождать друг друга от одежды. Удивительно, что я вернулась домой в целом платье. Не было ни прелюдий, ни разговоров, ни вопросов. Мы сразу перешли к тому, для чего приехали в этот отель из ресторана.

Это было так непохоже на меня. Я не верила, что способна на такое. Но все, что происходило, происходило со мной, и именно так, как я описывала: молча, жадно, резко.

Когда все закончилось, я лежала у Паши на плече, а он осторожно гладил меня по руке. Мне казалось, что моё тело никогда больше не сможет шевелиться — настолько сильными были ощущения от нашей близости. Но вот мой мозг, напротив, вдруг оживился. Он решил, что нужно оценить ситуацию вот прямо сейчас, здесь — в гостиничном номере.

Паша молчал, возможно тоже думал о произошедшем между нами. А может, в отличие от меня, смог расслабиться не только физически, но и морально. Я осторожно провела ладонью по его груди, пытаюсь отвлечься от размышлений. Паша перехватил мою руку и, накрыв своей ладонью, прижал к своему торсу.

Я прикрыла глаза. В коридоре отеля раздавался шум шагов, под окнами проезжали автомобили, шурша шинами по мокрому от дождя асфальту. А мы лежали, прижавшись к друг другу и молчали. Наверное, если бы в тот момент объявили пожарную тревогу, мы не сдвинулись бы с места.

Правда, вместе с этим ощущением спокойствия, внутри меня зарождалось чувство какой-то недосказанности, незавершенности. Однако, понять, что именно меня смущало в произошедшем между нами, я не могла. И чтобы немного успокоиться, я мысленно перенеслась в тот далекий летний вечер в деревне, когда мы первый раз стали близки.

Это было в начале августа, когда днем еще было жарко, а вечера уже были достаточно свежими.

Паша зашел за мной — мы собирались на дискотеку в клуб. Бабушка, как всегда, покачала головой и поджав губы отпустила меня гулять с Пашей.

— Юль, — остановился мой любимый, когда мы почти дошли до клуба.

— М?

— Ты очень хочешь танцевать?

— Не знаю, — я пожала плечами. И я, действительно, не знала. Ведь самым главным для меня тогда было быть с Пашей, а чем заниматься в этот момент, не имело никакого значения.

— Тогда давай не пойдём? — он смотрел на меня глазами полными любви и нежности. Если бы в тот момент он мне предложил прыгнуть с крыши вместе, я бы прыгнула. Настолько я доверяла ему и настолько сильно любила.

— А что мы будем делать?

— Просто погуляем.

Я кивнула, а Паша крепко меня обнял. Мы шли по широкой асфальтированной дороге, которая тянулась вдоль всего нашего поселка. Погода была теплой и безветренной, небо — усыпано звездами. Мы миновали панельные двухэтажные дома и шли уже вдоль частных домов, постепенно удаляясь от клуба. Дойдя до конца поселка, свернули на песчаную дорогу, которую с одной стороны окружал сосновый лес, а с другой — картофельное поле.

Эта дорога проходила мимо кладбища и вела к озеру и дачам — небольшим участкам, которые давали жителям поселка для приусадебного хозяйства. Такая дача была у моей семьи и у семьи Паши.

За счет того, что вечером здесь, как правило, было пусто, дорога стала своеобразным «проспектом влюбленных». Парочки любили прогуливаться здесь вечерами и ночами, вдаль

от любопытных глаз. И мы с Пашей тоже частенько гуляли здесь. Проходя мимо кладбища, которое располагалось прямо в лесу, я немного поежилась. Это место всегда навевало на меня страх и холод, несмотря на время суток. Паша знал, что я боюсь этого места, поэтому всегда крепко сжимал мою руку.

Я уже не помню, о чем мы говорили, — прошло столько лет — но наш разговор был серьезным. В этот вечер мы вообще практически не смеялись и не шутили.

Мы шли по песчаной дороге, держась за руки. Нас окутывал теплый ветер и пение ночных птиц. Навстречу нам попало еще несколько парочек, но мы сделали вид, что друг друга не знаем. Так, увлеченные друг другом, мы дошли до дач.

— Не хочешь зайти? — спросил меня Паша, когда мы подошли к их домику.

Вопрос прозвучал настолько неожиданным, что я немного растерялась.

— У тебя ключи есть? — ответила я вопросом.

— Есть, — Паша достал из кармана связку ключей.

— Если хочешь, — я попыталась улыбнуться.

Мы подошли к калитке. Пока Паша открывал замок, я пыталась унять волнение, которое внезапно охватило меня.

— Проходи, — он пропустил меня на участок и закрыл калитку на засов изнутри.

Я была здесь несколько раз, но днем. В темноте вечера все выглядело не так, как при свете, поэтому я остановилась, осматриваясь. Паша пошел в сторону домика, откуда чуть позже послышалось звяканье ключей.

— Ты что там зависла? — донесся голос со стороны домика и из-за угла показался силуэт Паши, подсвеченный лунным светом.

— Я здесь, — ответила я и медленно пошла к нему.

Я осторожно поднялась по ступеням небольшого крыльца, но войти внутрь не решалась.

— Проходи, не стой на пороге, — позвал меня Паша, который уже внутри.

Их дачный домик был совсем не большой, впрочем, как у всех здесь. На первом этаже — комната, выполнявшая роль кухни и гостиной одновременно. В ней стояла небольшая железная печка, кухонный уголок с электроплиткой, стол со стульями и диван. Здесь же была лестница на второй этаж, где располагалась спальня с двумя полутора-спальными кроватями. Ночевали на дачах редко, но во всех домах были сделаны места для сна на случай, если все-таки не захочется возвращаться в поселок, или если застанет непогода.

Я осторожно вошла в домик и остановилась посреди темной комнаты, освещаемой только полоской лунного света, проникающего сквозь окно. Мои глаза привыкали к темноте, и я потихоньку начинала различать предметы.

— Свет не будем включать, чтобы не давать соседям повод для сплетен, — Паша подошел ко мне и взял за руку. — Пойдем наверх, там такой вид из окна в это время, — он повел меня к лестнице.

Я послушно следовала за ним, но каждая новая ступенька, по которой мы поднимались, усиливала моё волнение.

— Смотри, — Паша подвел меня к окну, когда мы поднялись на второй этаж.

Я подошла и замерла от картины, которую увидела. Вид, действительно, был нереально красивым. На небе, усыпанном звездами, висела полная луна и отражалась на поверхности озера, которое виднелось вдали за крышами других домиков.

— Очень красиво, — промолвила я шепотом.

Мы стояли совсем рядом и смотрели в окно, на волшебство ночи. Я — впереди, Паша —

на небольшом расстоянии позади меня.

— Юль, — он подошел ко мне ближе, так, что я смога ощутить его дыхание на своей шее.

— М?

— Посмотри на меня, — Паша развернул меня к себе. — Ты знаешь, как я сильно люблю тебя?

Я просто кивнула, так как ответить не могла из-за еще более усилившегося волнения.

— И моя любовь она только твоя, — он сделал паузу, а я не шевелилась. — Мне сложно говорить, я не умею это все... В общем, — Паша положил руку мне на плечо, обжигая меня своим теплом, — я хочу, чтобы сегодня ...ты стала моей... понимаешь?

Я видела, что слова, действительно, даются ему не легко. Но и мне было говорить не менее тяжело. В моем горле стоял ком, который не позволял произнести ни слова. Меня душили любовь и нежность, перемешанные с волнением и ожиданием чего-то другого, чего я еще не знаю.

— Юль? — он чуть наклонился, заглядывая мне в глаза.

— Я тоже... хочу... стать твоей..., - прошептала я и сделала осторожный шаг к нему.

— Юлька, — его голос дрогнул, — как же я ждал этого.

Паша сгреб меня в объятия и стал целовать. Мы целовались как сумасшедшие, словно бы не виделись много месяцев. Волнение стыдливо отступило, уводя за собой все сомнения. Я знала, что он не обидит. Внутри меня росло желание. Я никогда не была с мужчиной, но я знала, что это именно оно — желание женщиной мужчины. Мы суетливо освобождались от одежды, не переставая целоваться. Когда Паша снял с себя боксеры, моё тело уже изнывало от предвкушения чего-то нового и прекрасного.

Паша откинул покрывало с одной из кроватей и, взяв меня за руку, подвел к ней.

— Не бойся, — прошептал он.

— С тобой не боюсь, — так же шепотом ответила я.

Паша убрал волосы с моих плеч и принялся целовать мою шею, грудь, потом снова поднялся к губам. Я обняла его, так как уже с трудом стояла на ногах от нахлынувших ощущений.

— Погоди, — он отстранился от меня и поднял с пола джинсы. Порывшись в карманах, достал пачку презервативов.

В этот момент, всего на пару секунд, ко мне вернулся страх того, что должно было произойти. Но как только Паша вернулся ко мне и снова крепко поцеловал в губы, я забыла обо всем. Для меня в тот момент существовал только он и я, желающего быть с ним.

Я улыбнулась от этих приятных воспоминаний, а мои мысли снова вернулись в сегодняшний вечер. Я, не раздумывая согласилась поехать с Пашей, он снял номер в отеле. Оказавшись в номере, мы сразу же разделись и без прелюдий перешли на кровать, где одичало занимались сексом. У меня никогда не было такого, я не узнавала себя. Паша взял меня сразу. Он не был нежен или ласков, но при этом и не был груб. Я получала удовольствие, подчиняясь ему. Мне удалось несколько раз достигнуть высшей точки удовольствия. Но все закончилось так же резко, как и началось. Паша с громким рыком вышел из меня и, откатившись в сторону, лег на спину и закрыл глаза. Я даже подумала, что он уснул. Но спустя время, он приподнялся и взял с тумбочки телефон, чтобы посмотреть время. Я снова положила голову ему на плечо, когда он лег обратно, и закрыла глаза.

Так мы и лежали в тишине какое-то время, погруженные в свои мысли, пока Паша не нарушил тишину.

— Юль, — позвал он меня.

— М?

— Нам нужно поговорить, — продолжил после небольшой паузы.

— Слушаю тебя, — я открыла глаза, но так и осталась лежать на его плече, глядя в потолок.

— Это нужно было сразу обсудить... — он снова сделал паузу, а я внутренне напряглась. — Надеюсь, ты понимаешь, что сегодняшняя ночь ничего не значит, и я не смогу изменить свою жизнь? — вздохнул Паша. — У меня в Москве есть женщина и...

Что он говорил дальше, я уже не слушала. «Сегодняшняя ночь ничего не значит», — эхом носилось у меня в голове. Я замерла, казалось, что даже сердце перестало стучать. Мне было так обидно услышать это от мужчины, который когда-то был для меня всем в жизни.

Может для Паши эта ночь ничего не значила, а для меня она значила многое. Я хотела его, как никого и никогда в жизни. До дрожи в ногах, до тумана в глазах. Он нужен был мне как воздух, как глоток воды в пустыне. Его голос, его прикосновения были для меня пыткой эти два дня. Когда мы поехали в отель, я согласилась потому, что мне нужен был он. Я хотела снова стать с ним одним целым, касаться его тела, ощущать его тепло и запах, слушать дыхание и биение сердца.

Мне нужна была только эта ночь. Я не собиралась на что-то претендовать. Я взрослая разумная женщина и уже давно не строила иллюзий. Я готова была проститься утром, но мне нужно было еще несколько часов, чтобы запомнить и впитать в себя это внезапное счастье. Но я совсем не ожидала, что все закончится именно так — фразой о том, что «ночь ничего не значит».

«Стоп!», — остановила я себя. Мне вдруг все стало окончательно ясно. Я осознала, что мы вели себя как изголодавшиеся животные, которым срочно нужно было спариться. Да, все было именно так — ведь мы занимались сексом, но ни разу не поцеловались. Вообще не было ни одной ситуации, когда мы были бы близки к поцелую. А ведь я думала о поцелуе, после нашего разговора в тамбуре ночного поезда.

Я снова прокрутила в голове события последних дней и с моих глаз словно пелена упала. Какая же я идиотка! Как я могла не увидеть и не почувствовать, что я ему безразлична? Он воспринимал меня как старую знакомую, с которой можно приятно провести пару дней. Но совсем не как желанную женщину. Он пригласил меня в отель для того, чтобы просто снять напряжение и больше ни для чего.

И как я не подумала о том, что у него может быть женщина. Я услышала, что он в разводе и сделала выводы, которые нравились мне — разведен, значит свободен. Но даже не подумала о том, что у мужчины могут быть отношения с другим полом без брака.

Мне захотелось исчезнуть, рассыпаться на тысячи невидимых осколков. А еще мне хотелось, чтобы у меня в руках появился прибор из фильма «Люди в черном», стирающий память. Как стыдно и обидно одновременно. Мало того, что я ощущала себя использованной, так я еще чем-то дала Паше понять, что я на что-то претендую.

— Юль, — его голос заставил меня прервать самобичевание.

— Да?

— Ты что молчишь? Я обидел тебя? — он приподнялся на локте, пытаясь заглянуть мне в глаза.

«Да, ты обидел меня! Сильно обидел!» — кричала я про себя. Я не могла его видеть и не хотела отвечать. Но я заставила себя повернуться и посмотреть на него. Хорошо хоть смогла сдержать слезы, иначе моё унижение и чувство стыда были бы еще сильнее.

— Нет, не говори ерунду, — как можно более беззаботно произнесла я. — Просто я немного устала. Ты был так хорош, что сил на разговоры у меня не осталось, — я попыталась улыбнуться, чтобы хоть как-то замаскировать свою обиду.

— Ты тоже была прекрасна, — он осторожно коснулся моей щеки рукой. — Я рад, что

правильно прочитал твоё желание.

— Какое желание? — теперь уже я приподнялась на локте, чтобы лучше видеть Пашу.

— Желание провести эту ночь со мной. Я ведь не ошибся?

— Не ошибся, — произнесла я шепотом и легла на подушку.

Хорошо, что в номере был полумрак — я надеялась, что Паша не увидит, как горят мои щеки от стыда. Ведь, по его словам, получается, что я сама напросилась на секс, а потом еще на отношения намекала?

Я отвернулась к окну и некоторое время мы лежали молча.

— Пить хочешь? — совершенно буднично спросил Паша спустя какое-то время.

Я отрицательно помотала головой. Все, что я хотела в тот момент — уйти из этого номера. Паша поднялся с кровати и подошел к мини бару с напитками. Я оглянулась. Мой взгляд скользнул по его телу. Подумать только, еще каких-то пол часа назад я упивалась близостью с ним, а сейчас мне хотелось кинуть ему покрывало, чтобы он прикрыл свою наготу.

Паша налил в стакан холодной минералки и жадно сделал несколько глотков.

— Точно не хочешь? — повернулся ко мне и протянул стакан.

— Точно, — я присела на кровати и завернулась в одеяло. У меня было непреодолимое желание отгородиться от этого мужчины.

Я протянула руку к телефону, который лежал на тумбочке. Часы показывали двадцать два сорок восемь. Я встала, подобрала свои вещи с пола и направилась в ванную, стараясь не смотреть на Пашу, который так и стоял обнажённый посреди номера и что-то смотрел в телефоне.

— Ты куда? — услышала я за спиной.

— Душ принять.

— Может вместе?

Я вздрогнула от такого предложения.

— В другой раз, — выдохнула я, заскочила в ванную комнату и закрыла дверь на замок.

Сердце бешено колотилось в груди, я приложила ухо к двери, прислушиваясь к тому, что происходило в номере. Я боялась, что Паша, действительно, захочет принять душ вместе. Но за дверью было тихо.

Скинув одеяло и вещи на пол, я включила воду и подошла к зеркалу. «Да, красота — страшная сила», — грустно ухмыльнулась я. Бледное лицо с осыпавшейся тушью — я, ведь совсем не думала о косметике, когда оказалась с Пашей наедине в номере. У меня были совсем другие мысли.

Отодвинув стеклянную дверцу, я встала под душ. Смыла остатки туши и намылилась гелем для душа с приятным цитрусовым ароматом. Я все делала не спеша, словно в каком-то замедленном кино. Я была уже на сто процентов уверена, что Паша не зайдет в ванную. А мне торопиться было некуда — вернуться в своё одиночество я всегда успею.

Так же медленно я вытерлась мягким махровым полотенцем, оделась и высушила волосы. Из-за двери не доносилось ни звука — но меня это не волновало. Я даже подумала о том, что было бы замечательно, если бы Паша ушел.

Когда я все-таки вышла из ванной, Паша был в номере и, судя по тому, что на нем были надеты только боксеры, уходить он не собирался.

— Ты уходишь? — он был удивлен, и как мне показалось, вполне искренне.

— Да, поеду домой. Там дети одни. Хоть им и по шестнадцать, они все равно дети, —

пожала я плечами.

— Может останешься? — Паша подошел ко мне и чуть наклонился, пытаясь заглянуть в глаза.

— Нет, не уговаривай, — улыбнулась я через силу и направилась в небольшой коридорчик.

Паша надел джинсы и молча наблюдал за тем, как я одевалась.

— Ну все, пока. Передавай Жене привет, — сказала я, застегивая верхнюю пуговицу пальто. Держать себя в руках было очень сложно, но я старалась. Мне нужно было дотерпеть до того, как закроется дверь номера, и тогда можно будет позволить слезам выкатиться из глаз.

— Передам. Давай я хоть такси вызову? — вид у Паши был растерянный.

— У меня приложение с кучей бонусов. Сама вызову.

Я собрала последние силы, подошла и поцеловала Пашу в щеку. Затем вышла в коридор и медленно пошла по мягкому паласу, оставляя прошлое позади. Только когда за мной закрылись двери лифта, я перестала строить из себя гордячку — опустила плечи и закрыла лицо ладонями.

— До свидания, — попрощалась я с девушкой на ресепшн.

— Всего хорошего? — проводила она меня многозначительным взглядом.

Я не сомневалась, какие мысли были у неё относительно моего позднего ухода и того, чем мы занимались в номере, снятом на одну ночь. Сколько таких парочек прошли через неё в этом отеле? Все мы взрослые люди и все понимали.

И я все понимала, только принять реальность мне удавалось с трудом. Мне было плевать на то, как это выглядело со стороны и что подумала обо мне девушка-администратор отеля. Но мне было не наплевать на то, что думала и чувствовала я. А чувствовала я себя использованной и потасканной.

Да и ладно, все так и есть. Зачем бежать от правды? Я провела с мужчиной прекрасное время, занимаясь любовью. Нет, после фразы о том, что «эта ночь ничего не значит», мы занимались не любовью, а сексом. Хотелось сказать грубее — наверняка так нашу встречу воспринимал Паша. Но я оставила себе шанс на промежуточную, более мягкую, но совсем не романтическую версию — мы занимались сексом.

На улице было чуть морозно. Я лучше укуталась в пальто, ожидая такси. Мой взгляд упал на уличную пепельницу перед входом в отель. «Жаль, что я не курю», — пронеслось в голове. Будто бы выкуренная сигарета могла принести облегчение. Хотя, может и могла бы, только я не курила.

Наконец, подъехала белая «Шкода».

— Добрый вечер, — поздоровалась я, садясь в машину.

Водитель, мужчина лет шестидесяти на вид, кивнул в ответ, уточнил адрес и автомобиль медленно выехал с парковки отеля. В салоне тихо играла спокойная музыка. Я закрыла глаза, положила голову на подголовник и некоторое время наслаждалась теплом и ненавязчивой мелодией, доносящейся из динамиков.

Мои мысли снова стали возвращаться в отель, и к Паше. Все-таки мне было обидно, как бы я ни храбрилась и не убеждала себя, что ни на что не рассчитывала. Обидно за то, что все закончилось вот так обыденно. Никаких теплых слов или объятий. Да он даже джинсы надел только когда я в пальто облачилась. Не предложил проводить, не сказал, что позвонит. Ничего, что могло бы смягчить ту звонкую пощечину, которую он отвесил мне своей долбанной «ничего не значащей ночью».

Я тяжело вздохнула и стала упорно убеждать себя, что я и сама шла в этот отель только за сексом. А после, получив то, что хотела, поехала домой, оставив Пашу одного. Я получила порцию мужских гормонов и все. И никаких обид. Это не он послал меня, а я ушла. Оделась и ушла, спокойно и гордо прошагав по ночному коридору небольшого питерского отеля. А он, такой весь из себя мужик, остался в номере один. А я — молодец, еду домой к своим детям. А он там — один. В чужом городе, в чужом отеле. Один! Он — один! А я — не одна! Не одна!

Я была в шаге от истерики. Все, в чем я пыталась убедить себя, было неправдой. Можно врать кому угодно, но только не себе.

— Извините, можно немного приоткрыть окно? — спросила я у водителя. Мне нужно было успокоиться, пока я не наделала глупостей.

Водитель посмотрел на меня в зеркало заднего вида и был явно недоволен моей

просьбой. Но окно все-таки чуть приоткрыл. Я жадно вдохнула свежий осенний воздух. Ветер скользил по моему лицу, словно поглаживая и сметая обиду. Я начинала успокаиваться, отдавая ему свою боль.

Когда такси подъехало к моему дому, я медленно поднялась в квартиру, осторожно открыла дверь, скинула обувь и на цыпочках прошла в свою комнату. «Забыть и никогда не вспоминать», — повторяла я. Но я прекрасно понимала, что сделать это будет очень непросто. Я берегла своё чувство к Паше столько лет и вряд ли смогла бы вычеркнуть все воспоминания о нем в один момент, как по щелчку.

Я лежала в темной спальне и смотрела на потолок, по которому, сквозь неплотно задвинутые шторы, пробегали полосы света фар проезжающих под окнами автомобилей. Паша прислал короткое сообщение, что ему нужно срочно уехать в Москву. Увидеться не получится, но он обещал написать, как будет возможность. В ответ я отправила лаконичное «хорошо».

Хотя ничего хорошего я не видела и больше не ждала. Наша совместная ночь отрезвила меня. Да, я была готова к прощанию. Но не такому грубому. Я снова осознала, что я никогда не буду счастлива с мужчиной, потому что не заслуживаю такое счастье. Все, что я заслуживаю — ничего не значащую ночь с когда-то самым дорогим для меня человеком.

Мне вообще было удивительно, что Паша написал мне. Неужели он думал, что после всего сказанного я рассчитывала на какие-то встречи? То, как мы расстались вчера, с моей точки зрения не предполагало какого-либо продолжения общения.

Я уже пережила почти двадцать лет тишины от него. Переживу и следующие двадцать или тридцать. Так думала я, и тем самым пыталась усмирить обиду, которая все еще сидела во мне.

— Мам, — заглянул Тимофей в комнату. — Ты спишь?

— Нет, — я присела на кровати и включила настольную лампу.

— У нас завтра экскурсия, нужно подписать согласие на выезд для школы, — протянул мне бумагу и ручку.

Я прочитала документ — согласие на экскурсию в Павловск. Быстро подписала и отдала сыну.

— Уроки сделали?

— Мам, экскурсия, — Тима помахал только что подписанным мной документом.

— Хорошо. Есть хотите?

— Я — нет. Молока выпью и спать.

— У Матвея спроси, — я спустила ноги с кровати и стала искать тапки.

— Ага, — Тима вышел из комнаты.

А я обхватила голову руками. «Павловск. Снова Павловск», — носилось в голове. Я гуляла там с Пашей, я была счастлива. А теперь тяжело невыносимо.

— Мам, — донесся из коридора голос Матвея.

— Да, — я поднялась с кровати и вышла из комнаты.

Я посмотрела на сына и моё сердце замерло от любви. Матвей стоял в дверном проеме своей комнаты. Он был высоким, как Алексей — ростом около двух метров. И таким же стройным — генетика. Леша был достаточно симпатичным — брюнет с голубыми глазами и аккуратными чертами лица.

Мои сыновья — моя жизнь, моё счастье, моё всё. Ради них я жила. «А ведь когда-нибудь в их жизни появится женщина, которая станет для них целым миром. И мне придется отойти

в тень», — с грустью подумала я, любясь сыном. Главное — принять их выбор, чтобы не испортить им жизнь, как свекровь испортила её Леше. К горлу подступил ком. «Да что же это творится со мной? По любому поводу в слезы!» — рассердилась я на себя.

— Мам, ты чего? — Матвей смотрел на меня растерянно.

— А?

— Я с тобой разговариваю, а ты не реагируешь

— Прости, на работе дурдом, задумалась, — придумала я оправдание. — Пойдем, я тебя накормлю, — кивнула в сторону кухни. — Тима, ты точно есть не будешь? — спросила у Тимофея, проходя мимо его комнаты.

— Нет, спасибо.

Я разогрела еду. Матвей ел, а я пила чай и слушала его рассказ о прошедшем дне. Каждый раз, когда дети делились со мной своими наблюдениями и впечатлениями, я благодарил Бога за то, что у нас с ними такие отношения.

Благодаря тому, что они доверяли мне и Алексею, мы смогли пережить их переходный период малой кровью. Несмотря на то, что почти все время мы с мужем жили как добрые приятели, однако, то что касалось детей, мы решали вместе. Он был прекрасным папой — любил мальчишек, проводил с ними свободное время. Приучил к спорту и рыбалке, научил уважительному отношению к женщине. Пусть между нами не было любви, но Алексей никогда не позволял себе грубого слова в мой адрес, защищал перед свекровью, помогал по дому и дарил цветы — знал, что я их люблю. Я не сомневалась, что Тимофей и Матвей будут прекрасными мужьями. Пусть только каждому из них на пути встретится любящая женщина, с которой они проживут вместе долгую счастливую жизнь.

Когда Матвей ушел спать, я прибралась на кухне и вернулась в спальню.

Встреча и близость с Пашей разбередили мой внутренний мир. После смерти Алексея я стала словно заморожена и тихо проживала свою безликую жизнь — ходила на работу, занималась детьми и домом. Хоть между нами и не было чувств, он был моим единственным близким человеком. После его ухода я почувствовала пустоту, которую, как мне казалось, я никогда не смогу заполнить. Я не позволяла себе эмоций. Не разрешала жалеть себя. Запрещала вспоминать прошлое. Я стала жить одним днем и не строила планы. Единственным живым огоньком для меня были дети, ради которых я была готова на все.

И все мои старания в один миг разлетелись на мелкие осколки в ночном поезде «Москва-Санкт-Петербург», когда я увидела Пашу. Внутри меня словно бомба с эмоциями взорвалась, заставившая снова начать чувствовать. А день, который я провела с ним, только усилил эффект.

Проснувшись утром, я ощущала себя сильно разбитой. Словно весь предыдущий день картошку окучивала без отдыха и сна. Паша прислал сообщение, в котором написал, что рад был увидеться и ждет новой встречи. На это сообщение я уже не ответила.

Вместе с физической усталостью и душевной пустотой я ощутила непреодолимое желание поехать на кладбище на могилу мужа. Я не понимала зачем, но чувствовала, что мне нужно поговорить с ним. Будто какая-то невидимая сила тянула меня туда. Я сообщила на работу, что задержусь и, сев за руль своего коричневого кроссовера, отправилась на другой конец города.

Я медленно шла по дорожке кладбища, усыпанной осенней листвой. Был будний день, поэтому людей было мало. Мне навстречу выехал небольшой трактор, в кабине которого сидел мужчина лет шестидесяти, а в открытом кузове весело переговариваясь — два молодых парня. Я отошла в сторону, чтобы уступить им дорогу. Трактор объехал меня и тут же остановился. Парни спрыгнули за землю, достали лопаты из кузова и направились в сторону могил, все так же весело болтая. «Да, такая работа», — вздохнула я про себя и побрела дальше на противоположную сторону кладбища, где были могилы Алексея и свекра.

Под ногами шуршал гравий и опавшие листья. Небо было пронзительно голубым, сквозь кроны деревьев пробивалось яркое осеннее солнце. Если бы я не брела по кладбищу, день мог бы казаться прекрасным. Но для меня он не был прекрасным.

Последний раз я была здесь три недели назад со свекровью. Я ненавидела эти совместные посещения кладбища. В глубине души я, безусловно, понимала чувство матери, потерявшей сына. И даже где-то сочувствовала несчастной женщине. Ровно до тех пор, пока не начинался спектакль с завываниями и лежанием на могиле — каждый раз одно и то же. Этот сценарий, в котором не было ни капли искренности, был известен до мельчайших деталей всем в нашей семье.

Раз в два месяца на протяжении двух лет, прошедших после смерти Алексея, мы сопровождали Антонину Константиновну на его могилу. Мы — это я, мои дети, и младший брат Алексея с женой. И не дай Бог, если у кого-нибудь из нас появлялась причина не поехать. Это же такое неуважение к памяти умершего! А если мы приезжали, то должны были, как минимум сочувственно вздыхать и успокаивать бедную женщину. А лучше всего, конечно, было заливаться вместе с ней слезами.

Можно подумать, что я была жестокая и бесчувственная. Вполне заслуженно. Но я была

совсем не такая. Просто мне не нужны были зрители для моих чувств и эмоций. Я привыкла быть безмолвной и послушной тенью моего мужа. На протяжении всех лет нашего брака я не имела право на собственное мнение так же, как и мой муж. Свекровь — властная и даже деспотичная женщина, заставляла всех вокруг следовать ее правилам.

Свекор смотрел в рот жене, а она пользовалась им, как хотела. Сыновья были в полном подчинении и не могли шага ступить без согласования с ней. Все их попытки проявить самостоятельность или волю, пресекались на корню. Единственным, кому удалось чуть подвинуть эту властную скалу, оказался Алексей. Он женился на мне назло свекрови.

И ему даже на какой-то момент показалось, что теперь он может все. Но свекровь, с достоинством выдержав этот удар, стала мстить. Она мстила Алексею через меня. Надо отдать ему должное — он пытался защищать меня. Но Антонина Константиновна была сильнее. В её глазах я была недостойной, избалованной, безрукой и некрасивой женой её идеального сына. Я должна была благодарить её за то, что она вручила мне столь ценное сокровище.

И я благодарила, точнее — покорно терпела все упреки и издевательства. Мне было все равно, что она говорит. После того, как я узнала о том, что Паша женился, я поняла, что никогда не смогу быть счастливой с другим мужчиной. Наш брак с Лешкой только подтвердил это. Мы поженились под влиянием обстоятельств, поэтому я стала воспринимать свекровь как данность и даже не думала ей противостоять.

Наконец, я добралась до участка, где были похоронены Алексей и свекор. Я «поздоровалась» со свекром, дотронувшись рукой до надгробной плиты. Потом подошла к могиле Алексея.

— Ну привет, — я присела на корточки.

У меня было странное ощущение — я боялась смотреть на фото мужа. Отводила глаза и с непонятым усердием стала заниматься очисткой могилы от березовых листьев, которые осыпались с рядом стоящего дерева. Когда с листьями было покончено, я протерла салфеткой мраморную плиту и надгробие, положила искусственные ландыши на могилу и присела на лавочку. Но все еще не могла поднять глаза и посмотреть на портрет Алексея. Вместо этого я уставилась на соседнюю могилу. В ней покоилась актриса одного из питерских театров. Судя по надписи на надгробью, ей было девяносто восемь лет, когда она умерла. Но с фото смотрела очень юная девушка, с белоснежной улыбкой и загадочным взглядом. Что я хотела разглядеть на её фото, что так неотрывно смотрела на него? Я не знала.

Над головой раздались крики чаек. Я взглянула на небо, где кружились несколько птиц. Стало невыносимо грустно от ощущения того, что жизнь и смерть существуют вот так рядом. Беззаботные птицы, голубое небо, яркая осенняя листва — с одной стороны. Тишина, застывшее время и холод мрамора — с другой.

Я сделала над собой усилие и все-таки подняла глаза к портрету Лешки. Фото было сделано примерно в то время, когда мы с ним познакомились. Ему было тридцать, он казался беззаботным и строил планы на жизнь. Строил их со мной. Верил в то, что вместе мы сделаем нашу жизнь счастливой. И я верила. Но недолго. Как бы мы ни старались и не притворялись, в конце концов мы оба поняли, что наш брак — это просто завеса от окружающих. Завеса от надоевших вопросов о том, почему он в тридцать лет холост, и почему у меня нет жениха.

Мы познакомились с ним случайно. Леша заехал к нам домой вместе с моим дядей, с

которым они работали в одной компании. Дядя, конечно, был вполне условный — Антон, брат моего папы, был старше меня на восемь лет и скорее был братом, чем дядей. Антон и Алексей пробыли у нас около часа. Мы сидели на кухне, пили чай и болтали о какой-то несущественной ерунде. А когда в следующий раз Антон приехал к нам один, моя любимая мама надела на него с расспросами о Леше, который так ей в душу запал, что она уже видела его своим зятем.

Мы с Алексеем пересекались еще несколько раз. Я не сомневалась, что все наши встречи были организованы моим семейством. Мама каждый раз уговаривала меня обратить внимание на «такого хорошего мальчика». Как потом мне признался Леша, примерно такие же разговоры со своей стороны вел с ним Антон.

Однажды Леша позвонил и позвал меня прогуляться. Я согласилась, не раздумывая. На тот момент он был единственным молодым человеком, который меня не напрягал и не раздражал. Мы гуляли до утра и много разговаривали — благо Белые Ночи предоставили такую чудесную возможность. Оказалось, что у нас было много общего — нам нравились одинаковые книги и музыка, а еще мы оба совсем недавно пережили несчастную любовь. А утром, когда мы прощались у моего подъезда, Леша сделал мне предложение. Вот так — внезапно, обыденно, без цветов и кольца, без свиданий и объяснений в любви. Я согласилась, не раздумывая.

Мы поженились, в надежде на то, что сможем заменить друг другу тех, кого мы потеряли. Что со временем, возможно, мы даже сможем полюбить друг друга. Но этого не случилось. Первый год мы честно старались стать друг для друга близкими людьми, но наше прошлое было сильнее нас. И если бы не моя беременность, мы наверняка расстались бы, так и не дотянув до первой годовщины.

Я улыбнулась, вспомнив о детях. Они сильно скучали по папе — Алексей был для них авторитетом и примером. Жаль только, что он не всему успел их научить и не мог больше радоваться их успехам и достижениям.

Внезапно меня охватила такая жалость к Алексею и к себе, что я заревела в голос.

После новости о женитьбе Паши, моя жизнь стала похожа на черно-белое кино — все вокруг было безликим. Я стала безразлична к противоположному полу, мне были неинтересны фильмы и книги о любви. Разговоры подружек о мальчиках, свиданиях, поцелуях, свадьбах и нарядах раздражали меня.

Первое время родители с сочувствием и пониманием относились к таким переменам во мне. Они и сами искренне переживали, ведь относились к Паше уже как к члену семьи. Мама однажды разоткровенничалась и сказала, что они с папой даже начали откладывать деньги нам на свадьбу.

Однако, чем больше времени проходило, тем внимательнее стали ко мне приглядываться родные и друзья. Периодически стали возникать вопросы из серии: «а у Юли мальчик есть?», «а Юля замуж не собирается?», «а вы уже готовы к внукам?». Меня будто лезвием резали, когда я слышала такие вопросы. Но старалась не показывать виду. Мама отшучивалась, как могла. Но однажды все-таки сказала, что так жить нельзя и молодость свою тоже губить нельзя. Пора бы уже, действительно, подумать о замужестве и детях. Ведь я не успею оглянуться, как пролетит время. А рядом со мной не будет ни мужа, ни детей.

Именно тогда в моей жизни появился Лешка.

Его история тоже была непростой. В институте Алексей встретил девушку Маргариту, с

которой у них случилась сильная взаимная любовь. Но девушка пришлось не по душе моей будущей свекрови. И, всеми правдами и неправдами, она заставила сына отказаться от неё. А после того, как Леша порвал с Маргаритой, свекровь на протяжении нескольких лет долбала его разговорами о необходимости женитьбы и рождения детей. В их доме началась бесконечная церемония сватовства. Все знакомства, правда, заканчивались безрезультатно. Но Антонина Константиновна не сдавалась и сватовство продолжалось.

Леша был в одном шаге от того, чтобы поругаться с мамой, когда встретил меня. И наши с ним рассыпанные пазлы сложились сами собой в одну картинку: два человека с разбитыми сердцами, уставшие от расспросов друзей и родственников, готовые говорить друг с другом и слушать друг друга. Так, разговаривая и слушая, Леша сделал мне предложение, а я согласилась выйти за него замуж.

Только за многие годы брака, наши отношения так и не ушли дальше дружеского участия. В конце концов, мы устали от дружбы и по молчаливому согласию дали друг другу свободу.

В моей жизни ничего не изменилось. А вот Леша встретил женщину, к которой испытывал чувства. Я узнала об этом случайно, но не решилась завести разговор с мужем и отпустить его. Вместо этого продолжала делать вид, что ничего не знаю. Иногда мне казалось, что он сам хочет мне все рассказать. Но он ничего так и не рассказал.

Когда Леша умер, вскрытие показало, что его сердце было сильно изношено. Сорок четыре года, а сердце как у старика. Свекровь обвиняла во всем меня — что я не любила мужа, ездила на нем, не берегла. Спорить и говорить о том, что помимо меня в его жизни было достаточно людей, которые помотали ему нервы и истрепали душу, я не стала. Не стала я рассказывать ей и о том, что у Леша была другая женщина и что он разрывался между «порядочным семьянином» и «любимым мужчиной». После смерти мужа я продолжала жить с ярлыком «никчемной и неблагодарной жены».

Новый приступ рыданий сдавил горло. «Прости меня, Леш», — протянула я руку и дотронулась до фотографии на памятнике. Слезы катились из глаз, я не могла остановить их. Меня одолело мучительное чувство вины. Я должна была сразу отпустить его, как только узнала о другой женщине. Я должна была заставить его уйти от меня. Чтобы он, наконец, был счастлив.

— Почему ты мне все не рассказал? — спрашивала я у фотографии на черном граните. — Почему не ушел к ней? Зачем мучил себя столько лет? — слезы, не переставая, градом катились из глаз. — Тогда ты был бы жив и не улыбался бы мне с этой дурацкой фотографии.

Я захлебывалась в собственных слезах и проклинала себя за то, что испортила Леше жизнь, подарив когда-то призрачную надежду на счастье, которое так и не смогла ему дать. Я обессиленно упала на могилу, содрогаясь в рыданиях.

— Милая, — за моей спиной раздался тихий женский голос, и чья-то рука осторожно погладила меня по спине.

Я подняла голову и рукой попыталась стереть слезы, которые мешали мне рассмотреть стоящую рядом женщину.

— Не убивайся так, милая, — снова заговорила она. — Ему там, — она подняла газа к небу, — хорошо и спокойно. Ты лучше в церковь сходи и свечку за упокой его души поставь.

Я смотрела на женщину, часто моргая.

— Знаю, что тяжело, — она положила руку мне на плечо. — Сама мужа двадцать лет

назад схоронила. И до сих пор сердце разрывается. Но я не плачу. Я за него радуюсь. Ведь он там, с Ним. И ты за своего порадуйся, — она кивнула в сторону Лешиной фотографии.

— Спасибо, — поднялась я и стала копаться в сумке, в поисках платка. — Спасибо большое. Мне стало легче, — я достала платок и вытерла слезы.

— Вот и хорошо, вот и ладно. Но в церковь все равно сходи.

— Схожу, обязательно схожу.

Женщина кивнула головой, попрощалась и ушла. А я постояла еще минуту и направилась к выходу. По дороге домой я размышляла о разговоре с этой женщиной и о том, что нужно сходить в церковь. И понимала, что не смогу это сделать — ведь я столько нагрешила. Я переспала с чужим мужчиной и не любила своего мужа.

Я не была верующей. В церкви была в основном тогда, когда проходила мимо и у меня было свободное время. Из праздников знала только Пасху и Рождество. Но и при всем этом я была уверена, что не смогу переступить порог храма теперь, когда узнала, насколько грязная моя душа.

Холодная промозглая питерская осень стала отступать под натиском ранней зимы. Деревья резко скинули листву, все вокруг стало однотонным и безликим. Редкие солнечные дни не успевали придать жизни красок — их тут же сменял серый небосвод, затянутый такими же серыми облаками. Снег, в противостоянии с дождем, долетал до земли и превращался в лужи. Моё внутреннее состояние вторило тому, что творилось с природой.

Я ходила на работу, занималась детьми и домом. Избегала встреч с друзьями и корпоративных мероприятий. Первые недели после возвращения из Москвы я держала себя в руках, старалась не раскисать. Но чем дальше, тем тяжелее становилось на душе. Знакомые и родные спрашивали не заболела ли я. А я отговаривалась тем, что у меня завал на работе и все никак не могу его разгрести.

Так летели месяцы моей жизни — безликие и однообразные.

В марте меня отправили в очередную командировку в Москву, где должна была состояться крупная промышленная выставка, на которой была представлена и наша компания. Я долго сопротивлялась этой поездке, но с моим руководителем такие номера, обычно не проходили.

Я снова ехала в купе ночным поездом. Но уже не одна, а со своей коллегой, Ольгой. Нашими соседями были две женщины лет шестидесяти. Поезд тронулся, мы обменялись дежурными фразами и как-то быстро легли спать. Я была рада тому, что не нужно вести пустые разговоры.

Я лежала на верхней полке и не могла уснуть — в купе было темно и душно. В голове всплыли воспоминания о той поездке, где мы встретились с Пашей и его коллегами. Сердце защемило от нахлынувших чувств, которые мне удавалось прятать где-то в глубине души и не возвращаться к ним несколько месяцев.

Я закрыла глаза и отчетливо услышала голоса, смех, аромат цитрусового парфюма и пронзительный холод тамбура. Мне показалось, что я схожу с ума — настолько явственно в моей голове воссоздалась обстановка той ночной поездки.

Чтобы хоть как-то остановить эту пытку, я осторожно спустилась со своей полки и вышла в коридор. Свет оказался для меня спасением — мой мозг мгновенно переключился на изучение окружающей обстановки.

Я простояла в коридоре достаточно долго и вернулась в купе только тогда, когда почувствовала, что падаю от усталости. Вернувшись, я снова забралась на свою верхнюю полку и мгновенно уснула.

По приезду в Москву на меня с огромной силой обрушилось отчаяние. Что стало триггером, я не знаю. Может то, что рядом не было родных, а может то, что Москва у меня все равно, как бы я ни сопротивлялась, ассоциировалась с Пашей. Я чувствовала себя дико одинокой и ранимой даже несмотря на то, что я была все время среди своих коллег. Но вида старалась не показывать — не хотела, чтобы у окружающих появились вопросы или сожаления.

В этот раз график моей поездки в столицу не был столь насыщенным. Так что у меня выдалось два свободных вечера. Один из этих вечеров я провела в номере отеля за чтением книги. А вот во второй свободный вечер Оля уговорила меня прогуляться по вечерней столице.

— Юль, пойдём пройдемся, а? — начала она свои уговоры. — Что в номере сидеть? Когда еще в Москву приедем?

— Не знаю, — пожалала я плечами, — если честно, то мне не хочется.

— Ну понятно: ты же столько раз была в Москве, — Оля присела в кресло и обиженно посмотрела на меня, — а я, между прочим, здесь первый раз. И неизвестно еще, когда снова приеду, — устала на меня пристально.

— Ну ладно, — вздохнула я и примирительно улыбнулась. — Но только не долго и не далеко. Не забудь, что у нас поезд утром.

— Ура, — радостная Оля подскочила ко мне и крепко обняла.

Примерно через час мы неспешно прогуливались по Арбату. Сколько я не отговаривала свою коллегу, она настойчиво просила, чтобы мы обязательно посетили Арбат. Лично для меня там никогда не было ничего притягательного. Ну вот совсем не моё место. Я не любила шум и суету, не любила, когда многолюдно.

— Юль, пойдём посмотрим, — Оля потянула меня за локоть в сторону уличных музыкантов, которых окружила толпа слушателей.

Я нехотя пошла за ней, но осталась чуть поодаль, держась на расстоянии от толпы. Оля же, напротив, протиснулась в первый ряд. Два молодых парня исполняли песни Цоя. Среди тех, кто стоял в импровизированном круге слушателей, были люди абсолютно разных возрастов — от совсем молодых, до пенсионеров. Но при этом, многие подпевали и пританцовывали в такт музыке. Я и сама не заметила, как прониклась атмосферой и начала подпевать про себя.

Оля повернулась и замахала мне рукой, приглашая к себе — судя по всему уходить она не собиралась. Я махнула в ответ, но к ней не пошла. Вместо этого я стала прохаживаться рядом, чтобы не замерзнуть. Попутно смотрела по сторонам, изучая такую непривычную для меня вечернюю жизнь.

Когда я дошла до фонтана «Принцесса Турандот», чтобы получше рассмотреть его, кто-то осторожно взял меня за локоть.

— Юля, — раздался за спиной мужской голос.

Я повернулась и увидела Женю. Сердце начало бешено колотиться от этой неожиданной встречи.

— Ты как здесь? — Евгений явно был удивлен, однако, это не помешало ему перейти на «ТЫ».

— В командировку приехала, — я еще не могла прийти в себя, поэтому ответила не сразу.

— Жень, — к нам подошел молодой мужчина и вопросительно посмотрел на меня.

— Юра, познакомься, это моя знакомая из Питера — Юля, — представил он меня.

Мы отвесили друг другу поклоны головой в знак знакомства. Повисла пауза.

— Ты спешишь? — спросил меня Женя.

Вместо ответа я пожалала плечами.

— У нас тут столик забронирован в баре. Не хочешь присоединиться?

Я снова не спешила отвечать, ведь все происходящее в тот момент казалось мне чем-то не очень реальным, и я не понимала, как на все это реагировать. Я видела Евгения всего несколько раз, из которых только один раз мы полноценно общались. Я его даже приятелем назвать не могу. Поэтому, его приглашение в бар казалось мне не совсем уместным.

— Я не одна, — ответила все-таки я.

— Не одна? — мне показалось, что Женя чуть напрягся.

— Да, с коллегой, — поспешила добавить я. — Это она меня сюда привела, очень хотела Арбат посмотреть. Я не могу её бросить, — ну вот, я нашла прекрасный аргумент, чтобы никуда не ходить и при этом никого не обидеть.

— Мы и коллегу с собой возьмем, правда Юра? — не унимался Женя.

— Правда, — ответил мужчина. — Только давайте быстрее определяйтесь, а то Саня уже обзвонился.

— Юль, пожалуйста, не отказывайся. Я очень рад тебя видеть, — он так смотрел на меня, что я уже начала колебаться.

Пока я раздумывала, к нам подошла Оля и обвела нашу компанию вопросительным взглядом.

— Знакомьтесь, Оля, — сказала я.

Мужчины тоже представились и Женя перешел в новое наступление. Он стал уговаривать Олю присоединиться к их компании, используя аргумент, который определил её решение:

— Дело в том, что Юля категорически отказывается идти без вас.

Я даже рот приоткрыла от того, как легко Женя перевел стрелки на меня.

— Ну хорошо, если только из-за Юли, — ответила чуть кокетливо Оля.

Я перевела взгляд на неё, а она в ответ пожала плечами и немного виновато посмотрела на меня. Я покачала головой, понимая, что у меня больше нет аргументов для того, чтобы отказаться от предложения Жени.

— Уговорили, — согласилась я, — но только не долго.

Женя широко улыбнулся, а Оля чуть не запрыгала на месте. Мне показалось, что она заинтересовалась Юрой. Хотя, может мне это только показалось.

Бар, в котором у мужчин был забронирован столик, находился буквально в двух шагах от того места, где мы встретились. Там было достаточно многолюдно. Обстановка была вполне классической для таких мест: шумно, многолюдно и немного тесно. Между деревянными столиками сновали официанты с подносами.

Когда мы зашли, Женя огляделся по сторонам и, увидев машущего рукой молодого человека в самом углу зала, кивком головы указал нам направление, куда идти.

Мы подошли к столику, Женя представил нас Александру и помог нам с Юлей раздеться. Я присела за стол и с удовольствием ощутила тепло, которое окутало меня. Оказалось, что я замерзла на улице, но почувствовала это только когда оказалась в помещении.

— Так, выбирайте, — протянул нам меню Александр.

Оля посмотрела на меня — в её глазах читался вопрос.

— Мы угощаем, — добавил мужчина.

Есть мне не хотелось, да и пить, если честно — тоже. Поэтому, пришлось несколько раз перелистать книжечку, прежде чем удалось сделать выбор — совсем ничего не заказать было не удобно. Все-таки мы были приглашены и обижать мужчин не хотелось.

Первое время я сидела и молчала — привыкала к обстановке и новой компании. Женя, на удивление, тоже молчал. Было непривычно видеть его таким. Ведь он был в центре внимания во время нашей первой встречи, и я думала, что он такой всегда. Оказалось, что не всегда. Оля же, в отличие от меня, сразу нашла общий язык с Юрой и Александром и у них завязалась беседа.

Нам принесли напитки, Александр произнес тост «за знакомство» и наш столик постепенно оживился. Оля безостановочно щебетала с мужчинами. Я даже улыбнулась про себя, что за короткое время с ней произошли такие перемены. Несколько часов назад в отеле она меня уговаривала пойти с ней на прогулку, так как она одна боялась и стеснялась. А теперь здесь, в баре, вела себя абсолютно раскованно с незнакомыми мужчинами.

Я сделала глоток вишневого пива и взглянула на Женю. Он сидел, слегка откинувшись на стул и слушал разговор мужчин и Оли. Но участия в беседе не принимал, так же, как и я. Вообще было странно, что мы с ним вели себя как люди, которые попали в новую компанию, где совершенно никого не знали. Со мной такое случалось редко. Я могла найти общий язык с абсолютно разными людьми — такая черта характера появилась у меня благодаря моей работе, где нужно было уметь находить подход к заказчикам.

Но удивлялась я не только себе. Я никак не могла привыкнуть к тому, что Женя молчал и вел себя совершенно тихо, я бы даже сказала незаметно. Что совершенно не соответствовало тому, каким он был в поезде, где мы познакомились, да и на улице, когда мы встретились сегодня.

Александр рассказал шутку, которая заставила Олю громко рассмеяться. Я улыбнулась, но не из-за шутки, а из-за своей коллеги. Она прям светилась вся и привлекала к себе внимание мужчин не только за нашим столиком, но и за соседними.

Спустя время мужчины предложили продолжить знакомство и пойти в клуб потанцевать. Мы с Женей категорически отказались, а Оля согласилась, не раздумывая. Она пожелала мне хорошего вечера и ушла в компании Юры и Александра.

Когда мы с Женей остались вдвоем, я почувствовала облегчение. Он тоже как будто расслабился.

— За встречу, — сказал он и сделал глоток пива.

Я присоединилась к его тосту и тоже отпила из своего бокала.

— Я рад тебя видеть, — сказал Женя, глядя мне в глаза. — Как хорошо, что ребята потащили меня в этот бар.

Я кивнула. Мне тоже было приятно встретить его, даже несмотря на то, что поначалу на меня обрушились воспоминания о Паше.

— Когда ты уезжаешь?

— Завтра утром поезд. Надеюсь, Оля не опоздает, — улыбнулась я.

— Не переживай. Саня и Юра — нормальные мужики, дальше клуба её не повезут, — он сделал еще глоток. — Так что утром вместе поедете в Питер.

Я кивнула. Действительно, зачем переживать за Олю? Она — взрослый человек, разберется сама.

Мы сидели и разговаривали на отвлеченные темы, стараясь избегать личных тем. Но Женя все-таки не выдержал и задал очень неожиданный вопрос:

— Почему ты не спрашиваешь о нем?

— О ком? — я сделала вид, что не понимаю, что речь шла о Паше.

— Вы поругались? — Женя проигнорировал мой вопрос и задал новый.

— Нет, мы не ругались, — ответила я. И сказала я чистую правду — мы, действительно, не ругались, а просто прекратили наше короткое общение. — Женя, я не хочу это обсуждать. Эта страница моей жизни благополучно перевернута и перечитывать её я не собираюсь.

— Он женился. Ты знала?

Мне потребовалось приложить немалые усилия, чтобы осознать сказанное и не выдать своего волнения. Я давно решила для себя, что возврата к прошлому не может быть и никаких отношений с Пашей не восстановить. Более того, после нашей последней встречи, я не хотела его ни видеть, ни слышать. Он остался для меня в прошлом, за закрытой дверью гостиничного номера.

Я старалась не думать о нем. Но память не возможно очистить одним щелчком пальцев, поэтому я все равно иногда возвращалась мыслями в прошлое. Но это прошлое не пугало меня. А вот настоящее — день в Москве, где и сейчас жил мой бывший возлюбленный и где его можно было встретить — пугало меня. Я испугалась встречи с Женей, потому что Паша мог оказаться рядом. Я испугалась новости о том, что он женился. Я словно снова вернулась в питерский отель, в котором я услышала признание когда-то дорогого мне человека, что время, проведенное со мной, ничего не значит для него.

Обида и страх нового разочарования парализовали меня на время, поэтому, я не сразу отреагировала на сказанное Евгением.

— Мне все равно, — ответила я как можно более равнодушным тоном. Ещё и улыбнулась для убедительности.

— Ты уверена? — Женя пристально смотрел на меня.

— Зачем тебе это знать? Тебя что Паша попросил? — я все-таки разнервничалась.

— Нет. Это я хочу знать. Так ты уверена?

— Уверена, — выдохнула я. — Допрос окончен?

— Прости, но мне нужно было это знать.

Я удивленно приподняла брови — с чего это такой интерес к моей персоне? Женя ничуть не смутился под моим взглядом и продолжал пристально смотреть на меня. А вот мне стало не по себе — было тяжело выдерживать этот взгляд, который я не могла «прочитать».

Я отвернулась, и стала разглядывать зал. За соседним столиком снова раздался дружный мужской смех, но в моей голове он звучал словно из-за стены. Тоска крепко обняла меня. Эти веселые люди за соседними столиками раздражали меня.

— Давай пройдемся? Если ты не устала, — предложил Евгений, словно прочитав мои мысли.

— С удовольствием.

Я обрадовалась возможности уйти отсюда. Женя подозвал официанта, чтобы расплатиться.

— Я на улице тебя подожду, — поднялась я из-за стола.

— Хорошо, — Женя тоже встал и помог мне надеть пальто.

Я вышла из бара и поёжилась от холодного воздуха. Несмотря на позднее время, на Арбате было многолюдно. Я отошла в сторону и стала смотреть на проходящих мимо людей. В какой-то момент они слились в единую массу, где уже не возможно было различить ни лиц, ни силуэтов. Так мой мозг пытался заставить меня отключиться от грустных мыслей. Он просто вырвал меня из действительности, в которой я была одинокой женщиной с разбитым сердцем и израненной душой, которые невозможно ни склеить, ни вылечить.

— Юль, — раздался рядом голос Жени. — Ты не замерзла? Можем не гулять, если что — на его лице читалось сомнение.

— Все в порядке, не переживай, — успокоила я. — Куда пойдём?

Он пожал плечами — вид у него был почему-то забавный, отчего я непроизвольно улыбнулась.

— Направо? — спросил он у меня и тоже улыбнулся.

Я кивнула, взяла его под руку, и мы неспешным шагом отправились на прогулку по вечерней мартовской Москве. Я не очень хорошо ориентировалась в столице, поэтому, как только мы ушли с Арбата, перестала различать улицы и следить за нашим маршрутом, полностью доверившись своему спутнику.

— В Питере тоже холодно? — спросил меня Женя.

— Не просто холодно, а очень холодно. Ещё и снег с дождем, — вздохнула я. — Так что я приехала в Москву погреться.

— Странно, мне всегда везет с погодой, когда я в Питере бываю. Плохая погода от меня разбегается.

— Приезжай почаще, может и нам хорошая погода перепадет, — пошутила я.

— Приглашай, приеду, — судя по выражению лица Жени, он не шутил.

Я ничего не ответила, только поругала себя за то, что сначала говорю, а потом думаю. Нужно уже повзрослеть в конце концов и следить за словами.

— Ты часто в командировках бываешь? — решила я сменить тему.

— По мере необходимости. В этом году частенько приходилось уезжать.

— А я ненавижу командировки. И всегда стараюсь от них откреститься, если это возможно.

— Почему?

— Просто Питер люблю, дом, детей. Боюсь от них уезжать.

— Понятно. Ну мне в этом плане проще.

— Проще?

— Да. Во-первых, у меня особо выбора нет при моей работе. Куда отправят, туда и поеду. Иногда правильной самому на место выехать и все своими глазами увидеть, чем ждать доклады от других.

Женя замолчал.

— А во-вторых? — спросила я.

— А во-вторых, у меня нет семьи и детей. Меня никто не ждет и поэтому не страшно уезжать.

Я посмотрела на Евгения — в нем вдруг пропала легкость. Он шел, глядя себе под ноги и молчал.

Ну вот нужно быть такой глупой! Ведь всего несколько минут назад я ругала себя за то, что не умею держать язык за зубами. И вот снова задала вопрос, о котором тут же пожалела. Мне было стыдно, и я начала в голове прокручивать фразы, которыми можно было бы сгладить неловкий момент. Например, «У тебя еще все впереди» или «В сорок лет жизнь только начинается». Но вовремя прикусила язык и не наделала еще больших глупостей.

Женя продолжал молчать, я же держала его под руку и ругала себя за бестактность. В итоге, так увлеклась самокритикой, что не заметила, как мы вышли на набережную, а потом оказались в «Зарядье».

— Не замёрзла? — спросил меня Женя, наконец очнувшись от размышлений.

— Нет, — ответила я тихо.

— Тогда на смотровую? — он посмотрел на меня уже с улыбкой.

Я кивнула и облегченно выдохнула про себя. Ведь все это время я думала, что моя болтовня его обидела. Но либо я себя зря накручивала, либо Женя умел хорошо владеть своими эмоциями и смог спрятать обиду вглубь.

Мы вышли на смотровую. Я крутила головой по сторонам. Москва была нарядно подсвечена огнями. Кремль, Собор Василия Блаженного, высотка на Котельнической — все, куда дотягивался взгляд, выглядело празднично и торжественно. На мгновение у меня даже дух перехватило. Я подошла к ограждению, чтобы не мешать проходившим мимо и еще немного полюбоваться потрясающими видами.

— Здесь очень красиво, — сказала я Жене, который подошел и встал рядом. — Москва у меня еще с детства ассоциируется с праздником.

— Почему?

— Летом, когда я у бабушки в деревне отдыхала на каникулах, мы ездили сюда где-то раз в месяц. Основная цель была, конечно, запастись продуктами, которые у нас в деревне отсутствовали. Но, прежде чем совершить набег на магазины, мы всегда посещали Красную Площадь, ВДНХ и Детский Мир. И для моего детского сознания, каждый раз, это был словно волшебство. Особенно Детский Мир. Я могла бесконечно смотреть на часы с забавными фигурками. И еще знала, что мне обязательно купят что-то особенное, чего нет больше нигде.

— Забавно, — подхватил Женя, когда я замолчала, — а я в детстве никогда не был в Детском Мире, хоть и жил в Москве. Я вообще дальше своего района никуда не выбирался. Родители меня не возили никуда, а самому не за чем было.

— Я в Ленинграде тоже до определенного возраста мало какие достопримечательности живую видела. Только в учебниках, да на открытках в книжном магазине. Это, наверное, свойственно всем местным жителям — куда торопиться, если вся жизнь впереди и успеешь еще все увидеть.

— Да, наверное, это так.

Резкий порыв ветра заставил меня чуть отступить от ограждения. В этот момент в меня врзалась энергичная и громкоголосая дама, желающая сфотографироваться на фоне Москва-реки. А я, по всей видимости, ей загораживала обзор. Женщину ничуть не смутило то, что, если бы не подхвативший меня Женя, я обязательно упала. Она продолжала громко давать указания своему спутнику, как лучше запечатлеть её на фото.

— Все нормально? — Женя заглянул мне в лицо.

— Да, — я подняла глаза на него и поняла, что он готов вступить в диалог с не очень воспитанной женщиной. А мне совершенно не хотелось портить такой чудесный вечер. Поэтому, я снова взяла его под руку и потащила за собой со словами:

— Очень красиво и очень многолюдно. Я это место оценила, а теперь предлагаю уйти отсюда.

Он только покачал головой и улыбнулся. Через час мы прощались в холле нашего с Олей отеля.

— Рад был увидеться, — сказал Женя.

— Я тоже.

— Я могу утром заехать и отвезти тебя на вокзал, — он смотрел на меня вопросительно.

— Спасибо, мы доберемся. Не переживай. Нам руководство трансфер организует, — соврала я на ходу.

Я была не слепая и заметила его интерес ко мне. Не как к знакомой, а как к женщине. Я бы соврала, если сказала, что мне не было приятно Женино внимание. Оно мне было приятно и поэтому, вечер оказался таким замечательным. Но одно дело пообщаться с мужчиной несколько часов, а другое — дать намек на продолжение общения.

А тогда я не понимала, имеет ли наша встреча шансы на продолжение. Нужно это мне или нет? Необходимо было переварить события сегодняшнего вечера. Поэтому я решила поставить этот вечер на паузу и дать время и себе, и Жене.

— Понял. Но если вдруг что, звони.

— Обязательно. Только у меня нет твоего номера, — я все-таки решила не рубить все концы.

— Диктуй свой, я тебе дозвон сделаю, — Женя открыл телефонную книгу в своем смартфоне и записал мой номер.

— Спокойной ночи, — сказала я, когда внесла его номер в свою телефонную книгу.

— Спокойной, — попрощался Женя и вышел на улицу.

Я поднялась в свой номер, который оказался пуст. Признаков того, что Оля возвращалась, я не заметила.

«Оля, дорогая, не забудь, что утром мы возвращаемся домой. Поезд тебя ждать не будет!» — отправила я сообщение, к которому прикрепила задумчивого колобка. В ответ получила улыбающийся смайлик и заверение в том, что она успеет.

За окном Москва все также светилась огнями. Но здесь, вдали от центра, они уже не были торжественными. Скорее они успокаивали и убаюкивали. Я посмотрела на дорогу, проходившую под окнами. Она была пуста. Ни пешеходов, ни машин.

«Вот и кончилась твоя командировка», — констатировала я. И от этого стало грустно. Как бы я не старалась, но от жизни сложно спрятаться. И сегодняшний вечер, несмотря на его скоротечность, посеял во мне крохотную надежду на то, что у меня еще есть шанс почувствовать себя женщиной.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Лежала в темном номере и анализировала сегодняшний вечер. Он оставил в моей душе противоречивые чувства. Я была рада увидеть Евгения и провести с ним время. Моя запрятанная вглубь сознания внутренняя женщина, ненадолго расправила плечи. Но за моей спиной как тень возникали воспоминания о Паше. И Женя, сам того не подозревая, стал триггером для них.

«Когда же я научусь жить, не оглядываясь назад?» — задала я себе вопрос, который снова остался без ответа. Я понимала, что нельзя жить воспоминаниями. Иначе не заметишь, как жизнь пролетит и не останется даже того мига из прошлого, который ты бережно хранила в памяти. Но сколько не пробовала, я все равно упорно возвращалась к моей первой любви и ничего поделать с собой не могла.

После нашей последней встречи я окончательно поняла, что не испытываю к Паше тех чувств, которые были между нами в молодости и которые сжигали нас обоих. Я осознала, что у нас нет совместного будущего. Но, несмотря на это, я как замороженная возвращалась в те дни, где была счастлива, любила и была любимой. Мне казалось, что достаточно воспоминаний, чтобы заглушить боль от нерастраченных чувств и несказанных слов. Однако, каждый раз эти воспоминания вместо облегчения приносили еще большие страдания, опустошали меня с новой силой.

Я закрыла глаза, чтобы не позволить выкатиться подступившим слезам — нельзя омрачать этот день сожалением о прошлом.

Глава 18

После моего возвращения в Питер между нами с Женей завязалась переписка. Завязалась как-то сама собой. Он прислал сообщение, в котором спрашивал, как я добралась. Я ответила, что добралась хорошо. Через пару дней он снова написал — спросил, как у меня дела. Так, незаметно, мы стали обмениваться сообщениями каждый день.

Спустя время я так привыкла к нашей переписке, что однажды ни на шутку загрустила, когда от Жени не было новостей два дня. Писать первой я не решалась — инициатива всегда была за ним. Поэтому, два дня мучилась догадками и сомнениями.

Когда терпение уже было совсем на исходе, и моя грусть стала уступать место обиде, Женя позвонил:

— Юля, привет!

— Привет, — ответила я, прикусив губу. Мне было и радостно слышать его голос, и обидно от двухдневного молчания, одновременно. В общем, как в фильме — я была «вся такая противоречивая».

— Не отвлекаю?

— Нет.

— Какие у тебя планы на выходные?

— На эти выходные? — уточнила я.

— Да. Я хотел приехать. Можем сходить куда-нибудь вместе, если у тебя есть время.

Предложение Жени было неожиданным, но я даже не думала отказать от встречи с ним. Однако, отвечать я не спешила. Так как на самом деле выходные у меня были распланированы, и я пыталась в голове судорожно расставить приоритеты — что можно сдвинуть на другое время, а что — нет.

— Я буду свободна вечером в субботу, — ответила я после короткой паузы, когда составила новый план дел.

— Замечательно. Ты театр любишь? — не давая мне возможности опомниться, задал Женя новый вопрос.

— Театр? Очень люблю, — ответила я.

— Предпочтения есть?

— Женя, — я немного пришла в себя. — Ты специально это делаешь?

— Что?

— Я не успеваю за ходом твоих мыслей, — засмеялась я. — Знаешь, что?

— Не знаю, — в его голосе слышалось веселье.

— Так вот, мы с тобой встречаемся вечером в субботу. Все организационные моменты я доверяю тебе. Не забудь только мне сообщить время и место встречи, — выдохнула я.

— Ого, — протянул мужчина.

— Жень, я буду рада с тобой увидеться. Поэтому как ты решишь, так и будет.

— Тогда в пятницу вечером жди от меня инструкции.

— Договорились, товарищ командир, — что-то я развеселилась.

— До связи. Побежал дела разгрести, чтобы к выходным освободиться.

— Пока, — я повесила трубку, а на душе стало тепло от нашего короткого разговора. Я почувствовала, что мои щеки зарумянились, а губы непроизвольно растянулись в улыбке.

В пятницу, как и обещал, Женя прислал сообщение о том, что взял билеты в театр, и что

заедет за мной в семнадцать тридцать.

В субботу я проснулась рано и успела сделать два неотложных дела, чтобы вторую половину дня посвятить подготовке к предстоящей встрече. Я готовилась именно ко встрече, избегая слова «свидание». Боялась опережать события, так как до сих пор не могла разобраться в себе и своем отношении к Евгению.

Но несмотря на противоречия и сомнения, которые одолевали меня, я все равно хотела выглядеть неотразимо, поэтому к выбору платья и макияжу подошла очень тщательно. И судя по одобрительным взглядам сыновей, с выбором я не ошиблась.

— Ого, какая ты, — сказал Тимофей, когда я зашла в комнату при полном параде и покрутилась на месте.

— Какая?

— Очень красивая, — объяснил Матвей слова брата.

— Спасибо, — шкала моего настроения резко устремилась вверх. — Я в театр, буду поздно. Не шалите тут без меня.

— Не будем.

Я посмотрела на часы — до назначенного Женей времени оставалось еще пять минут, но я уже не могла находиться на одном месте.

— Ну я пошла, — сказала я сыновьям и вышла в коридор.

— Хорошего вечера.

— Спасибо.

Женя уже ждал меня в такси. Он вышел из машины, как только я показалась у подъезда. Сердце учащенно заколотилось. Как ни старалась я сдержать волнение, сделать это мне не очень-то удавалось. У меня даже ладони вспотели. Кажется, что перед встречей с Пашей я так не волновалась.

— Привет, — сказал Женя, когда я подошла к машине.

— Привет, — ответила я и уставилась на него.

Повисла пауза. Вероятно, каждый из нас в тот момент чувствовал неловкость.

— Ты чудесно выглядишь, — первым опомнился Женя.

— Спасибо.

Он открыл дверь такси и помог мне сесть на заднее сидение. Потом обошел машину и сел рядом со мной.

Разговор у нас все никак не клеился. Мы обменивались дежурными фразами, которыми просто заполняли молчание. Мне сложно сказать, в чем была причина такого нашего поведения. Возможно, в том, что мы долго не виделись. Возможно — мешало присутствие водителя. Но, скорее всего, дело было в том, что наш поход в театр все-таки был свиданием. Как бы я ни отмахивалась от этого слова, но это было именно так. И мы вели себя как многие на первом свидании — немного скованно и неуверенно.

Но вот когда мы, наконец, подъехали к театру и вышли из машины, Женя взял меня под руку и одним махом устранил неловкость, висевшую над нами в такси. Я мгновенно расслабилась и снова погрузилась в предвкушение приятного вечера.

Времени до начала спектакля было еще достаточно, поэтому Женя предложил выпить по бокалу шампанского. Я присела за свободный столик и ждала своего спутника, разглядывая других зрителей. В холле было еще не так многолюдно. Публика была абсолютно разная: женщины в вечерних платьях, мужчины в костюмах, молодые люди, одетые в стиле «casual».

Я очень давно не была в театре и очень соскучилась по этой особенной атмосфере. Леша не любил театр — считал его пустой тратой денег и времени. Поэтому, в театре, будучи замужем, я бывала очень редко. Только если кто-то из замужних коллег или подруг соглашался составить мне компанию. Ну и еще с детьми выбиралась на детские спектакли. А после смерти мужа мне вообще стало ни до театров.

Мой взгляд переместился к Жене, который как раз расплачивался в буфете. Я с интересом наблюдала за ним — он был очень непохож на тех мужчин, которые когда-либо окружали меня. От него веяло уверенностью. Он легко находил общий язык с людьми, а они отвечали ему тем же. Вот и сейчас я видела, как лицо женщины-буфетчицы озарила улыбка, когда она разговаривала с Женей. Он притягивал к себе внимание, был в центре внимания. Я это заметила еще во время нашей первой встречи. Именно он смог объединить нас, таких разных, в одну компанию. Смог найти слова для каждого. Возможно, это было особенностью его работы. Но скорее всего — чертой характера. Ведь и Вячеслав, и Паша, тоже были следователями. Однако, старались в некоторых моментах уйти в тень.

— Не скучаешь? — Женя вернулся к столику и присел рядом.

— Нет.

— С кем ты детей оставила?

— Друг с другом, — я улыбнулась, вспомнив про сыновей. Каждый раз моё сердце отзывалось теплотой и наполнялось любовью, когда я думала о них и ничего с этим поделать я не могла. — Они уже взрослые, так что без мамы могут и пару дней прожить.

— Понятно, — Женя кивнул и поднял бокал. — Тогда давай выпьем за их очаровательную маму.

— Давай, — я протянула свой бокал, сделала глоток и опустила взгляд. Женя так смотрел на меня, что мои щеки непроизвольно начали покрываться румянцем.

На моё счастье в этот момент раздался первый звонок и холл ожил, а мой спутник на время отвлекся от меня, дав мне возможность унять волнение.

Мы не спеша допили шампанское и отправились в зал. Женя взял билеты на очень хорошие места, откуда открывался прекрасный вид на всю сцену. Из-за моего маленького роста, мне часто приходилось вытягивать шею или еще как-то подстраиваться, чтобы видеть происходящее на сцене. Но в этот раз мне не пришлось предпринимать каких-либо усилий, и я с первых минут смогла погрузиться в сюжет.

Спектакль оказался с глубоким смыслом. В нем затрагивались взаимоотношения поколений. Дети, внуки, родители, бабушки и дедушки — каждый зритель мог узнать себя в одном из персонажей. Конец спектакля был трагическим — главный герой умер в своей квартире в одиночестве. Мало кто из зрителей смог сдержать слезы. И я не была исключением. Я вспомнила своего папу, который ушел из жизни пять лет назад и Лешу. Простая мысль, которую пытался донести до зрителя режиссер и актеры, пронзила меня насквозь. Нужно жить настоящим, нужно беречь и ценить тех, кто рядом с тобой. Нельзя жить только мечтами. Мы нужны друг другу при жизни. Но, к сожалению, зачастую мы понимаем это только тогда, когда приходим на кладбище и проливаем слезы над могилой родных.

Мы вышли из театра, когда часы показывали 22:07. Несмотря позднее время, на улице было по-летнему тепло.

Мы оба еще находились под впечатлением от увиденного.

— Да, не думал, что так зацепит, если честно. Извини, надо было в другой театр пойти, наверное, — Женя прервал наше молчание.

— Не извиняйся, спектакль замечательный. Иногда нужно такие вещи смотреть и о таком читать, чтобы потом не жалеть о потерянном. Иначе осознание чего-то важного наступит слишком поздно, когда уже ничего не вернешь, — ответила я, хотя говорить мне было не легко.

Женя приобнял меня за плечо и осторожно притянул к себе. Я поняла, что в тот момент я нуждалась как раз вот в такой простой заботе. Мне стало легче, и я потихоньку стала возвращаться в реальность.

— Если ты не устала, мы можем прогуляться, — предложил Евгений. — Или зайти куда-нибудь посидеть?

— Я бы с удовольствием прогулялась, — ответила я, не раздумывая. Мне очень хотелось, чтобы этот вечер не заканчивался. Я так давно нигде не была, что обычный поход в театр оказался для меня событием.

Я взяла Женю под руку, и мы медленно пошли вдоль набережной Фонтанки, обсуждая спектакль. Мы сошлись во мнении, что спектакль, очень сильный и, несмотря на серьезность затронутых в нем тем, его можно посмотреть ни один раз.

Оказалось, что Женя вообще любит театр, но из-за особенностей своей работы бывает там редко. Меня это приятно удивило, так как мужчины, которых я знала, старательно избегали походов в театр, музей или на выставки. Рыбалка, бар, бильярд или кино — вот развлечения для мужчин. А все остальное — ерунда.

Незаметно, за разговорами, мы дошли до Невы. На набережной было многолюдно — теплый субботний вечер и Белые Ночи располагали к прогулкам. Мимо проплывали прогулочные кораблики и яхты, освещённые праздничными огнями.

Теплый ветер, который дул с Невы, принес с собой запах воды и внезапно меня накрыло ощущение безмятежности — я представила, что нахожусь в отпуске на каком-нибудь курорте. И нет работы, нет домашних дел и бытовой суеты. И я не одинока. А впереди у меня целая жизнь, полная ярких мгновений. Я думала, как шестнадцатилетний подросток, который только открывает мир.

Я шла, прижавшись к Жене, чтобы не столкнуться с теми, кто так же, как и мы решил прогуляться в это время. Когда мы дошли почти до Троицкого моста, мой взгляд выловил из толпы пару — мужчину и женщину, стоявших у каменного ограждения. Я заметила их издали и не могла отвести взгляд. Они выделялись среди остальных. На вид им было лет по сорок-сорок пять. Он обнимал Её за талию, Её голова лежала у Него на плече. В руках у Неё был букет из белых роз. Ничего необычного — просто влюбленная пара. Но я не сводила с них глаз — мой мозг словно выделил их массы людей, будто подсветил, чтобы было лучше видно. Когда мы поравнялись с ними, Он наклонился к Неё и нежно поцеловал в губы, а потом снова привлек к себе, и они продолжили стоять, глядя на Неву. Моё сердце защемило от осознания того, что счастье и любовь можно обрести в любом возрасте. И мне очень

захотелось снова любить и быть любимой. Мне надоело жить воспоминаниями.

«Интересно, со стороны мы тоже можем выглядеть, как пара?» — подумала я и посмотрела на Женю. Он тоже взглянул на меня и спросил:

— Хочешь на кораблике покатаемся?

— Нет, давай просто погуляем.

Мне вдруг захотелось оказаться подальше от людей в каком-нибудь тихом месте, чтобы быть только вдвоем.

Мы шли вдоль набережной, все больше удаляясь от центра города. Людей становилось меньше, чему я была искренне рада. Нам больше не приходилось совершать непонятные маневры, чтобы обойти встречных пешеходов. Мы могли просто идти рядом и разговаривать.

Пару раз мы останавливались около рыбаков, которых в это время было достаточно на набережной. Женя интересовался уловом, мужчины в ответ хвастались трофеями.

— Ну ничего себе, куда мы с тобой забрели, — сказала я, когда осознала, сколько мы прошли.

— А куда мы с тобой забрели?

— Это уже другой район. Вон там, — показала я рукой на двухэтажный дом через дорогу, — жила моя бабушка. А вон там, — кивнула на противоположный берег, — прошло моё школьное детство.

На меня обрушились теплые воспоминания. Как же хорошо было в детстве. Когда рядом молодые родители, оберегающие тебя от проблем. Когда простые радости заключаются в том, что ты играешь с друзьями во дворе, покупаешь мороженое за двадцать копеек или идешь в воскресенье в кино на утренний сеанс. И больше ничего не нужно. Твое сердце замирает от поцелуя и теплых объятий мамы, или от того, что на день рождения тебе дарят долгожданную собаку.

— Юль, ты что загрустила? — Женя вывел меня из воспоминаний.

— Здесь столько всего связано с моим беззаботным детством, что волей-неволей начинаешь погружаться в прошлое.

К горлу подступил ком, а глаза защипало от подступивших слез. Я резко отвернулась, чтобы Женя не заметил их. Не хотелось, чтобы он посчитал меня сентиментальной дурой.

— Давай посидим немного? — предложила я, указывая на ступеньки, ведущие к воде.

— Давай, — согласился он, но не сдвинулся с места, а вместо этого стал оглядываться по сторонам.

— Ты что ищешь?

— Подождешь меня здесь?

— Хорошо, подожду.

— Я быстро, пару минут. Не переживай и ничего не бойся.

— По-моему, это ты переживаешь, — засмеялась я. — Иди, я никуда не денусь.

— Прости, это у меня профессиональное, — он коснулся моего плеча и направился в сторону, противоположную от Невы.

Женя перебежал дорогу и скрылся под аркой четырехэтажного дома Сталинской постройки. Я пожалала плечами, спустилась вниз и присела на ступеньку.

Мимо как раз проплывала небольшая яхта, с борта которой доносилась энергичная музыка. На палубе танцевала компания из трех мужчин и двух молодых девушек. Я искренне завидовала их молодости и беззаботности.

Мелодия была такой заводной, что я начала непроизвольно покачивать головой в такт

доносившейся музыке. Одна из девушек на яхте помахала мне рукой, я тоже махнула ей в ответ. Спустя несколько минут яхта скрылась за поворотом, оставив меня наедине со своими мыслями.

— А вот и я, — за моей спиной послышались шаги и голос вернувшегося Жени.

Он присел рядом. В руках у него была бутылка шампанского, пластиковые стаканчики и шоколадка.

— По какому случаю банкет? — спросила я.

— Без повода. Сегодняшнему вечеру не хватает немного романтики.

— Даже так? — я с интересом посмотрела на Евгения.

— Угу, — ответил он и стал открывать бутылку.

— Ясно. А как ты шампанское купил? Ведь уже не продают, — в подтверждение своих слов я посмотрела на наручные часы.

— Не забывай, где я работаю, — ухмыльнулся Женя.

— Интересно...

— Ничего интересного. Юль, — Женя смотрел на меня с хитринкой. — Ладно, я просто в кафе зашел и купил у них, — он кивнул в сторону дома, куда он ходил.

Я обернулась и увидела неприметную вывеску «Кафе Венеция».

— Так, если вопросов больше нет, — Женя как раз открыл бутылку, — предлагаю наполнить бокалы и выпить за прекрасный питерский вечер.

Он разлил шампанское по стаканчикам, я открыла шоколадку, и мы сделали несколько глотков. Я смотрела на серую поверхность Невы, по которой бежали небольшие волны, плюхаясь о мраморную набережную и разлетаясь мелкими каплями в воздухе. Потом я повернулась к своему спутнику и взглянула на нас с Женей как бы со стороны. Два взрослых прилично одетых человека, сидят на ступеньках и выпивают из пластиковых стаканчиков. Какая-то небывальщина. Ладно, если бы нам было лет по восемнадцать. Но нам уже даже не по тридцать.

— Последний раз я так сидела на том берегу с одноклассниками, когда мы отмечали Последний Звонок, — задумчиво сказала я. — Мы были наивные и строили планы на жизнь, загадывали желания.

— Сбылись?

— М?

— Желания твои сбылись?

Я не ответила, так как мысленно унеслась в тот далекий майский день.

Утром была торжественная линейка. Мы читали стихи, пели песни учителям и родителям, слушали их наставления. Мы были рады, что наша школьная жизнь заканчивается, и мы стоим на пороге чего-то нового. У нас был очень дружный класс, в котором никогда не было крупных конфликтов. В нашем классе даже не было «козла отпущения», над которым обычно все издеваются. Единственным человеком «со странностями» был Артем Румянцев. Артем носил очки с сильными диоптриями, жил с бабушкой и писал прекрасные стихи и песни, которые заставляли думать. Ребята из параллельных классов звали его Трубадуром и старались подколоть при любой возможности. Но мы стояли за него горой и всегда давали отпор.

Вечером мы отправились на Неву, чтобы отметить это прощание со школой и любимыми учителями уже неформально. У нас с одноклассниками было облюбовано одно

местечко на набережной, где мы часто собирались.

Мы купили шампанское для девочек и пиво для ребят, приготовили бутерброды, захватили фрукты и устроили пикник. Мы вспоминали забавные и не очень случаи, которые происходили с нами на протяжении десяти лет. Кто-то из ребят принес гитару. Мальчишки по очереди играли, а мы подпевали. Артем читал свои стихи, от которых ребята становились серьезными, а девочки сдерживали слезы — настолько проникновенными ни были. На узкой полоске каменной набережной мы даже умудрились даже потанцевать.

Я хорошо помнила этот день. Потому, что благодаря одноклассникам, их отзывчивости и доброте, я впервые за долгое время не думала о Паше. Только когда загадывали желания, моё сердце ёкнуло.

Наташа Луговая, наша староста, принесла с собой блокнот и ручку. Перед тем как разойтись, она раздала нам листочки и попросила каждого написать заветное желание. После того, как мы все загадали желания, мы бросили свернутые листочки в небольшой костер, который развели тут же на набережной.

— Юль, — Женя легонько толкнул меня плечом.

— Да?

— Так сбылись твои желания?

Я не спешила отвечать, вспоминая о том, что я написала на листочке.

— Я загадала только одно желание, — сказала я. — И оно сбылось, но спустя много лет. Но вот если бы я могла вернуться назад и снова загадать желание, оно было бы совершенно другим.

— Почему?

— Потому что в тот момент я была очень наивна и жила в придуманном мире, — я сделала еще глоток шампанского и положила в рот кусочек шоколадки.

— А что ты загадала? Если не секрет.

— Секрет.

Я не хотела говорить о том, что я попросила еще хотя бы раз увидеть Пашу. Тогда мне казалось, что если вновь увижу его и пойму причину его исчезновения, то возможно, смогу все исправить. Ну или хотя бы мне станет легче. Но как же все-таки жизнь далека от того, о чем мы мечтаем. Моё желание, действительно, сбылось — я встретила Пашу. Мы смогли поговорить, он мне все объяснил, но легче от этого мне не стало. Наоборот, после нашей встречи мне стало еще больней.

— Знаешь, это не очень честно с твоей стороны, — сказала я, после паузы. В моей голове начинало шуметь выпитое шампанское.

— Что именно?

— Мы все обо мне разговариваем, а я про тебя ничего не знаю, — я чуть наклонилась вперед, чтобы заглянуть ему в глаза.

— А что ты хочешь знать обо мне? — взгляд и голос Жени были серьезными.

— Ну не знаю, — пожалала я плечами, ступшевавшись под его взглядом. Нельзя вот так на меня смотреть. Я начинала терять ощущение реальности и погружалась в вымышленный мир, где можно встретить счастье. — Например, у тебя в жизни многое сбылось из того, о чем ты мечтал в детстве? — спросила первое, что пришло мне на ум.

Женя поставил пустой стаканчик на ступеньку, поднялся и подошел к самому краю набережной. Я тоже встала и последовала за ним.

— Я лет с тринадцати перестал мечтать и питать какие-либо иллюзии относительно жизни. Папа тогда ушел из семьи, а мама привела отчима, который не особо меня любил, — Женя смотрел на противоположный берег, чуть прищурившись. Вероятно, в тот момент он мыслям перенесся в прошлое. — А потом у меня родилась сестра и я почувствовал, что я им мешаю. Маме и отчиму. Вот тогда я с головой погрузился в реальность. Меня закрутили компании, пацаны, девчонки, алкоголь, курение. Хорошо еще, что до наркотиков не дотянулся, — ухмыльнулся он и повернулся ко мне. — А где алкоголь и девочки, там должны быть деньги. Пришлось на работу устроиться. Подсобным рабочим на овощном складе подрабатывал. Про школу почти забыл.

— А как же родители? — спросила я.

— Мама с отцом пытались меня как-то вразумить, но в конце концов махнули на меня рукой. У каждого из них была новая семья. Так я и катился по наклонной, пока однажды на дискотеке не встретил девчонку. — Женя сделала паузу и посмотрел на меня. — Я её как увидел, сразу голову потерял. Так она мне понравилась. Я набрался храбрости, подошел и познакомился с ней. Потом мы встречаться начали. А однажды она пригласила меня в гости. И я понял, что между нами бездна. У нее техника импортная, шмотки модные, мама выглядела как модель, папа на иномарке ездит. Посмотрел я на это все и моё сознание перевернулось с ног на голову. Я тогда загадал, что у моих детей будет детство, и они никогда ни в чем не будут нуждаться. И что добьюсь в жизни всего, чтобы никто не мог на меня смотреть свысока.

— А эта девушка на тебя смотрела свысока?

— Нет. Она была очень простая, несмотря на то, что была из очень обеспеченной семьи. Только я не мог находиться рядом с ней. Меня эта разница угнетала. И в конце концов, я сказал ей, что нам не нужно больше встречаться.

— Ты совсем не мог по-другому?

— Не мог, — Женя запрокинул голову и долго смотрел в небо.

— А ты... любил её?

— Да, и она меня, — Женя перевёл взгляд на Неву.

А я зависла, разглядывая его профиль и думая о том, что совершенно не знаю этого мужчину. Он казался мне мягким и жизнерадостным, несмотря на профессию. А на самом деле — он решительный и жесткий. Чтобы принимать такие решения, какие он принимал в школьные годы, нужно иметь волю и характер. И нужно иметь характер, чтобы вот так, одним махом, поставить точку в отношениях с любимым человеком.

— А что было потом? — спросила я после паузы.

— Я взялся за ум, начал учиться и смог за год исправить косяки, которые наделал в предыдущие годы. Закончил Университет и с головой погрузился в работу.

— И у тебя, наконец, сбылось то, что ты загадал?

Женя отрицательно помотал головой.

— Отчасти, — выдохнул он и посмотрел на меня.

— А ты ... изменил бы свое желание, если бы у тебя была возможность вернуться назад?

— Да, — не задумываясь ответил он, глядя мне прямо в глаза. — Я бы загадал найти ту самую женщину, с которой можно построить семью и завести детей. А все остальное — ерунда. Теперь я это знаю, как никто.

Женя продолжал так же пристально смотреть на меня. От этого взгляда и сделанного

признания мне стало не по себе. Если бы мы были героями какого-нибудь фильма, то между нами в тот момент должен был случиться поцелуй. Мне даже показалось, что Женя сделал движение в мою сторону. Но поцелуя не случилось, потому что я испугалась и поспешно отвернулась.

Вся эта ситуация обнажила мои нервы и чувства, и я не на шутку разволновалась. Чтобы унять волнение, я подняла небольшой камень, лежавший у моих ног, и бросила его в воду. Спустя мгновение раздался всплеск и снова наступила тишина. Я смотрела на исчезающие круги, которые оставил на воде брошенный камень.

Мы стояли в шаге друг от друга, глядя на Неву. Вряд ли кто-то из нас понимал, что происходило между нами. Очень странный день и вечер для свидания. С надрывом и грустью. Неужели я никогда не узнаю, что такое простое женское счастье — без грусти, слез и сожалений?

Мимо, по Неве, снова проплыл катер с веселой компанией — уже в обратном направлении. Музыка, которая доносилась с палубы, помогла мне взять себя в руки и вернуться в реальность. А реальность была такова, что мне необходимо остаться одной и поразмыслить.

— Уже поздно. Поедем домой? — сказала я, не глядя на Женю. Кому-то нужно было закончить этот вечер «вопросов и ответов».

— Поедем, — согласился он. — Я вызову такси.

Пока Женя заказывал машину в приложении, я пошла искать урну, чтобы выкинуть пустую бутылку и стаканчики. Мне было не легко находиться рядом с ним. После его признания в моей душе что-то поменялось. Я почувствовала, что он очень одинок. И в этом мы были очень похожи. Да, у меня были дети, которые наполняли мою жизнь эмоциями и событиями. Но, несмотря на это, была еще та часть меня, которая была одинока. И заполнить это одиночество я не могла на протяжении многих лет. Хотя, нужно честно признаться себе — я не прилагала усилий для того, чтобы изменить свою жизнь. Я не хотела и не умела это делать. Меня устраивало моё одиночество, я с ним смирилась. Лишь иногда, на мгновения, в моей душе возникало желание обрести женское счастье. Но оно быстро угасало. Появление в моей жизни Жени грозило нарушить мой привычный образ жизни, в котором были только я и мои дети. А вот хочу ли я этого или нет, я пока не знала. А ещё, я боялась дать Жене ложную надежду, как случилось у нас с Алексеем. Вдруг он поверит мне, а его одиночество все равно никуда не денется?

— Я тебе машину заказал, — Женя подошел ко мне.

— А себе?

— Посажу тебя в такси и закажу.

— Спасибо, — я была искренне благодарна ему за то, что он догадался не провожать меня до дома. Скорее всего, он так же, как и я, хотел побыть со своими мыслями наедине. — Ты мне позвонишь, как будешь в Москве?

— Обязательно.

— Я буду ждать.

— Твоя машина, — Женя кивнул в сторону подъехавшего такси.

Я медленно направилась к автомобилю, Женя шел рядом. Мне было грустно от того, что этот вечер, перешедший в ночь, заканчивался. Несмотря ни на что я была рада ему.

— Спасибо за прекрасный вечер, — я открыла дверь такси и поцеловала Женю в щеку.

— И тебе, — он чуть заметно улыбнулся.

Мы попрощались и такси увозило меня от мужчины, о котором я все чаще думала в последнее время. Увезило в неизвестность. Туда, где была прежняя Я и где могла появиться Я новая.

Женя позвонил на следующий день, когда вернулся в Москву. Мы обменялись дежурными фразами из серии «как погода» и «спасибо за прекрасный вечер», попрощались и я первой сбросила вызов.

Рука с телефоном опустилась на колени, а я снова и снова возвращалась к нашему глупому телефонному разговору. Еще вчера мы были в одном шаге от поцелуя, а сегодня общались как дальние знакомые. Я почувствовала пустоту, мне захотелось, чтобы Женя снова позвонил, и я смогла услышать его голос. Мне было страшно подумать, что наши отношения, которые еще толком не успели начаться, могли закончиться вот так, по телефону. Если вчера у меня были сомнения, то сегодня я знала точно, что хочу продолжения отношений с Женей.

Телефон, все еще лежавший в моей руке, завибрировал. Я открыла сообщение. Оно было от Жени: «Юля, прости. Не мог разговаривать. Вечером наберу».

«Хорошо», — отправила я в ответ и разревелась, как малолетняя дурочка. Но в этот раз я плакала от того, что мои страхи не подтвердились и мужчина, который мне не безразличен, не оттолкнул меня.

После нашего довольно странного свидания и возвращения Жени в Москву, мы стали созваниваться каждый день. И чем дальше, тем наши разговоры становились более тёплыми, искренними и местами откровенными. Я не могла уснуть, если не поговорила с ним. Сначала Женя стеснялся звонить мне поздно вечером, боясь потревожить мой покой. Но я дала ему понять, что с нетерпением жду его звонки, независимо от времени суток. После этого наши разговоры частенько стали переходить в ночные беседы. Иногда, конечно, когда обстоятельства были выше нас, мы довольствовались обменом сообщениями. Но это случалось крайне редко.

Наше общение не проходило бесследно для меня и моего израненного сердца. Я стала более мягкой, на моем лице стала чаще появляться улыбка. Слезы настигали меня крайне редко, в основном тогда, когда я резала лук. Я снова с удовольствием ходила по магазинам, выбирая новое платье или обувь. За моей спиной словно крылья начинали расправляться.

Дети сначала смотрели на меня с удивлением, но однажды задали вопрос о том, что происходит. Я не знала, стоит ли рассказывать им о Жене, ведь его статус по отношению ко мне все еще был неопределенным. Однако, поразмыслив немного, я набралась смелости и рассказала Матвею и Тимофею о своем новом знакомом. Ребята восприняли моё признание совершенно спокойно. Только добавили, что хотели бы и сами познакомиться с Женей из Москвы. Я пообещала, что обязательно их познакомлю, тем более что Женя обещал приехать в ближайшие дни в новую командировку.

Их знакомство произошло быстрее чем я думал и совсем не так, как я это планировала. Мы как раз собирались ужинать, когда в коридоре раздался звонок.

— Кто это на ночь глядя? — я вопросительно посмотрела на детей и пошла открывать входную дверь, в которую кто-то, не переставая, настойчиво звонил.

Тима и Матвей остались на кухне, но и в их глазах читалось любопытство,

— Ты?! — вырвался у меня крик удивления, когда я открыла дверь.

На пороге стоял Женя и мило улыбался. Его рука при этом, продолжала непрерывно давить на кнопку звонка.

— Я уже открыла дверь, хватит звонить, — сказала я, пристально глядя на мужчину.

Он был сам на себя не похож, и я пыталась понять причину.

— Привет! — выдохнул он и я уловила запах алкоголя.

Я не любила мужчин, которые пили без повода, поэтому напряглась, когда поняла, что Женя выпил. Но тут же отругала себя — ведь у него мог быть повод, о котором я не знала. И прежде, чем накидываться с упреками, нужно выяснить причину.

— Можно войти?

Вместо ответа я обернулась и увидела мальчишек, которые выглядывали из-за угла кухни и с интересом наблюдали за происходящем.

— Проходи, — я и сделала шаг в сторону, чтобы Женя смог зайти в квартиру. И даже умудрилась нахмуриться, чем только вызвала его улыбку.

— Добрый вечер, — поздоровался Женя с ребятами, когда заметил, что за ним наблюдают две пары глаз.

— Добрый, — ответили Матвей с Тимой в один голос.

— Так, ну-ка идите стол накрывайте. Мы вроде ужинать собирались, — шикнула я на

сыновей и они мгновенно скрылись на кухне.

— Я не помешаю? — спросил Женя, когда снял куртку.

— Странный вопрос от человека, который пришел без приглашения и уже даже разделся, — я забрала у него куртку, чтобы убрать на вешалку.

— Юль, — Женя смотрел на меня взглядом Кота из Шрека.

— Иди, руки мой, — я смогла только улыбнуться. Все негодование испарилось в один момент.

Пока Женя был в ванной, мы с ребятами отодвинули от стены стол, чтобы было удобнее сидеть вчетвером. Тима и Матвей поставили тарелки, положили столовые приборы, нарезали хлеб и сели за стол, в ожидании незваного гостя.

Я как раз дорезала салат, когда Женя вошел на кухню. Он немного замешкался в проходе, потом протянул руку Тимофею и представился:

— Евгений. Можно просто Женя.

— Тимофей. Можно просто Тима, — привстал сын и пожал протянутую руку.

Та же процедура повторилась с Матвеем:

— Матвей. Просто Матвей, — представился он.

Я улыбнулась — мой старший сын любил пошутить. Женя кивнул и присел на свободный стул. Я разложила картошку и мясо по тарелкам и тоже присела за стол.

— Приятного аппетита, — пожелал нам Тима.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Мы ели молча, ребята с любопытством поглядывали на Женю. А я смотрела в свою тарелку и не поднимала взгляд. Чувствовала себя немного скованной — я все еще боялась реакции сыновей и того, что моя стряпня может не понравиться гостю.

— Очень вкусно, — сказал Женя и положил себе добавку салата.

Я заставила себя посмотреть на него, чтобы понять, насколько искренним он был в оценке приготовленного мной.

— Да, мама очень вкусно готовит, — сказал Матвей, закидывая очередной кусок мяса в рот.

— Вам повезло.

— Угу, — согласился довольный Тима.

Я была благодарна детям за их похвалу, однако, нужно было прекращать этот обмен комплиментами в мой адрес, поэтому я встала, чтобы заварить чайник. На время я выпала из зоны всеобщего внимания, и у ребят с Женей завязался диалог. Когда они узнали, что он следователь, то начали засыпать его вопросами в два голоса.

Терпения Жене было, конечно, не занимать — он спокойно рассказывал о том, что интересовало мальчишек. Но все я решила закончить этот опрос и намекнула детям, что пора ложиться спать. Тем более что часы уже показывали час ночи. Мальчишки побубнили для вида — знали, что на меня такие вещи не действуют — попрощались и ушли к себе.

Я убрала тарелки, налила нам с Женей чай, поставила на стол корзинку с печеньем и села напротив него.

— У тебя сегодня какое-то событие? — задала я вопрос, который волновал меня с того самого момента, когда я открыла дверь.

— Ты про алкоголь?

Я кивнула.

— У коллеги сын родился, обмыли ножки.

— Это здорово. Дети — большое счастье.

— Тебе видней, — Женя взял печенье из корзины, но вместо того, чтобы откусить, принялся крутить его в руке.

Мне показалось, что на мгновение на его лице промелькнула грусть. Опять я забылась и наговорила лишнего. Когда же я научусь молчать?

— Ты понравился мальчишкам. Надеюсь, что они тебя не утомили? — я решила сменить тему.

— Ни капли. Они мне тоже понравились. Но Матвей, конечно, у тебя хитрюга.

— Почему? — я знала, что сын не такой простой, как кажется на первый взгляд. Но то, что Женя смог так быстро его разгадать, удивило меня.

— Приглядывался ко мне сначала. В любой момент готов был кинуться на твою защиту.

— Разве меня нужно защищать? — удивилась я.

Женя пристально смотрел на меня, но отвечать не спешил. Его серые глаза словно в душу мне заглядывали — настолько внимательным был его взгляд. Я взяла чашку и сделала глоток горячего напитка, чтобы не выдать своего волнения.

— От меня тебя точно защищать не нужно, — сказал он наконец. — И Матвей это понял. Но если понадобится защищать от кого-то другого, я ему в этом помогу.

— Тогда я спокойна, если рядом со мной такие защитники, — я решила перевести все в шутку, так как почувствовала, что начинаю краснеть.

Мы еще долго сидели на кухне и разговаривали. В основном, разговор касался Тимофея и Матвея. Вероятно, они действительно понравились Жене, раз он интересовался ими. А узнав, что они обожают хоккей, он вообще загорелся идеей сходить с ними на какой-нибудь матч.

Когда я в очередной раз посмотрела на часы, они показывали уже три часа ночи. Женя, хоть и делал вид, что совершенно не хочет спать, однако все равно выглядел уставшим.

— Я постелю тебе в гостиной, — сказала я, потому что твердо решила не отпускать Женю ночью одного в таком виде.

— Не нужно, я доберусь, — начал он сопротивляться.

— Это не обсуждается, — спокойно сказала я. — И, кстати, у тебя будет прекрасная возможность пообщаться с моими детьми утром и ответить на уйму новых вопросов, — я поднялась из-за стола и улыбнулась.

— Ну спасибо, — Женя тоже встал. — Я помогу.

— Если хочешь.

Мы быстро справились со спальным местом. Я принесла чистое полотенце на случай, если Женя захочет принять душ или умыться и вышла из комнаты, пожелав спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Юля, — услышала я из-за закрывающейся двери.

«Спасибо», — поблагодарила я про себя и зашла к себе в спальню. Несмотря на все пожелания, ночь оказалась не спокойной. Вернее, она была бессонной. Я лежала в кровати и никак не могла уснуть. Ворочалась с боку на бок, думая о мужчине, который находился за стенкой, в соседней комнате. Я почему-то представляла, что он тоже не спит. И от этого было еще сложнее бороться с бессонницей.

Сегодня, пока я готовила чай и слушала разговор Жени с ребятами, я осознала, как Тимофею и Матвею не хватает отца. К сожалению, в моем близком окружении не было мужчины, который мог бы найти с ними общий язык, после смерти Алексея. Ведь он был для мальчишек авторитетом, любил их безгранично. Они проводили очень много времени

вместе — ходили на рыбалку, смотрели хоккей, плавали в бассейне. Иногда я даже немного ревновала.

Но после смерти Алексея никто не смог даже на маленький шаг приблизиться к детям. Они сразу становились ёжиками и выпускали иголки. Даже Лешин брат был для них чужим человеком. Они редко находили общие темы для разговоров.

Удивительно, как Жене удалось практически сразу расположить к себе Тиму и Матвею? Хотя, чему удивляться — я и сама мгновенно попала под его обаяние, когда первый раз увидела его в поезде. Наверное, действительно, все дело в самом Жене. В его открытости. А может дело в том, что ребята почувствовали, как я отношусь к этому мужчине и что он был мне не безразличен. Поэтому допустили его к себе.

Да какая разница в чем причина. Главное, что они не оттолкнули Женю. И сегодняшний вечер навеял на меня теплые воспоминания о том, как мы когда-то сидели все вместе на кухне, болтали и делились событиями, произошедшими за день. Я, Леша, Тимофей и Матвей. К горлу подступил ком. Несмотря на всю сложность нашего брака с Алексеем, у нас были светлые моменты, когда мы были почти счастливы.

Я не знаю, когда мои мальчишки и Женя успели сговориться, но меня поставили перед фактом, что мы все вместе идем на хоккей.

В назначенный день ребята с самого утра были на подъеме в предвкушение предстоящего матча. Особенно с учетом того, что они с Женей болели за разные команды. И именно эти команды сегодня играли. От этого адреналин в крови мальчишек бурлил еще сильнее. Я же решила, что буду соблюдать нейтралитет и не буду занимать чью-либо сторону. Тем более, что вообще-то я была далеко от хоккея.

Женя заехал за нами около четырех часов вечера.

— Всем привет! — поздоровался он, зайдя в квартиру.

— Здравствуй, — я была рада его видеть. — У нас еще есть немного времени, так что раздевайся и проходи.

— Здравствуйте, Женя, — из комнаты высунулся Матвей, поверх толстовки у него был надет фирменный шарф СКА.

— Ого, я смотрю, кто-то серьезно подготовился, — Женя посмотрел на меня с улыбкой. В ответ я только пожала плечами.

Чтобы скоротать время, мы пошли на кухню, куда тут же пришли Тима с Матвеем и оживлено стали обсуждать предстоящий матч. Пока шел спор, я напоила всех чаем и накормила бутербродами — у мальчишек всегда был хороший аппетит и бутерброды были как раз к месту.

К Ледовому Дворцу мы приехали за час до начала матча, поэтому мы смогли спокойно, без спешки пройти досмотр и занять свои места. Мы сидели в шестом ряду прямо посередине между ворот. Сначала я расположилась между Женей и мальчишками, но спустя время, поняла, что покоя мне не будет из-за их постоянных переговоров, поэтому поменялась с Женей местами.

На хоккее, до этого я была, наверное, пару раз. И никогда не испытывала тех эмоций, которыми меня заразили Женя, Матвей и Тимофей. Из-за того, что они болели за разные команды, вокруг меня постоянно был шквал криков, свистов, возгласов радости и разочарования. Я же, как и планировала, сохраняла свой нейтралитет и одинаково реагировала на удачи и неудачи обеих команд.

Игра завершилась победой СКА. Как же радовались Тимофей и Матвей! Будто они собственноручно обыграли Женю и забили ему финальную шайбу. Когда прозвучал финальный свисток и первые эмоции схлынули, мои болельщики пожали друг другу руки, поставив точку в их противостоянии.

После матча Женя пригласил нас отметить победу СКА в пиццерии. Если у меня и могли возникнуть сомнения относительно приглашения, то у моих детей их не было. Они с огромным воодушевлением согласились на предложение, тем самым продлили наш прекрасный вечер еще на несколько часов.

Мы сидели в небольшой пиццерии недалеко от нашего дома. Место очень популярнее в нашем микрорайоне. Здесь всегда было многолюдно, а в выходные вообще было лучше бронировать столик заранее. Интерьер заведения был выдержан в классическом стиле для таких мест — красно-белые скатерти, открытая печь, изразцы на стенах.

Мы заказали две большие пиццы, бутылку вина для нас с Женей и лимонад для ребят.

Пока ждали, когда наш заказ будет готов, мальчишки снова вступили в бурное обсуждение прошедшей игры. Они вместе с Женей разбирали самые интересные, с их точки зрения, моменты. Я в разговоре участия не принимала, а просто сидела и смотрела по сторонам.

Свободных столиков и в этот раз практически не было. Среди посетителей большую часть составляли семьи с детьми. Все-таки практически все дети любят пиццу, а здесь её готовили великолепно. Недалеко от нас, у окна, за столиком на двоих, сидела пара — молодой человек и девушка. У них явно было свидание. В вазе, которую им принесли официанты, стоял очень красивый букет роз. В бокалах было налито красное вино, а на столе мерцала зажженная свеча. Молодой человек держал девушку за руку и что-то рассказывал ей, а она внимательно слушала его. Их лица светились счастьем.

От молодой пары меня заставил оторваться звонкий детский смех, раздавшийся за соседним столом. Малыш, лет трех, сидел на руках у папы и задорно хохотал. Многие посетители так же, как и я, смотрели на него и их лица непроизвольно расплывались в улыбке.

«Всюду жизнь», — подумалось мне.

Наконец, нам принесли горячую дымящуюся пиццу.

— Приятного аппетита, — пожелала я и на какое-то время за нашим столом наступила тишина.

Мы все с большим аппетитом приступили к трапезе. Когда первый голод был утолен, Женя поднял бокал и предложил тост за дружбу и спорт. Мальчишки взяли свои стаканы с лимонадом и, звонко чокнувшись, выпили. Потом снова приступили к пицце.

Я пила вино и переводила взгляд с Жени, на сыновей. И поймала себя на мысли, что мы легко можем сойти за самую обычную семью. От этого стало тепло, но и очень горько, одновременно.

Я снова посмотрела на Женю. Как же он все-таки отличался от всех мужчин, которые были в моей жизни. С ним легко и спокойно. От него веет уверенностью и теплом. Всего за один вечер он смог понять моих детей, с которыми не каждый родственник мог найти общий язык.

«Неужели ни одна женщина не почувствовала этого? — возник вопрос в моей голове. — Нет, такого просто не может быть, — тут же ответила я на свой же вопрос».

Тимофей и Матвей ушли в туалет и на время оставили нас с Женей наедине.

— Жень, — позвала я его.

— М?

— Спасибо тебе за этот вечер, — я протянула свой бокал. — Мне давно не было так хорошо. И спасибо большое за мальчишек, — добавила я. — Ты им очень нравишься.

— Это тебе спасибо.

Я вопросительно приподняла бровь.

— За то, что позволила провести этот вечер с вами.

— Надеюсь, что мы тебя не напугали и проведем вместе еще ни один вечер, — я озвучила то, что чувствовала в тот момент.

Женя легко коснулся своим бокалом моего, после чего я сделала глоток вина, не отрывая взгляд от своего спутника.

Женя проводил нас до дома. Тима и Матвей первыми попрощались и убежали в подъезд.

— Ещё раз спасибо за отличный вечер, — мне совершенно не хотелось расставаться. Но

приглашать Женю к себе я не решилась.

— И тебе, — он взял меня за руку. — Я еще несколько дней буду в Питере. Можем увидеться. Если захочешь.

— С удовольствием, — сердце ускорило бег.

— Я позвоню?

— Да.

— Ну все, пока. — он наклонился и легким касанием губ поцеловал меня в щеку.

— До встречи, — попрощалась я и вошла в подъезд.

Но подниматься в квартиру я не спешила — нужно было успокоить взволнованное сердце. Тот вечер был для меня глотком воздуха. Словно меня, наконец-то, выпустили из запертого помещения, из которого долгое время медленно откачивали кислород. А Женин невинный поцелуй в щеку был для меня словно разряд тока для умирающего.

«Наверное, я рано ставила на себе крест, и моя жизнь не закончена? Она ещё может быть полна событий и простых радостей», — твердила я про себя, пока поднималась по лестнице на нужный этаж.

В этот Женин приезд мы виделись еще два раза. Один раз он встретил меня после работы, и мы зашли поужинать в небольшой ресторанчик. А второй раз мы поехали гулять в парк в Пушкине, где бродили до позднего вечера.

После отъезда Жени в Москву мы снова каждый день общались по телефону. Иногда и не по одному разу. И это не считая сообщений, которыми мы регулярно обменивались.

Как-то незаметно Женя вошел в мою жизнь. И не только в мою, но и в жизнь моих сыновей. Оказывается, они обменивались телефонами и создали общий чат, где обсуждали хоккей. Когда я узнала об этом от Тимы, я написала Жене сообщение: «Извини, я не знала, что они тебе пишут. Если что, я могу их попросить не доставать тебя». Ответ прилетел мгновенно: «Даже не думай! Это наши мужские дела». А в конце сообщения еще и улыбающегося коlobка прикрепил. Когда я прочитала фразу про «их мужские дела», на душе стало невероятно тепло.

Я с нетерпением ждала звонков и сообщений от Жени. Мой пульс учащался, когда я слышала «Привет» или «Здравствуй», произнесенные мягким и уже очень родным голосом. Сама я, правда, никогда не звонила первой, оставляла инициативу Жене. Но сообщения писать не стеснялась.

Новая командировка в Санкт-Петербург у Евгения выдалась через три недели после последней. В этот раз он приехал на целых десять дней. Мы виделись почти каждый день. Если он задерживался допоздна в отделе, тогда он заезжал к нам. Я кормила его ужином, а мальчишки делились впечатлениями, накопившимся за день. Если Женя заканчивал не поздно, он заезжал за мной на работу, и мы просто гуляли или заходили куда-нибудь перекусить.

Один раз нам удалось провести целый день вдвоём. Женя взял служебную машину — благо была суббота — и мы поехали в Выборг. Погода в тот день была на нашей стороне. Ярко светило солнце, небо было голубым, без единого облачка. Мы бродили по городу, поднялись на смотровую, погуляли по парку Монрепо, пообедали в таверне. В общем, вели себя как настоящая пара. Хотя разговоров о наших отношениях ни с его стороны, ни с моей так не было. Видимо, каждый из нас держал все в себе.

Мне было очень хорошо рядом с Женей, я даже была счастлива. Но насколько мне было спокойно рядом с ним, настолько же меня волновала недосказанность в наших отношениях. И она заключалась не только в том, что мы никогда не говорили о НАС. Мы даже встречались и прощались каждый раз, целуясь в щеку.

Дело было в том, что я не могла разобраться в себе. Внутри меня сидел обиженный испуганный ёжик, который разучился доверять мужчинам. Когда Женя был рядом, я забывала обо всем. Меня покорила его мягкий и открытый характер. Я радовалась тому, что как легко он общался с Тимофеем и Матвеем.

Но как только я оставалась одна, я сразу же пробовала заглянуть в будущее и с осторожностью представить, что наши отношения перешли на новую стадию, где мы стали официальной парой. Вот тут-то на меня и напал страх — страх того, что мои надежды на счастье рядом с любимым мужчиной снова рухнут. Как это было с Пашей, когда он исчез из моей жизни, не сказав ни слова. Так же было и с Лешей — когда я вышла за него замуж в надежде, что мы сможем подарить друг другу счастье и любовь. Но наши надежды не оправдались. Поэтому, я терзала себя сомнениями и догадками относительно того, что мы с Женей значим друг для друга и сможем ли дать друг другу то, чего мы ждем.

Когда до отъезда Жени в Москву оставалось два дня, мы пошли в кино. Какая-то

незамысловатая комедия, на которую мы взяли билеты, подняла настроение и на время освободила голову от мыслей. На экране шли финальные титры, когда в кармане у Жени завибрировал телефон.

— Извини, я отвечу, — сказал он мне и снял трубку.

Не знаю, что говорил собеседник, но Женя отвечал только «да» и «так точно». В какой-то момент я услышала, что его голос стал стальным, отчего мне стало не по себе.

Закончив разговор, Женя взял меня за руку и повел к выходу. Я послушно шла за ним, искоса поглядывая на него. Он был напряжен и, казалось, погружен в размышления. Когда мы дошли до парковки, прежде чем открыть дверь машины, Женя остановился и, повернувшись ко мне сказал:

— Юль, мне нужно срочно выехать в Москву. Прости, я только что об этом узнал, — мне показалось, что взгляд его был растерянным. — Я провожу тебя и поеду.

— Все в порядке? Ты не похож на себя, — я смотрела ему в глаза.

— Все хорошо. Просто такая работа, — он вздохнул и открыл мне дверь машины.

Всю дорогу до моего дома Женя был непривычно задумчив, и я тоже не решалась начать разговор. Мы попрощались у подъезда привычным поцелуем в щеку. Женя сказал, что позвонит, а я пожелала ему хорошей дороги. На этом мы и расстались.

В квартире, сразу у порога, мальчишки закидали меня новостями так, что на время я выбросила из головы такой скорый отъезд Жени в Москву.

Однако, оставшись снова одна, я все же почувствовала укол ревности. Первый укол ревности к нему. Хоть он мне ничего и никогда не обещал.

Я лежала в кровати и читала книгу, когда на тумбочке зазвонил телефон.

— Алё, — ответила я.

— Не разбудил? — это звонил Женя.

— Нет.

— Юль, я заеду на пять минут. Мне нужно кое-что тебе сказать. Спустишься, когда позвоню?

— Ты разве ещё не уехал? — я посмотрела на часы, соображая, который час и почему Женя еще в городе.

— Нет, жду машину и выезжаем.

— Может ты поднимешься? Ребята уже спят все равно, — предложила я.

— Нет, у меня мало времени. Так что лучше на улице поговорим. Я наберу, как буду подъезжать.

— Хорошо, я спущусь.

Женя сбросил вызов, а я зависала с телефоном в руках. Что случилось и что он хочет мне сказать? Почему решил заехать, если срочно был вызван в Москву? Один вопрос сменялся другим. Я поднялась с кровати и подошла к шкафу, чтобы переодеться. Предчувствие чего-то недоброго стояло тенью за моей спиной. Я надела джинсы, бадлон, накинула куртку и спустилась вниз, не дожидаясь звонка Жени.

Я вышла на улицу и поежилась от холодного и сырого воздуха. От волнения или от холода, меня стала бить мелкая дрожь. Чтобы хоть как-то унять её, я засунула руки в карманы и принялась ходить из стороны в сторону.

У соседнего подъезда на лавочке сидела компания молодых людей. Они пили пиво и что-то громко обсуждали. В другое время я бы, наверняка, напряглась и вернулась в подъезд, чтобы не попасть в поле зрения подвыпившей компании. Но тогда мне было все равно. Меня

волновал только Женя и предстоящий разговор.

Наконец, из-за угла дома выехал автомобиль, осветив фарами тротуар. Машина остановилась у моего подъезда.

— Замерзла? — Женя вышел из машины, подошел ко мне и приобнял за плечи.

— Что случилось? — я отстранилась и с волнением посмотрела на него.

— Юль, — он сделал паузу.

— Женя, что? Не молчи! — мне было все сложнее контролировать эмоции. Я на подсознательном уровне чувствовала, что что-то случилось.

— Я уезжаю в командировку. Не знаю на какой срок...

— В командировку? — я выдохнула, так как слово «командировка» не ассоциировалась у меня с какими-либо трагическими последствиями. — Но ты же говорил, что едешь обратно в Москву? — вспомнила я наш недавний разговор.

— Я не могу тебе всего сказать. Да, мы сначала в Москву, а потом сразу вылетаем туда, куда нам дали предписание. — Женя снова сделал паузу. — Там не будет связи, — он говорил медленно, выделяя каждое слово. — И когда вернусь, я не знаю. Я не мог сказать все это тебе раньше, так как официальный приказ получил всего лишь час назад. Ты понимаешь меня, Юля?

Женя замолчал, а я не шевелилась — словно приросла к месту. В голове вихрем заносились мысли, я пыталась осознать услышанное, но никак не могла сложить все в одну картину. Только когда я снова посмотрела ему в глаза, я стала догадываться, куда ему могли дать предписание и почему там не будет связи.

— Юль, — тихо позвал Женя, вырвав меня из размышлений.

— Это опасно? — единственное, что я хотела знать. Мне было все равно, как долго продлится командировка — месяц, полгода или год. Мне было важно, чтобы с ним ничего не случилось. В тот момент я ясно осознала, что не смогу потерять этого мужчину. Я осознала, что он не просто хороший знакомый или друг. Он стал для меня родным и близким человеком.

Вместо ответа Женя подошел ко мне и крепко обнял. И все установки, зарок и прочая ерунда о том, что мне не нужна любовь, что я сильная и самостоятельная женщина, рухнули и разбились вдребезги.

— А ты можешь отказаться? — посмотрела я на него с надеждой, хотя понимала, что мой вопрос скорее риторический.

Женя помотал головой:

— Нет, я принял решение и меня ждут. Юль, это ненадолго. Всего три месяца, может чуть больше, и я вернусь.

Я сильнее прижалась к нему. Мы стояли, обнявшись, погруженные каждый в свои мысли. Я ругала себя за то, что столько времени потеряла и не видела, что моя судьба — совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Я была в одном шаге от счастья, но не сделала его. Вместо этого мучила и себя, и Женю, изображая неприступную крепость. Дура, какая же я была дура.

— Все будет хорошо — пробубнила я, успокаивая в первую очередь себя. — Я буду тебя ждать.

Женя отстранился, и я сразу же почувствовала холод.

— Мне нужно идти. Я напишу, как будет возможность.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. В горле стоял ком, в глазах застыли слезы.

— Эй, не плачь, — он заглянул мне в глаза.

— Хорошо, — дрожащим голосом сказала я, — не буду.

Женя наклонился и поцеловал меня, разом разрушив все сомнения относительно того, кто мы друг другу. Потом развернулся и быстрым шагом пошел к машине. А я стояла и не могла сдвинуться с места. Чем дальше он уходил, тем сильнее щемило сердце. Прежде чем сесть в машину, он обернулся.

Автомобиль медленно поехал вдоль моего дома и вскоре скрылся из вида, а я, постояв еще немного в оцепенении, поплелась домой. В квартире я упала на кровать, не раздеваясь. Моя жизнь снова замерла. Замерла в ожидании. Но, в отличие от того, что было много лет назад, теперь я наверняка знала, чего я жду и кого я жду. Я открыла в телефоне календарь и отметила сегодняшний день. День, когда я обрела новую любовь. День, с которого началась новая, возрожденная я. День, когда родились МЫ.

Я закрыла глаза и свернулась клубком, поджав колени. В голове эхом зазвучали стихи:

«... Я за тебя молиться стану,
Чтоб не забыл пути земного,
Я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим...
... С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них, -
И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг!»

Из глаз лились слезы, которые я даже не утирала. Подушка намочла, а я лежала и редела. Мне нужно было выплакаться сейчас, пока Женя не уехал туда, откуда редко доходят новости. А потом я больше не буду плакать, я буду ждать. Буду зачеркивать дни на календаре, перелистывать страницы, но дождусь. И ни одна слеза не выкатится из моих глаз до тех пор, пока он не вернется. А когда он вернется, я умою его своими слезами — слезами счастья.

Утром Женя прислал сообщение, что все хорошо, и он благополучно добрался до дома. А вечером позвонил попрощаться. Это был короткий разговор, в котором не было никакой лирики — ни признаний, ни слез. Он обещал писать или звонить, если будет возможность. Я обещала его ждать.

Женя уехал, и моя жизнь превратилась в ожидание его возвращения. Я ходила на работу, занималась домом, встречалась с друзьями — все на автомате. Каждый вечер в моем телефоне зачеркивался новый день, прожитый в ожидании моего мужчины. Я следила за всеми новостями по телевизору и всматривалась в глаза ребят, у которых репортеры брали интервью и чьи лица были скрыты за масками.

Примерно через месяц после его отъезда, мне позвонил его сослуживец, который приехал в отпуск. Когда я услышала от него фразу «я звоню по поводу Евгения Тихомирова», у меня подкосились ноги. Но слава Богу, с Женей все было хорошо. Он просто попросил передать мне, что он жив и здоров, так как возможности самому выйти на связь у него не было.

Были еще короткие сообщения, на которые я даже не могла ответить — так просил Женя. Но и эти крупинки информации были для меня глотком воздуха, дающим силы для того, чтобы не отчаиваться и верить в хорошее.

Утром в мою комнату влетел Тимофей и закричал:

— Мам, уже девять часов! Мы проспали!

Я резко присела на кровати, но сообразить сразу, что происходит, не смогла.

— Нам через полтора часа нужно на кладбище быть. Вставай, я чайник уже поставил, — он кивнул головой в сторону кухни и вышел из комнаты.

А я плюхнулась обратно на подушку. Мне совершенно не хотелось никуда идти в свой первый выходной. А тем более ехать на кладбище.

Сегодня был день рождения свекра и по многолетней традиции в этот день вся семья собиралась на очередные «поминки». Иногда мне казалось, что я провожу на кладбище больше времени, чем где-либо еще. Настолько много поводов находилось у свекрови для его посещения.

Поминки на кладбище, по традиции перетекли в поминки дома у свекрови. Как бы я не отрещивалась, но мне пришлось ехать со всеми.

Когда основная трапеза закончилась, я убрала со стола, вымыла посуду и разлила чай по чашкам. В этот момент Тимофей решил поделиться со всеми сидящими за столом впечатлениями о последнем походе на хоккейный матч. Мы с Матвеем переглянулись — во взгляде сына читалось напряжение, которое я тоже ощущала.

— Ну так вот, — весело продолжал свой рассказ Тима, отпивая чай и откусывая пирог, — мы-то с Матвеем за «СКА» болеем, а Женя за «ЦСКА», представляете? Первый раз такое у нас было, чтобы мы с болельщиком из другого клуба на одной трибуне сидели. Вообще игра такая интересная была, я аж голос чуть сорвал, чтобы Женю перекричать. Он-то свистеть умеет, а я — нет. Вообще мы тогда знатно повеселились, Женя такой классный, несмотря на то, что взрослый и следователем работает.

Я сидела с опущенным взглядом, безостановочно размешивая в чашке уже давно растворившийся сахар. Я понимала, что сейчас случится «атомный взрыв», но как именно это произойдет, не знала. Поэтому, заняла выжидательную позицию.

— А кто такой Женя? — спросила Надя, младшая невестка.

Я подняла глаза, в надежде, что смогу как-то намекнуть Тиме, чтобы он не вдавался в подробности. Но он не смотрел на меня. Я перевела взгляд на Матвея, ища помощи. Он незаметно кивнул и ткнул Тиму в бок.

— Ты что?

— Ничего, пей чай. Много болтаешь, — сердито сказал ему брат.

— Так кто такой Женя? — спросила свекровь, и я поняла, что взрывной механизм запущен и остановить его невозможно.

И тут до Тимы стало, видимо, доходить, что имел в виду Матвей, когда сказал, что он много болтает. Он виновато посмотрел на меня, но тут же вздрогнул от требовательного голоса Антонины Константиновны:

— Тимофей, кто такой Женя?

— Это... мамин друг... знакомый, — промямлил Тимофей.

Матвей глубоко вздохнул и закатил глаза. А я перестала размешивать чай и замерла.

— Дрянь, — сказала свекровь громким шепотом, обращаясь ко мне, но так, чтобы её слышали все. — Потаскуха.

В комнате наступила мертвая тишина. Я обводила взглядом сидящих за столом. Тимофей сидел, опустив глаза, видимо уже жалея о сказанном. Андрей вжал голову в плечи. Его жена, Надя, испуганно переводила взгляд со свекрови на меня. Матвей растерянно смотрел на меня. Свекровь же прожигала меня ненавидящим взглядом. Всем своим видом она давала мне понять, где моё место.

Моё сердце колотилось как бешеное, я пыталась усмирить его, но оно не слушалось. Мне казалось, что его стук слышат все, находящиеся в комнате. Я прикрыла глаза и глубоко вдохнула — я старалась усмирить ураган, бушевавший внутри меня. То, что произошло минутой ранее, стало последней каплей, которая заставила моё терпение перехлестнуться через край огромной бочки унижения и оскорблений, летевшими в мой адрес на протяжении стольких лет. Но я хотела всеми силами избежать скандала и сдерживалась, как могла.

Наконец, я открыла глаза и посмотрела на портрет Алексея, который стоял в серванте за спиной свекрови. Он смотрел мне прямо в глаза. Перед глазами пронеслась наша с ним семейная жизнь. Я поняла, что единственным человеком, который имел право предъявлять мне претензии, был именно Лешка. Но он никогда бы не поступил так. Более того, я не сомневалась, что если бы Леша мог сейчас оказаться с нами за одним столом, он обязательно вступился бы за меня.

Я осторожно положила чайную ложку на блюдце. Но, соприкоснувшись с фарфором, дурацкая железка, как нарочно, громко звякнула, пронзив тишину комнаты, словно кто-то со всей силы ударил в гигантский колокол. Этот звук словно запустил пружину в механизме моего возрождения и освобождения.

— Да, я дрянь. Но очень счастливая, — сказала я, глядя свекрови прямо в глаза. — Надеюсь, что теперь я лишена привилегии посещать ваши убогие посиделки? Вы же не потерпите присутствие ДРЯНИ и ПОТАСКУХИ в своем доме и оставите, наконец, меня покоем?

Первый раз за столько лет я смогла дать отпор этой властной женщине. И не чувствовала никаких угрызений совести. Мне не было стыдно ни перед ней, ни перед детьми, ни тем более перед Андреем с Надей.

Я сделала это не ради себя, а ради памяти Алексея, и, в первую очередь, ради Жени. Оскорбив меня, Антонина Константиновна оскорбила и его. Этого простить ей я не могла. Она не давала жизни своему сыну, не давала жизни мне. Но ей и этого было мало, она попыталась через меня протянуть свои грязные руки к Жене. Я не могла допустить, чтобы кто-то обижал его.

Я поднялась из-за стола и сказала детям:

— Я ухожу домой. Вы можете остаться, если хотите.

Матвей тут же встал, Тимофей немного помедлил и поднялся вслед за братом. Мы вышли в коридор. В комнате все еще стояла такая же мертвая тишина. Видимо, Надя с Андреем боялись сделать хоть одно движение, которое могло бы привлечь внимание свекрови к ним. Я оделась первой и, не прощаясь, покинула квартиру.

— Тима, вызови такси, — протянула я свой телефон сыну, когда мы вышли на улицу.

Меня начало потряхивать — нервная система запоздало отреагировала на произошедшее в квартире у свекрови. Я не различала ни букв, ни цифр в приложении. Голова закружилась, пришлось сесть на скамейку.

— Ма, ты в порядке? — Матвей присел рядом.

— Да, сейчас все пройдет, — я положила свою руку поверх его и попыталась

улыбнуться.

Ужасно хотелось плакать. Я подняла глаза к небу, чтобы не дать волю слезам. Я обещала не плакать, пока Женя ТАМ. И я сдержу обещание, как бы тяжело мне не было. Потому что знаю, что ему там тяжелее в сотни раз. Я буду сильной. Буду сильной ради него, ради нас. А когда он вернется, я стану слабой, я уткнусь ему в грудь и буду плакать. А он будет обнимать, целовать, обжигать своим дыханием.

— Мам, такси, приехало, — к нам подошел Тима.

— Замечательно, едем домой.

Машина кружила по двору, чтобы выехать на проспект. А я смотрела на дом бывшей свекрови и прощалась с ним навсегда. Ещё одна страница моей жизни была перевернута навсегда.

С отъезда Жени прошло почти четыре месяца. Вернее, сто восемнадцать дней. У меня был тяжелый день на работе. Настолько тяжелый, что я выключила телефон, когда вернулась домой. Я устала от того, что заказчики и начальство звонили и писали мне в любое время суток. Им было неважно — выходной или будний день, в офисе я или в отпуске.

Моя работа была хорошо оплачиваемой, поэтому, найти альтернативу с достойным доходом было очень сложно. А у меня подрастали дети и через пару лет им нужно будет выбирать институт. Поэтому, я терпела такие неудобства.

Но в этот день, придя с работы, никакие аргументы не смогли убедить меня не выключать телефон. Если что-то срочное, родственники дозвонится детям. А начальство и клиенты переживут эти выходные без меня. В конце концов мир не перевернется. А если начнёт переворачиваться, у руководства есть мой домашний адрес. Именно так рассуждала я, когда переводила свой телефон в режим полета.

Вечером, лежа в спальне, я думала о Жене. От него так давно не было новостей, что ждать становилось все труднее. Я убеждала себя в том, что если бы что-то случилось, я бы обязательно почувствовала. Или мне бы сообщили — наверняка его коллега, который звонил мне несколько недель назад, нашел бы способ связаться со мной. Эти мысли крутились в моей голове на протяжении последних дней, как только я оставалась одна. Я изводила себя догадками. Мне нужна была хоть какая-то крохотная частичка информации, чтобы продолжать ждать.

Я вспомнила наше прощание у подъезда. Как же хотелось снова почувствовать его губы на своих, ощутить тепло его объятий.

«Будет, все обязательно будет. Нужно только еще немного подождать», — уговаривала я себя. Но душа все равно ныла от неизвестности. Я встала и подошла к окну. На улице бушевала непогода. Сильный порывистый ветер гнул деревья к земле, закручивал опавшую листву и гнал её по тротуарам, раскачивал дорожные знаки. Стихия ревела, неслась, кружила, пытаясь утянуть за собой все, что попадалось на пути. Лишь одинокий фонарь, стоявший на противоположной стороне улицы, не шевелился. Ему были нипочем задумки ветра и дождя. Он продолжал гордо стоять и освещать темную улицу, даря надежду тем, кто отчаялся увидеть свет.

Я задвинула шторы, вернулась в кровать и мгновенно уснула. В ту ночь я не видела никаких снов, спала крепко, ни разу не проснувшись. Видимо, мой организм за меня решил, что пора брать здоровье в свои руки. Я была ему за это благодарна, потому что проснулась я полная сил и энергии.

Я накинула халат и вышла из комнаты. Из кухни доносился шепот Тимы и Матвея, и аромат яичницы с беконом.

— Доброе утро, — заглянула я к сыновьям.

— Доброе утро. Ты как раз к завтраку, — Матвей кивнул на сковородку, которую держал в руке.

— Супер, сейчас умоюсь и присоединюсь к вам.

— Тебе чай?

— Да, спасибо.

После завтрака ребята уехали до вечера с одноклассниками за город. Я вымыла посуду,

привела себя в порядок и села на диван, размышляя о том, чем бы заняться. На глаза мне попался мой выключенный телефон. Первым порывом было вывести его из «авиа режима», но я заставила себя потерпеть еще хотя бы пару часов и еще немного пожить в изоляции от мира.

Я сидела и рассматривала рисунок на обоях. Последний раз я занималась этим в школьные годы, когда меня отправляли спать пораньше, а я совершенно не хотела этого делать. И вот вместо того, чтобы засыпать, я рассматривала завитки на обоях и додумывала животных, которые могли бы получиться, если дорисовать детали.

Настроение моё было на подъеме, что было редкостью в последнее время. Вот что значит отключить мозг и выспаться. Я сладко потянулась и улыбнулась новому дню.

В это время в дверь позвонили. Я не спешила идти открывать, так как гостей не ждала, а у детей были ключи. А разговаривать с соседями или дворниками была совершенно не настроена. Я заняла выжидательную позицию. Если позвонят еще раз — открою. Если нет, значит не очень-то и важно было.

Звонок раздался еще раз. Нехотя поднявшись с места, я вышла в коридор и, не глядя в глазок, открыла дверь.

«Хорошо, что у моего мужчины отличная реакция и сильные руки», — успела подумать я прежде, чем стала оседать на пол.

— Юлька, ты что? — подхватил меня Женя, не дав упасть.

Я не верила своим глазам, поэтому не могла произнести ни слова. Я боялась, что все, происходящее — это просто фантазии моего уставшего сознания.

— Эй, ну-ка не пугай меня, — Женя легонько встряхнул меня, взволнованно глядя в глаза.

— Это правда ты? — спросила я и прильнула к нему, крепко обвив шею руками.

Женя обнял меня и прижал к себе. Из моих глаз, наконец-то, полились слезы, которым так долго было запрещено показываться. Безграничное счастье обрушилось на меня. Я так ждала его, что сейчас, стоя в объятиях любимого мужчины, боялась пошевелиться и спугнуть его.

Еще какое-то время мы молча стояли, обнявшись. Я не могла отлипнуть от Жени, и он не отпускал меня. Я слышала, что мимо квартиры проходили соседи, но даже не думала о том, чтобы закрыть дверь, которая была открыта нараспашку. Я не могла оторваться от своего мужчины и мне было все равно, что кто-то мог увидеть нас.

— Юленька, родная, посмотри на меня, — Женя попытался отстраниться и заглянуть мне в глаза.

Я осторожно подняла голову — боялась, что могу спугнуть счастье, и оно исчезнет и снова заберет у меня любимого. Но Женя не исчез, а смотрел на меня родными, но сильно уставшими глазами.

— Давай дверь закроем, — он отпустил меня, закрыл дверь и снова притянул к себе. — Я вернулся, — выдохнул он мне в макушку, а его теплая ладонь зарылась в мои волосы, — навсегда.

— Вернулся...живой...навсегда. Я так ждала тебя...Ты больше не уедешь?

— Не уеду. Ты только не плачь, а то я... — Женя не договорил, его голос дрогнул.

— Еще немножко поплачу и больше не буду. Я так долго терпела, — на этой фразе меня прорвало окончательно, и я заревела навзрыд. И не могла остановиться. Мне нужно было выплакать нашу разлуку, смыть боль расставания и горечь ожидания. Все, что я держала в

себе эти месяцы, я отпустила наружу. Я освобождала место для любви, которая стремительно заполняла моё сердце, вытесняя все страхи, которые жили во мне, пока Женя был далеко.

— Рева ты моя, — вздохнул мой мужчина.

Спустя какое-то время, мне удалось взять свои эмоции под контроль.

— Ты устал? — спросила я у Жени, крепко держа его за руку.

— Нет.

— Пойдем, я тебя покормлю.

Женя раздевался, а я стояла рядом, боясь отойти от него. Будто он мог куда-то исчезнуть. Когда его крутка оказалась на вешалке, я взяла его за руку, и повела за собой.

— Юль, — Женя остановил меня на пороге кухни и развернул к себе.

В то же мгновение его губы накрыли мои. И все страхи, волнения, переживания в один момент отступили и рассыпались на миллионы осколков, которые никто и никогда не сможет склеить — на счастье. Это был наш первый настоящий поцелуй, нежный и долгий. В нем мы узнавали друг друга, привыкали друг к другу.

За моей спиной расправлялись крылья, которые долгие месяцы мятыми комочками прятались у меня под кожей.

Спустя время мы сидели на кухне. Я накормила Женю, мы пили чай и разговаривали. Я испытывала невероятный трепет от того, что он был рядом. Я могла протянуть руку и дотронуться до него. Как же долго я мечтала об этом.

— Ещё чаю? — спросила я, когда Женя отодвинул свою чашку.

— Спасибо, достаточно, — отказался он.

Я встала, чтобы убрать чашки со стола. Но не успела — Женя осторожно взял меня за руку, притянул к себе и посадил на колени.

— Я дико соскучился, — он уткнулся головой мне в шею.

А я зарылась руками в его волосы и глубоко вдохнула. Втянула в себя еле уловимый аромат цитруса, который запомнила еще там, в поезде, где мы впервые встретились. Сколько времени прошло с того дня? А ведь, я и предположить не могла, что тот незнакомый мужчина, покоровший меня своей улыбкой, станет для меня самым родным и дорогим. Что рядом с ним я буду оживать, а без него — задыхаться. Что он сможет вернуть мне веру в любовь.

Я сидела, переполняемая эмоциями, на коленях любимого мужчины, крепко прижавшись к нему. Весь мой мир был в Нём.

— Я слышу, как бьется твое сердце, — Женя поднял голову.

Его светлые серые глаза, которые все эти месяцы я искала в каждом сюжете военных корреспондентов, начали затягивать меня. Сердце ускорило бег, внизу живота сладко тянуло. Больше сдерживать себя я не могла, наклонилась и поцеловала Женю. И все стоп-краны были сорваны в тот момент. Мы снова долго и нежно целовались, а потом я поднялась и, взяв его за руку, повела за собой в спальню. Он нужен был мне весь, целиком. И себя я готова была отдать ему всю, без остатка.

Несмотря на то, что мы оба были голодны друг до друга, мы не торопились. Наши прикосновения были осторожными, а ласки — трепетными. Женя нежно целовал меня, словно извинялся за долгую разлуку. А я своими поцелуями забирала всю его боль. Мы отдавались и принадлежали друг другу. Не было Меня, не было Его, были только МЫ. Мы одновременно пришли к финишу, самому яркому, который я когда-либо испытывала. Моё тело и душа рассыпались на миллиарды разноцветных частиц.

Я лежала в крепких объятиях своего любимого мужчины и гладила его по руке. Я была выпита до доньшка и наполнена до краёв, одновременно, нашей первой близостью.

— Тебе было страшно там? — спросила я, когда вернулась в реальность и могла снова говорить и думать.

— Да, — он ответил не сразу. — Даже, учитывая, что я не был в окопе на первой линии, а занимался своими прямыми обязанностями. Там не может не быть страшно.

Я сильнее прижалась к нему. Так, что смогла услышать, как бьется сердце.

— Но я все время думал о тебе.

Женя убрал прядь волос, сползшую мне на щеку и нежно погладил по плечу. Глаза снова защипало от подступивших слез.

— Ты больше не уедешь?

— Не знаю. В ближайшее время точно нет. В понедельник ребята в отделе ждут, там дел накопилось, нужно помочь разгрести.

— В понедельник? — я приподнялась на локте и испуганно посмотрела на Женю.

— В понедельник.

— Это же послезавтра?

— Да, Юль, послезавтра.

— Так быстро. Я еще не надышалась тобой, — сказала я и спрятала лицо у него на

груди, испугавшись своего признания.

Женя приподнялся и очень ловко перевернул меня так, что я оказалась лежащей на спине, а он нависал надо мной.

— А я тобой, — сказал он и стал покрывать поцелуями моё лицо, снова завлекая меня в мир, принадлежащий только нам.

— Сколько времени? — спросила я, когда отошла от очередной порции ласки и любви.

— Почти два часа, — ответил Женя, взглянув в свой телефон. — У тебя дела?

Я отрицательно покачала головой.

— Хотя... нужно в магазин сходить, чтобы накормить моих мужчин, — я вспомнила, что в холодильнике практически пусто и приготовить обед или ужин было не из чего.

— Пойдем, ходим.

— Угу, только еще чуточку полежим, — пробубнила я и, придвинувшись ближе к Жене, закинула на него ногу.

— Провокаторша.

— Ага, — согласилась я, закрывая глаза.

Я не помню, как уснула. Осознала это только, когда стала просыпаться и слышать голос Жени, доносившийся словно издалека. Постепенно он стал громче, и я стала различать слова. Я нехотя приоткрыла глаза и увидела, что Женя сидит на кровати и разговаривает по телефону.

Я непроизвольно потянулась к нему и погладила по спине, мне нужно было ощутить его тепло.

— Разбудил? — спросил он у меня, поцеловал в щеку и вышел в коридор.

Я полежала еще немного и с большим нежеланием вылезла из кровати. Накинула халат и отправилась на поиски Жени. Я услышала, что он на кухне и все еще разговаривал по телефону. Голос при этом у него был стальной и жесткий.

«Если бы кто-нибудь так разговаривал со мной, я бы умерла», — пронеслось в голове. Я даже немного напряглась. Но стоило мне заглянуть на кухню, как моё напряжение сменилось весельем. Обнаженный Женя стоял у окна с очень серьезным выражением лица и, уже слушая собеседника, кивал головой.

— Нет, ну нельзя в таком виде решать серьезные дела, — сказала я тихо, сдерживая улыбку.

В ответ на мою реплику Женя удивленно поднял брови. А я прыснула со смеху, подошла к нему сзади и обняла за талию. Он еще пытался продолжать разговор в той же строгой манере, но давалось ему это уже с трудом. Мне ужасно захотелось похулиганить, и я осторожно прикусила его за плечо. В ответ, меня хотели хлопнуть по попе, но мне удалось вывернуться и избежать шлепка. Женя улыбнулся, прищурился и погрозил мне пальцем. В ответ я послала ему воздушный поцелуй и вышла из кухни.

Днем мы вместе сходили в магазин за продуктами. Дети вернулись домой, когда я как раз заканчивала готовить ужин. Я видела, что появление Жени обрадовало и их. Правда, радость мальчишек, в отличие от моей, была сдержанной. Они утащили его к себе и засыпали расспросами, пока я накрывала на стол.

Женя остался у нас. Тимофей и Матвей приняли это как факт и не задавали вопросов. Воскресенье пролетело незаметно. Нам не удалось побыть наедине, так как погода была плохой, и дети целый день провели дома.

Женя уезжал ночным поездом и чем ближе время подходило к его отъезду, тем тяжелее

становилось на душе. Он складывал вещи в сумку, когда я зашла в спальню.

— Я провожу тебя, — сказала я ему.

— Не нужно. Погода отвратительная. Ты промокнешь, — он подошел ко мне и провел рукой по щеке.

— Я провожу тебя, — упрямылась я.

— Юля, — он заглянул в мои глаза, — мне тоже тяжело уезжать. Но с этим ничего поделать нельзя. Ты приедешь ко мне или я приеду к тебе. И мы снова будем вместе. Но сегодня меня провожать не нужно. Иначе ты заболеешь, а я этого совсем не хочу.

Я заплакала. Фантомные боли расставания с Пашей обрушились на меня. Он тоже не разрешил мне проводить его. А потом исчез на долгие годы.

— Родная, не плачь, — Женя вытер слезы, катившиеся по моим щекам. — У нас все будет хорошо, обещаю.

Я смотрела на него сквозь мокрые ресницы. От него веяло уверенностью, ему можно было верить. Он не мог обидеть. Его глаза смотрели на меня с любовью.

— Хорошо, не буду, — вздохнула я и утерла последнюю слезу.

Следующие две недели были невероятно тяжелыми. Ни у Жени, ни у меня не получилось вырваться на выходные и приехать в другой город. У меня все валилось из рук, единственным желанием было слышать и видеть Женю. В течение дня мы обменивались сообщениями, а вечерами подолгу разговаривали. Спасибо человеку, который изобрел видеосвязь! У меня была возможность видеть Женю, считывать его эмоции, делиться своими. Но и этого мне было катастрофически мало. Казалось, что наша долгая разлука, когда он был в командировке, далась мне легче. Хотя тогда я очень редко получала от него короткие весточки.

Поэтому, когда начальство одобрило мне дополнительный выходной в пятницу, а дети подтвердили, что проживут без меня три дня, я практически воспарила над землей. Я отправлялась в Москву!

В этот раз я ехала в поезде в самом приподнятом настроении. Думала только о том, что скоро увижу Женю и отчитывала минуты до встречи с ним. Мы договорились, что я доберусь до его работы на такси, а оттуда мы вместе поедем за город.

Когда такси остановилось у нужного дома, я вышла и позвонила Жене.

— Юленька, ты приехала?

— Да, я внизу, — внутри меня разлилась волна тепла от родного голоса.

— Бегу. Не исчезай, — Женя сбросил вызов.

«Ни за что!» — ответила я про себя.

Через минуту я увидела знакомую фигуру и моё сердце принялось бежать быстрее, словно хотело ускорить мгновение, когда я окажусь в теплых объятиях, а мои губы попадут в плен самому лучшему мужчине.

— Не могу оторваться от тебя, — сказал Женя, отступив на шаг назад, но не выпуская моей руки из своей.

Я молчала и улыбалась. Я не сомневалась, что мои глаза светились счастьем и говорили о многом за меня.

— Пойдем, я тебе машину открою. Подождешь меня минут пятнадцать?

Женя забрал мой чемодан, взял меня за руку и повел вдоль парковки к своей машине.

— Я машину завел. Вот тут температура регулируется, — ткнул пальцем на панель климат-контроля, — на случай, если будет холодно. Если что — звони, я не долго, — закончил он, но уходить не спешил.

— Беги уже, а то мы так и проведем все дни на парковке, — засмеялась я. Мне и самой не хотелось расставаться ни на секунду, но Жене нужно было доделать дела.

Он кивнул, но прежде чем уйти наклонился и легко коснулся моих губ.

Я сидела в машине и ждала Женю. Иногда ловила на себе веселые взгляды прохожих. Сначала они меня смущали, но поняв причину, я перестала на них обращать внимание. Просто после того, как я увидела Женю, с моего лица не сходила счастливая улыбка. Наверное, я казалась этим людям дурочкой. Но на самом деле я просто была счастлива.

Впереди у нас были три дня, которые мы планировали провести только вдвоём. Я была в приподнятом настроении, и ничто не могло его испортить. Я прикрыла глаза и замечталась.

Мои мечтания были прерваны резким стуком в окно. Я открыла глаза и увидела Пашу, стоящего рядом с машиной.

«Что ему нужно?» — пронеслось в голове. Я смотрела на него и не шевелилась. Он снова постучал и кивнул головой, приглашая выйти из машины. Я немного помедлила, но, набравшись храбрости, все-таки вышла.

— Привет, — сказал он тоном, в котором не было ни одной приятной нотки.

— Здравствуй, — ответила я.

— А я то думаю, чего это Женька светится как медный таз в последнее время, — ухмыльнулся он. — А оказывается, вон оно что.

Мне не хотелось вступать с ним в диалог. Весь вид Паши показывал, что он презирает меня. Будто я совершила какой-то грязный поступок. А единственным грязным поступком за всю мою жизнь был вечер, проведенный с ним в питерском отеле. И его мы совершили вместе.

— Ну и как?

— Что?

— Как тебе с ним?

— Тебе не все равно? У тебя вон колечко на пальце новое блестит, — кивнула я на обручальное кольцо.

Паша судорожно убрал руку в карман. Мы стояли и пристально смотрели в глаза друг другу. Что хотел разглядеть Паша во мне, я не знаю. Но точно знаю, что я пыталась найти хоть что-то от того прежнего Пашки, который покорило моё сердце. Но как бы я не силилась, ничего не получалось. Передо мной стоял совершенно чужой человек. А фраза, которую он бросил, прервав нашу молчаливую дуэль, только подтвердила это:

— Слушай, ты не задумывалась, почему мужик в сорок лет никогда не был женат?

Я удивленно приподняла бровь. Не от того, что мне это было интересно. А от того, что никак не ожидала услышать этот вопрос от мужчины. Обычно такими глупостями, как сплетни, занимаются женщины, которым жизнь других людей покоя не дает.

— Он же бабник. Ни одной юбки не пропускает, — Паша приблизил свое лицо ко мне и округлил глаза. Надеялся усилить впечатление от сказанного?

«Даже не сомневалась, что услышу что-то подобное», — ухмыльнулась я про себя.

— Если у тебя все сплетни, я, пожалуй, сяду обратно в машину?

Я отвернулась и открыла дверь, намереваясь прекратить этот неприятный диалог. Но Паша опередил меня и резким движением закрыл её. Я чувствовала, что он стоит за спиной, но оборачиваться не спешила.

— Неужели ты все забыла? — прошептал он мне на ухо, крепко взяв меня за локоть.

— Ничего я не забыла, — прошептала я. — И никогда не забуду.

Но Паша этого не услышал, так как мой шепот заглушил проезжающий мимо трактор.

«И то, как ты сбежал от меня. И то, как я ждала тебя. И то, как ты обидел меня», — бубнила я про себя, сдерживая слезы. Ему все-таки удалось вывести меня из себя.

— Юля! — раздался за спиной стальной голос Жени.

Паша резко отошел от меня.

— Что у вас тут происходит? — спросил Женя, глядя на Пашу.

— Все в порядке, — я подошла и взяла его за руку.

Боялась, что он не сможет совладать со своими эмоциями. Я помню телефонный разговор и то, каким жестким Женя может быть. Боялась провокации от Паши. Я уже ни капли не сомневалась, что он способен на гадости.

Паша ухмыльнулся, развернулся и стал медленным шагом удаляться от нас. С каждым

его шагом я чувствовала все большее облегчение.

Женя помог мне сесть в машину. Сам он был очень напряжен. Таким я видела его первый раз и пока не понимала, что могу сделать. В полном молчании мы выехали с парковки, и встроились в городской поток. Я смотрела в боковое окно, периодически поворачиваясь к Жене. Желваки на его лице играли, на меня он не взглянул ни разу.

Только когда мы выехали на загородную трассу, и машина стала увеличивать скорость, мне показалось, что Женя стал расслабляться. Возможно, скорость помогала ему снять стресс. Но все равно тень, которая залегла между нами, никуда не девалась.

— Женя, останови, пожалуйста, — сказала я, когда молчание стало невыносимым.

— Что?

— Останови, пожалуйста, где это можно, — уточнила я свою просьбу.

Мы проехали еще немного, прежде чем автомобиль начал снижать скорость.

— Здесь нормально? — спросил Женя, медленно съезжая на обочину.

Я кивнула. Когда машина остановилась, я отстегнула ремень безопасности, но осталась сидеть на месте, набираясь смелости сделать то, что я задумала. Женя непонимающе смотрел на меня.

То, что я сделала в следующий миг, казалось мне самым правильным, чтобы разом убить все ростки недоверия. Я перелезла со своего кресла, плюхнулась Жене на колени и стала целовать его. Сначала он сидел в оцепенении, не шевелясь. Но постепенно лед между нами начал таять, и я почувствовала, как одна его рука гладит меня по спине, а вторая зарывается в волосы.

— Больше никогда так не делай, — сказала я, когда нашла в себе силы оторваться от Жени. — Кроме тебя в моей жизни нет никого. Я тебе уже говорила, что эта страница моей жизни давно перевернута. Но я тебе больше скажу — она вырвана и сожжена.

Я замолчала и уставилась на Женю. В ответ он пожал плечами, и я заметила, что уголки его губ подрагивают от сдерживаемой улыбки.

— Что? — переспросила я.

— Ты просишь от меня невозможного.

— В смысле?

— Ну если ты вот так будешь на меня набрасываться каждый раз, когда я нахмурюсь, то я еще сто раз подумаю сердиться мне на тебя или... — он не договорил и громко рассмеялся. — Видела бы ты сейчас своё лицо.

Чтобы скрыть своё смущение, я уткнулась ему в шею и мгновенно успокоилась, почувствовав родной запах. «Какой же он у меня... самый лучший», — упивалась я нашей близостью.

— Он не обидел тебя? — уже другим, серьезным тоном спросил Женя.

— Нет, не обидел. Меня не возможно обидеть, если ты рядом.

— Юлька, ты все-таки провокаторша! — Женя взял моё лицо в ладони и посмотрел прищурившись. — Мы такими темпами до дома не доберёмся. Твоя попа так зазывно трется о меня, что мне уже сложно контролировать себя.

— Ну уж нет, — я мгновенно вернулась на своё место и пристегнулась. — Я совершенно не хочу заморозить свою игривую попу. У меня на неё большие планы.

— У меня тоже, — Женя подмигнул и завел двигатель.

А я отвернулась и прикусила губу. «Нет, нельзя быть такой счастливой. Нужно же как-то сдерживаться», — ругала я себя, при этом сияя от счастья, как медный таз.

Когда мы доехали до поселка, где у Жени был дом, я совершенно расслабилась и выкинула всё из головы, освободив место лишь для нас двоих. Мы въехали во двор, Женя закрыл калитку и повел меня в дом.

— Не пугайся, тут еще не все доделано. Но жить можно, — предупредил он меня, когда открыл входную дверь. — Проходи, я сейчас батареи и камин включу. Обувь не снимай, полы холодные.

Я закрыла дверь и стала осматриваться. В прихожей, действительно, еще были следы стройки и ремонта. Местами лежали строительные материалы и инструмент. Я прошла в гостиную, которая была совмещена с кухней. Эта комната была уже похожа на жилую. Небольшая барная стойка отделяла кухонный гарнитур от зоны столовой и гостиной. Белая мебель выделялась на фоне серых стен. В середине стоял диван, серого цвета, но оттенком чуть темнее, чем стены. На полу лежал полукруглый ковер с замысловатым графическим узором в оттенках серого и малинового цветов. Весь интерьер дополняли и связывали воедино плотные шторы и подушки на диване насыщенного винного цвета.

Я крутила головой, пытаюсь рассмотреть каждую деталь. Мне казалось, что все, что было в этой комнате, выбирала и планировала я сама — настолько мне понравилось то, что я увидела.

— Не замерзла? — Женя вернулся и сразу же направился к камину, чтобы развести огонь. — Батареи включил, скоро будет тепло. А пока камин разожжем для быстрого тепла и уюта.

Я взяла стул и поставила его рядом с камином так, чтобы удобно было наблюдать за тем, как Женя колдует с дровами. Первые языки пламени заиграли и отбросили на наши лица желтые огни. Комната стала наполняться теплом и жизнью. А во мне зарождалось ощущение дома.

Когда камин разгорелся, мы принесли из машины вещи и продукты. Я все разложила в холодильник и шкафчики, а Женя ушел во двор разводить костер для шашлыка.

Спустя время мы сидели во дворе на качелях. Ждали, когда будут готовы угли. На улице было свежо, поэтому Женя принес плед, в который мы с ним дружно завернулись. Мы медленно раскачивались, рядом потрескивали дрова и переговаривались птицы, прилетевшие полакомиться к кормушке, подвешенной на дереве. Я готова была вечно сидеть на этих качелях в объятиях Жени и счастья.

Насытившись шашлыком, мы прогулялись по поселку и сходили в баню. Там Женя наглядно продемонстрировал, какие планы у него были на мою попу, пройдясь по ней березовым веником — «чтобы я больше не хулиганила».

День завершался на самой позитивной ноте. Я не ходила, а парила от переполнявших меня эмоций.

Я поднялась в спальню, чтобы переодеться в домашний трикотажный костюм — я была мерзлячка и несмотря на все старания Жени, немного подмерзла. Переодевшись, я стала спускаться по лестнице, когда в доме резко стало темно. Свет погас во всех помещениях одновременно.

— Жень, — позвала я.

Я ждала, когда он отзовется и стояла на месте, боясь сделать хоть один шаг в темноте.

— Я здесь, — донеслось снизу. — Ты в порядке?

— Да. Только ничего не вижу.

— Стой на месте, я фонарь принесу.

— Хорошо.

Я рукой нащупала стену и прислонилась к ней плечом. Мне казалось, что так я буду в большей безопасности. Потом осторожно опустила и присела на ступеньку.

— Если хочешь, можем поговорить, пока я ищу фонарь, — напомнил о себе Женя, — если тебе не комфортно.

— Со мной все в порядке, не отвлекайся, — успокоила я его и улыбнулась. Мне была приятна его забота. — Но если тебе самому страшно, мы, конечно, можем поболтать, — решила я подколоть своего мужчину.

— Ну держись, вредина. Вот найду фонарь и поговорю с тобой.

— Жду с нетерпением.

Я прикрыла глаза — все равно ничего толком видеть я не могла. Сидела и прислушивалась к звукам, доносившимся снизу. Женя что-то переставлял, открывал, иногда по стене гостиной пробегала тонкая полоска света от его мобильного телефона.

— Ура! — раздался, наконец, возглас ликования. — Нашел.

Я захлопала в ладоши.

— Я иду за тобой, — театрально провозгласил Женя.

— Жду тебя, мой спаситель.

Я увидела на полу внизу пятно теплого света, которое медленно подползало к лестнице. Женя держал в руках свечу и поднимался по ступенькам, протянув мне руку.

— Фонарь я не нашел, зато обнаружил это, — кивнул на высокую свечу в своих руках.

— Это прекрасно. Устроим романтический вечер, — я торжественно положила свою руку в Женину, и мы стали медленно спускаться.

Мы зажгли еще несколько свечей, Женя добавил дров в камин и открыл бутылку вина.

— Держи, — протянул мне бокал и присел рядом.

Я придвинулась к нему поближе и закинула ноги на диван.

— Так спокойно, — протянула я. — Спасибо.

— За что?

— За все это, — я обвела взглядом комнату. — За этот вечер, за твоё тепло, за то, что ты есть.

Женя чмокнул меня в макушку.

— Это похоже на тост, предлагаю выпить. Но, прежде чем выпьем, я добавлю пару слов.

— Интересно.

— За тебя и за то, что ты появилась в моей жизни.

Он протянул бокал, чтобы чокнуться. Огонь в камине и свечи придавали вину золотистый оттенок. Языки пламени отражались в стенках бокала. В памяти всплыли посиделки у костра в деревне, когда мы с девчонками пекли картошку и вели откровенные разговоры. Из этих разговоров я узнала много нового о взрослой жизни, чего никогда не узнала бы ни от родителей, ни от своих городских подружек. Там же мы частенько играли в то, что у современной молодежи называется «правда или действие».

Я сделала глоток и решила задать вопрос, ответ на который давно хотела услышать.

— Жень, — начала я.

— М?

— Я хочу спросить...но если не захочешь, можешь не отвечать.

— Что?

Я поменяла позу — пересела лицом к нему, закинула локоть на спинку дивана и поджала под себя ноги. Женя смотрел на меня и ждал вопрос.

— Ты ведь не был женат?

— Нет.

— И детей у тебя нет. Почему?

Он ответил, но не сразу:

— Не встретил женщину, которая хотела бы иметь детей, — он пожал плечами.

Его ответ меня обескуражил.

— А разве такие женщины бывают? — я не сводила с него глаз, молча умоляя объяснить.

— Юль, ну что ты так на меня смотришь? У меня нет скелетов в шкафу. Почему ты вообще про это спросила? — теперь уже он смотрел на меня.

Я не знала, что сказать и как объяснить свой интерес.

— Ты может думаешь, что я бабник, поэтому и не женат в сорок лет?

Я опустила глаза и покрутила бокал. Это именно то, на что намекал Паша. Хотя я сердцем чувствовала, что Женя не такой, но все равно что-то внутри меня не давало покоя.

— Ну-ка, — он взял меня за подбородок и заглянул в глаза. — Ты серьезно?

Он ухмыльнулся, поднялся с дивана и подошел к камину. Какое-то время он стоял, шевеля кочергой дрова.

— Тебе это так важно? — повернулся он ко мне.

Я неуверенно пожала плечами, жалея, что затеяла этот разговор.

— Хорошо, если тебе это важно... — он вернулся и снова присел рядом со мной. — Помнишь наш разговор про желания?

Я кивнула.

— Ты спросила меня, изменил бы я своё желание, если бы мог. И я сказал, что изменил бы, — он замолчал, сделал глоток вина и продолжил. — Я не евнух и в моей жизни были женщины. Не одна и не две.

Я почувствовала укол ревности. Ну что делать — сама виновата, напросилась, теперь слушай.

— Но серьезные взрослые отношения у меня были с одной, Леной. Мне исполнилось тридцать, когда, глядя на своих женатых друзей, я стал понимать, что готов создать семью. Лена пришла к нам в отдел на практику, на последнем курсе института. Глаза горят, умная, энергичная, молодая. И все неженатые мужики глаз на неё положили. А она меня выбрала. Мы начали встречаться, потом жить вместе. У нас все было замечательно за исключением одного — разницы в возрасте, которая предполагала разные интересы. И касалось это не только фильмов или музыки. Но, в первую очередь, взглядов на жизнь. Я уже нагулялся и был готов к семье. А она — нет. И сколько бы я не намекал ей, что пора оформить наши отношения, Лена все время отшучивалась. Да, официального предложения я не делал, наверное, на уровне подсознания чувствовал, что она не готова. — Женя тяжело вздохнул и резко провел рукой по лицу. — Сначала она говорила, что фамилию менять не хочет. А потом, когда я попросил ее ответить серьезно, так как понимал, что дело не в фамилии, она сказала то, чего я точно никак не ожидал услышать. Она сказала, что брак предполагает детей. А она детей не хочет. Ещё и уточнила: ни от меня, ни от кого-то еще. Можно

подумать, что от этого замечания мне должно было полегчать, — он горько ухмыльнулся. — И вообще её все устраивает в наших отношениях. Куда хотим ездить, где хотим отдыхаем. Ну и прочая ерунда. А я этот участок-то купил, чтобы дом построить для неё, для нас.

Женя замолчал, а я прикусила губу, глядя на то, как изменилось его лицо. Ему было очень тяжело все это вспоминать.

— Прости меня, пожалуйста, — я отставила бокал и обняла его за шею. — Я полная идиотка. Сама не знаю, зачем я это спросила, — из моих глаз непроизвольно полились слезы.

Я пересела к Жене на колени и уткнулась в грудь. Мы оба молчали. Женя крепко обнял меня и стал покачивать, как маленького ребенка, успокаивая. «Дура, какая же я дура, — ругала я себя. — Это ты должна его успокаивать, а не от тебя».

— Ты был бы замечательным папой, — пробубнила я сквозь слезы. — А твоя Лена — дурочка.

— Юлька, — Женя повернул меня к себе и провел рукой по моим волосам. — У нас сейчас потоп случится, — он попытался улыбнуться.

В его глазах тоже стояли слезы. Я протянула руку и погладила его по щеке, мне хотелось забрать ту боль, которую причинила своими не нужными расспросами. Наши поглаживания постепенно переросли в поцелуй, который, казалось, длился, вечность.

— Я люблю тебя, — прошептал Женя, когда мы смогли оторваться друг от друга.

Он смотрел на меня с такой нежностью, что я замерла и перестала дышать. Настолько неожиданным и долгожданным было его признание.

— Я люблю тебя, — повторил Женя и снова поцеловал меня. — И еще... — он пересадил меня на диван и, взяв со стола свечку, направился к лестнице на второй этаж.

— Ты куда? — спросила я, все еще находясь в оцепенении.

— Сейчас вернусь.

Я встала с дивана, подошла к камину и протянула руки к огню. Меня бил озноб от эмоцией. Я стояла, глядя на танцующее пламя, не думая ни о чем. Постепенно дрожь отступила и мне стало хорошо и спокойно, как не было уже давно.

— Я вернулся, — услышала я голос Жени за спиной и обернулась. — Ты не сгоришь? — спросил он и, отвел меня чуть в сторону от камина.

Я видела, что он был чем-то взволнован, но спрашивать не стала.

— Юленька, родная.

— Да?

— Я не знаю, как это должно быть... — Женя взял меня за руку. — Поэтому, пусть это будет так, как я чувствую сейчас. Я люблю тебя и знаю, что это взаимно, — он замолчал, глядя мне в глаза.

Я кивнула. Видимо, все-таки сомнения во взаимности чувств у Жени были, так как после моего кивка он облегченно выдохнул и продолжил:

— Я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты выйдешь за меня?

— Да, — ответила я, не раздумывая ни секунды. Каждая моя клеточка тянулась к нему и хотела быть только с ним. — Я выйду за тебя, родной.

Женины глаза снова заблестели. «Какой же он чувствительный у меня», — подумала я, сама еле сдерживая слезы.

— Вот, позволь мне надеть? — он взял мою руку и надел на безымянный палец кольцо с небольшим камушком.

— Я люблю тебя, — сказала я и все-таки заплакала.

— Ну точно, потопа нам сегодня не избежать, — Женя притянул меня к себе и крепко обнял.

Утром я осторожно выползла из кровати, накинула халат Жени и на цыпочках вышла из спальни. Душа моя пела и мне хотелось подпевать ей в голос, чтобы все вокруг знали о том, как я счастлива. Но там, за дверью, крепко спал мой мужчина, поэтому я старалась вести себя как мышка, лишь бы не потревожить его сон.

Я спустилась в кухню и подошла к окну, сквозь которое пробивались яркие лучи утреннего солнца. Лужайка перед домом была белой от выпавшего ночью снега. «Первый снег, в моем городе вновь первый снег...», — пропела я про себя. Мне казалось, что в мире нет более счастливого человека, чем я. Наверное, если бы за окном в тот момент разыгралась буря, я радовалась бы и ей.

Я заварила кофе и забралась с ногами на мягкий диван, любясь видом из окна. Ощущение дома окутало меня с такой силой, что я чуть не задохнулась. «Неужели это все не сон?» — спрашивала я себя, опасаясь, что могу проснуться. «Нет, не сон, Юлька! Это твоя жизнь, самая настоящая жизнь!»

За последний год со мной произошло так много событий, что по степени эмоциональности они легко могли перекрыть собой предыдущие безликие годы. Я попрощалась с прошлым и, сначала осторожно приоткрыла, а потом уверенно распахнула дверь в будущее. Я поверила Жене и пошла за ним. Да, не сразу — сопротивляясь обстоятельствам и себе. Но благодаря тому, что у моего мужчины оказалось гигантское терпение, он не торопил меня и дал время, чтобы я научилась доверять.

Я подумала о Жене и моё сердце ускорило бег. Последнее время так происходило всегда, когда я думала о нём. Я почувствовала, что ужасно соскучилась по нему, хоть и не видела его всего каких-то пятнадцать минут. Я спустила ноги с дивана и так же на цыпочках вернулась в спальню. Но вместо того, чтобы снова забраться в кровать под бок к своему любимому, села в кресло напротив, откуда можно было наблюдать за спящим Женей, не тревожа его сон.

Я смотрела на его, такие родные черты лица, на полуобнажённое тело, выглядывающее из-под одеяла, и моё сердце сбивало ритм, от любви и нежности. В тот момент я знала, что предыдущие годы моего одиночества и душевных страданий были даны мне для того, чтобы в один прекрасный день судьба подарила мне встречу с НИМ. Единственным мужчиной моей жизни. Теперь я знала это наверняка — ни Паша, ни Алексей, не были теми мужчинами, с которыми мне суждено было состариться и умереть в один день.

— Юлька, ты на мне дыру проглядишь, — не открывая глаз сказал Женя.

От неожиданности я вздрогнула.

— И давно ты за мной подглядываешь? — уточнила я.

— И не думал подглядывать, — Женя приоткрыл один глаз.

— Откуда же ты знаешь, что я тут? Ты что притворялся все это время? — я запрыгнула на кровать и на четвереньках подползла к нему.

Женя приподнялся на локте и с ухмылкой посмотрел на меня.

— Ты в детстве «Бременских музыкантов» смотрела?

— А при чем тут это?

— Песенку про сыщика слышала: нюх — как у собаки, а глаз — как у орла? Вот это обо мне.

— Ты меня пугаешь, — рассмеялась я и откинулась на подушку. — У меня что теперь никаких секретов не может быть?

— Неа.

— Ну вот, — я состроила обиженную физиономию.

— Да, вот так, привыкай, — Женя улыбнулся. — Юль, я так тебя люблю, что мне не нужно открывать глаза, чтобы понять, что ты рядом, — добавил он уже совершенно серьезно.

К горлу подступил ком — я никак не могла привыкнуть к его признаниям. Чтобы Женя не увидел моих слез, которые готовы были выкатиться из глаз, я крепче прижалась к нему и уткнулась макушкой в подбородок.

— Ты специально меня провоцируешь? — я почувствовала горячее дыхание над своим ухом.

— А? — выползла я из своего укрытия и посмотрела в смеющиеся глаза Жени.

— Ты специально так сильно ко мне прижимаешься своим прекрасным полуобнаженным телом?

Я проследила за его взглядом и поспешила запахнуть раскрывшийся халат, из которого бесстыдно выглядывала моя обнаженная грудь и ягодица. Но сильная мужская рука остановила мой порыв, перехватив кисть.

— Поздно, — сказал Женя низким голосом и поцеловал меня.

— Угу, — ответила я ему в губы и откликнулась на поцелуй.

— Сама напросилась, — он освободил меня от халата.

— Напросилась-напросилась, — подтвердила я своё желание, которое волной накрыло меня.

И снова я уносилась в другое измерение, рассыпалась на мелкие частицы, возрождалась и снова распадалась на атомы. Рядом с этим мужчиной я не могла быть другой, я хотела принадлежать ему душой и телом.

Мы уносились навстречу нашей новой жизни, в которой через девять месяцев появилась маленькая девочка, а вместе с ней — самый любящий папа на свете.

Больше книг на сайте - Knigoed.net